
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ЖДАНОВ

[1838]

Жданов Михаил Павлович (1810—1877), действительный статский советник. Окончил Харьковский университет (1832), служил в Департаменте государственных имуществ, с 1839 г. чиновником особых поручений. В 1838—1839 гг. по служебным делам (с целью наблюдения за состоянием сельского хозяйства) объехал значительную часть Европейской России; в мае-июне 1838 г. побывал и в Тверской губернии. Впечатления о поездке впоследствии составили книгу «Путевые записки по России». На книгу отозвался В. Г. Белинский (Путевые записки по России, в двадцати губерниях... Михаила Жданова (1843) // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953—1959. Т. VII. С. 25—30). В 1854—1856 гг. — харьковский вице-губернатор. Текст печатается по изд.: Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.]. СПб.: В. Поляков, 1843. С. 24—28.

Как много ни говорили и ни писали о достоинстве шоссе, но путешественник не может отказать себе в удовольствии заметить в своих записках об удобстве такой дороги. Там, где было болото, топи, — теперь протянулось шоссе длинную высокою плотиною, огражденною перилами; там, где были горы, — ныне только приятные, после ровной дороги, взволоки! Чистота на шоссе соблюдается более, чем на улицах некоторых городов. <...>

Вышний Волочек. Кому неизвестно, что самое умное соображение по сообщению вод морей Каспийского и Балтийского принадлежит русскому мужичку Сердюкову?¹ По предложению его Петр Великий велел прорыть в Вышнем Волочке канал, посредством которого соединились Тверца и Мста. Около 73 000 верст вошли в систему этого сообщения, — сюда принадлежат 76 озер и 106 рек и речек. Слава уму нашего простого соотечественника! Да продлится память о нем на многие лета! Любуясь пропуском барок из канала в Мсту, я вспомнил о Сердюкове: с каким удовольствием посмотрел бы на изображение умного селянина, если бы оно, вылитое из меди,

---

¹ См. о нем в примечаниях к тексту Берхгольца.

было здесь поставлено!² В канале ежедневно собирается до сорока барок, нагруженных разным хлебом, салом, канатами, яйцами и другими произведениями. Вечером посредством скрытых ворот открываются ворота в канале, скопившаяся вода быстро выливается в реку, и с нею по очереди спускаются барки; с последнею тотчас ворота запираются. Все барки через две-три недели будут в Петербурге, если грозные Боровицкие пороги не сделают для которой-либо из них вечной преграды. Впрочем, и там, как говорят, ныне редко случаются несчастья. Водяные сообщения Тверской губернии доставляют поселянам хороший заработок: они занимаются строением барок, лоцманством и бечевичеством.³

Торжок — небольшой, но хорошо построенный город. В нем довольно каменных домов и церквей. В Торжке два предмета заслуживают особенного внимания: во-первых, сафьянные изделия, шитые золотом и серебром и развозимые по всей России. Почти все женщины среднего сословия занимаются здесь этой работой. В магазинах, находящихся при гостиницах, товар так же дорог, как в Петербурге и в Москве; в других же лавках можно получить шитые сапоги, башмаки и прочие вещи гораздо сходнее. Второй предмет относится до гастрономии: в гостинице Пожарской⁴ готовятся очень вкусные котлеты; они делаются из курицы и тают во рту: советую всем проезжающим чрез Торжок покушать их. Порция, или две котлетки, стоят только рубль.⁵ Кстати, хоть и поздно немного, сказать, что на станции Померанье⁶ угощают славными вафлями, а в Яжелбицах⁷ — форелью.

Тверь. Положение Твери очень живописно, и этому много способствуют протекающие здесь Волга, Тверца и Тьмака. Первая здесь еще не так величественна, как в Нижнем Новгороде или Саратове; но по крутым берегам ее можно узнать царицу наших рек. Тверца

² О проекте Екатерины II установить памятник М. И. Сердюкову на Вышневолоцких шлюзах и о современном памятнике см. в примечаниях к тексту Сегора.

³ Бечевичество — буксирование людьми (бураками) или лошадьми судов на канате (бечеве) по сухопутной дороге вдоль берега водного пути (бечевника).

⁴ Пожарская Аграфена Сергеевна. См. о ней в тексте Ишимовой.

⁵ Своей известностью гостиница обязана А. С. Пушкину, упомянувшему ее в стихотворении из письма к С. А. Полторацкому: «На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке, / Жареных котлет отведай (именно котлет) / И отправься налегке...» (*Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 2. С. 316*).

⁶ Д. Померанье Тосненского у. Петербургской губ.

⁷ С. Яжелбицы Валдайского у. Новгородской губ.

впадает в Волгу в самом городе, но на некоторое пространство воды их заметно разделяются. Город довольно красив; после бывшего пожара императрица Екатерина велела построить несколько каменных зданий, которые впоследствии перешли во владение частных лиц, оттого эти дома так однообразны; кроме сего есть другие хорошие здания. Собор⁸ и дворец,⁹ в котором жила великая княгиня Екатерина Павловна,¹⁰ украшают собою город. Против дома гражданского губернатора¹¹ вновь разведен сад,¹² откуда прекрасный вид на Волгу и заречную сторону.

За городом, вниз по Волге, в роще, построен воксал,¹³ где по праздникам собираются жители. Мне случилось быть на таком гулянье

---

⁸ Тверской Спасо-Преображенский собор.

⁹ Императорский путевой дворец.

¹⁰ Екатерина Павловна (1788—1819), великая княжна, дочь Павла I, в 1809 г. вступила в брак с принцем Георгом Ольденбургским, генерал-губернатором тверским, ярославским и новгородским, и поселилась с ним в Твери.

¹¹ Дом губернатора (ул. Советская, 10—12), прямоугольное здание в переходном архитектурном стиле от барокко к классицизму, построен во второй половине XVIII в.

¹² Губернаторский сад был разбит в 1831 г. к востоку от Дворцового сада, заложенного в 1780-х гг. на прилегающей к дворцу территории, напротив дома губернатора. Украшением его стала липовая аллея; много было также сирени, шиповника, цветов.

¹³ Публичный сад на берегу Волги, по аналогии с лондонским Воксхоллом названный Вокзалом (1776), имел регулярную планировку, в миниатюре повторяющую трехлучевую планировку Твери. Ближе к берегу был поставлен каменный павильон — круглый зал с двумя кабинетами, оркестром и бельведером (Свод. Ч. 1. С. 202). Ср. стихотворение А. Е. Измайлова «На отъезд из Твери М. Ф. Охлестышева»: «Прости, дивизия шестая! / Прости, добрейший генерал! / Прости! — скажу еще, вздыхая, / Как нас в Твери ты утешал! / Что без тебя был наш воксал? / Твои Орфеи-музыканты / Обворожали там наш слух, / А офицеры-адъютанты / Тверь обращали в Петербург. / При них и наш воксал убогий / Ведь ходил на Летний Сад / Большой аллеей иль дорогой, / Где по краям стояли в ряд / Купцы брадаты, величавы, / Смирненны девы златоглавы, / Их маменьки в цветных платках / С двумя концами на спинах... / Куда ни обратим мы взоры, / Где, где у нас танцоры? / Один улан лишь мазурист. / Теперь хоть не танцуйте дамы: / Играйте все в бостон да вист...» К стихотворению сделаны следующие примечания: «Воксал, или публичный сад, в Твери достопримечателен тем, что при устройстве одного столько посажено деревьев, сколько было дворян при открытии тверского наместничества. Предание уверяет, будто каждый дворянин посадил по дереву»; «Тверские девицы носят остроконечные шапочки из золотой парчи, а замужние повязывают на головы большие платки, которые сзади распускаются двумя широкими кон-

по приглашению одного немецко-русского помещика. К нему съехался весь тверской beau monde. Женщины и девицы одеты были просто — в белых платьях, мужчины — в сюртуках. Хозяин, очень добрый, радужный человек, похожий на грибоедовского Платона Михайловича,¹⁴ более всех был доволен собою; у него свой фантастический наряд: сюртук со сборками, белая кавалерийская фуражка, широкие шаровары, шпоры. Его жена — миленькое существо, хотя уже лет двадцати пяти, но девического в ней много, начиная с голубого корсажа. Она была ко всем приветлива и старалась одушевить общество. Девуц было довольно; но из них одну только можно назвать хорошенькою, она недавно выпущена из института. Из замужних женщин, конечно, первое место принадлежит одной прекрасной брюнетке с томными, черными глазками. В Твери военных очень много: здесь гусары, уланы, артиллеристы; а известно, где много военных, там и весело. Статских в числе танцующих я не видал ни одного! Впрочем, на этот раз нельзя сказать, чтобы было очень весело; сколько я заметил, танцевали молча или мало говорили и разъехались в десять часов.

В Твери есть четыре или пять домов очень хороших, где всегда можно провести время приятно. Мне в особенности понравилось семейство одного артиллерийского штаб-офицера, у которого всё в доме в отличном порядке, а главное — добрая, милая, умная хозяйка и хороший стол.

Деревенская жизнь тверских помещиков похожа на городскую: хотя бы за двадцать, за тридцать верст, приезжают только на обед или на вечер, а потом, после ужина, должны возвратиться домой. Это рассказывал мне один помещик.

Окрестности Твери очень хороши, особенно по течению Волги и Тьмаки. Жители любят загородные прогулки; мужчины и женщины ездят верхом и катаются в лодках. Близ города два монастыря: один из них на Тьмаке,¹⁵ а другой на дороге к Петербургу.¹⁶

цами» (*Тверские поэты*. С. 54–55). Ср. тверские женские наряды в альбомах Солнцева.

¹⁴ Платон Михайлович Горич, герой пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁵ Тверской Успенский Желтиков монастырь (с. Борихино) основан святителем Арсением в 1394 г., основные монастырские сооружения построены в XVIII–XIX вв.; пострадал в 1930–1940-е гг.

¹⁶ Николаевский Малицкий мужской монастырь (с. Николо-Малица) основан между 1584–1595 гг., назван по имени речки Малицы, огибавшей монастырь с севера и запада и впадавшей в р. Межурку — приток Волги. Основные сооружения построены в конце XVIII–XIX в. В 1941 г. был почти полностью разрушен; восстанавливается.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА ИШИМОВА

[1844]

Ишимова Александра Осиповна (1804, Кострома — 1881, Петербург), писательница для детей. При начале обучения проявила феноменальные способности, научившись за четыре месяца читать по-русски, по-французски и по-немецки, но затем, по причине болезни, ученье было надолго прервано. С 1818 г. отец ее был сослан из Петербурга, семья жила в Усть-Сысольске Вологодской губернии, в Никольске, Кемь и в Соловецком монастыре. В 1825 г. Ишимова приехала в Петербург и испросила облегчение участи отца, который после того был переведен в Архангельск. В Петербурге Ишимова открыла небольшую школу, но в 1830 г. она была закрыта, вследствие чего Ишимова стала заниматься литературным трудом. Написала «Историю России в рассказах для детей» (1834), которая сблизила ее с литературными и придворными кругами. С 1841 г. императрица Александра Феодоровна назначила ей ежегодную пенсию. С 1842 г. Ишимова издавала журнал для детей «Звездочка», а с 1850 г. — журнала для девиц «Луч». Впервые опубликовано: Ишимова А. О. Каникулы 1844 года, или поездка в Москву. СПб.: Тип. Имп. АН, 1846. Частично републиковано: ВИКА: Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 2001. № 4. С. 83—95. Текст печатается по первому изданию (с. 54—88).

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

По дороге от Зимогорья или Валдая до первой станции *Едровой*,¹ замечательной тем, что она находится ровно на половине дороги между Москвою и Петербургом, есть много очень красивых местоположений. Лучшее украшение их составляет Валдайское озеро, подле которого приходится ехать. Вообще от Валдая до Вышнего Волочка видно много воды то на одной, то на другой стороне дороги, а иногда и на обеих в одно время. Заметно, что приближаешься к месту главных водья-

---

¹ С. Зимогорье и Едрово Валдайского у. Новгородской губ.

ных сообщений наших. Здесь Николай Дмитриевич² много толковал нам о важности Вышнего Волочка в том отношении, что он служит местом соединения двух отдаленнейших морей наших — Балтийского и Каспийского, соединения, которого первое начало сделано было еще бессмертным Петром нашим. Предназначив Петербургу быть одним из главнейших портов в свете, он видел, что для успеха внутренней торговли необходимо соединить его с теми внутренними губерниями, из которых можно в изобилии получить всё, что нужно для продовольствия многолюдной столицы. И это соединение сделалось Вышневолоцким каналом — первым из каналов русских. Не спрашивай меня о подробностях этого важного для нас водяного сообщения: если ты знаешь, что главная цель этого канала соединить воды Невы с водами Волги — то и этого довольно. Николай Дмитриевич, однако ж, нашел, что этого не совсем довольно, и, подъезжая к Вышнему Волочку, объяснил нам все системы водяных сообщений наших, а приехав туда, тотчас показал нам каналы и шлюзы. Проезжая в конце июля месяца, мы не заметили здесь особенной деятельности, но говорят, что надобно посмотреть Вышний Волочек весною и в начале лета, в дни спуска в каналы судов. Тогда делается во всём городе величайшая суматоха: народ толпится не только по берегам каналов, но даже на всех площадях и улицах, во всех домах и лавках. Каждому есть какое-нибудь дело до отправляющихся судов: иной спешит с ящиком, другой с письмами, третьему надобно получить деньги с отъезжающих купцов, четвертому — отдать их какому-нибудь приятелю. Одним словом, шум, крик, суета на каждом шагу. И эта суматоха начинается на рассвете дня, в который объявят с барабанным боем о спуске и выставят флаг. С приближением решительной минуты город начинает походить на галерею подле вагонов железной дороги: все рабочие и лоцманы спешат на свои места, все купцы и расстающиеся спешат договорить последние прощанья. Как скоро шлюзные ворота отворятся, все рабочие начинают молиться и призывать *Бога в помощь, а св. Николу в путь*; — в минуту же прохода в ворота на всём быстром бегу барок поют радостные песни. Вообще вышневолоцкие жители охотники до песен и хорошо поют их: мужчины лучше, нежели женщины, которые очень жеманятся во время пения. Нас очень сместила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург. Везде, где только у нас , они ставят *и*, а где *е* — так у них *я*. И вот оттого и выходят такие

---

² Николай Дмитриевич, Ольга Дмитриевна, Лиза и Валериан — спутники автора.

слова: *бясида* вместо *беседа*; *дивушка* вместо *девушка*; *лито* вместо *лето*, а иные слова трудно понять, так она коверкает их.³ Кроме многих каналов, в Вышнем Волочке есть еще и река. Зовут ее Цна. В городе есть много красивых строений и 9 000 жителей. Я описываю тебе, милая сестрица, все города, которые мы проезжаем, с такою подробностью, что, я думаю, журнал мой может служить твоим детям вместо географического урока; но это всё делается по твоей просьбе — вспомни и потом извини, если ты соскучишься за длиннотою моих описаний: я стараюсь только исполнить твое желание и доставить тебе и семейству твоему самое верное и подробное описание дороги из Петербурга в Москву.

Торжок

В 65-ти верстах от Вышнего Волочка явился перед нами прехорошенький городок Торжок. Он очень старинный: летописи наши говорят о нем еще в XII веке. Первую церковь и монастырь построил в нем в 1015 году конюший князей Бориса и Глеба, так несчастно окончивших жизнь свою. Много несчастий перенес в древности и самый Торжок, и всё более за связи свои с гордым Новгородом, который называл себя то *братом* его, то *властителем*. Пять раз он был разоряем почти до основания. В последний раз это было в 1606 году. Имя его доказывает, в чем состояла главная слава его, но после разорения 1606 года это доказалось еще гораздо более. После страшного разорения, которому подвергся тогда Торжок от поляков, в нем оставался только монастырь св. чудотворца Ефрема. Вот бедные, разоренные жители начали сходиться торговать с теми поселянами, которые приезжали в церковь монастырскую помолиться Богу. Торги эти шли так удачно, что разоренный Торжок назван был вскоре в воспоминание прежнего *Новым Торгом*, а жители — *новоторжцами*. Это имя осталось при нем до сих пор. В строениях городских заметно, что торговля, а с нею и богатство были всегда принадлежностью Торжка: дома, церкви, гулянья, гостиный двор, большие площади, набережная, сады — всё это богато не по уездному городку, во всём видно, что деньги щедрою рукою сыпались на это устройство. Приятная картина довершается живою деятельностью народа, попадающего на улицах: кажется, все здесь заняты делом, а это так приятно видеть! В январе и сентябре бывают здесь ярмарки,⁴ на кото-

³ Ср. описание Вышнего Волочка у Глушкова.

⁴ В Торжке было 4 ярмарки: Крещенская (6 января), Борисоглебская (2 мая), Никитская (15–21 сентября) и Покровская (1 октября). См.: *Илиодор*. С. 101–102.

рых продается одних крестьянских изделий на 60 000 руб. По этому можно судить о торговых способностях жителей Торжка. Надобно сказать, что в этом отношении большим пособием для них всегда было положение их города при судоходной реке Тверце, по которой мимо Торжка проходит каждый год до 4 000 барок. Это доставляет им возможность торговать с Петербургом, Москвою, Малороссиею, Нижним Новгородом и, одним словом, со всеми местами, которые лежат по берегам рек, имеющих сообщение с Тверцою и Волгою, куда впадает Тверца. Выгодное положение всегда доставляло Торжку такую важность, что в XIII веке Новгород едва не погиб от него голодною смертию: жители Торжка, поссорившись за что-то с новгородцами, вздумали не пропускать к ним съестных припасов.⁵

Теперь в числе произведений новоторжской промышленности и торговли первое место занимают изделия кожевенные: здесь можете вы найти прекрасные козловые кожи и сделанные из нее тюфяки, чемоданы, портфели, кисеты, сапоги, башмаки и туфли, вышитые золотом, серебром и шелками. Всё это проезжие могут купить, почти не выходя из экипажа: в том же доме, где гостиница, есть и магазин с этими вещами. Разумеется, все они тут очень дороги: путешественникам, на полчаса остановившимся, нет времени торговаться, а почти всегда есть охота купить какой-нибудь гостинец тем, к кому они едут.

В богатом Торжке и гостиницы богаты, и особенно одна, которую содержит вдова Пожарского.⁶ Мы удивлены были, вошедши в ее комнаты. Вообрази, милая сестрица, высокие и огромные залы, с окнами и зеркалами такого же размера, с самую роскошною мебелью; все диваны и кресла эластически мягки, как в одной из лучших гостинных петербургских, столы покрыты цельными досками из цветного стекла, занавесы у окон кисейные с позолоченными украшениями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изящной роскоши, какой хотела придать своим комнатам: всё это великолепие окружено стенами не только не обитыми никакими обоями, но даже довольно негладко вытесанными. Такая беспечность имеет в себе что-то оригинально русское. Но главная слава этой гостиницы заключается не в убранстве ее; нет, ты, верно, не угадаешь в чем, любезная сестрица. В котлетках, которые известны здесь под именем *пожарских*. Быть в Торжке и не съесть пожарской котлетки кажется делом невозможным для многих путешественников. Николай Дмитриевич, сообщая нам все примечательности

⁵ Ср.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3, гл. IV.

⁶ Речь идет об Аграфене Сергеевне Пожарской, управлявшей гостиницей после смерти мужа Евдокима Дмитриевича Пожарского (Салимов А. М., Салимова М. А. В поисках пушкинской гостиницы. Торжок; Тверь, 2003. С. 97).

дороги, хотел, чтобы мы имели понятие и об этих чудесных котлетках, и приказал подать их за обедом. Ты знаешь, что я небольшая охотница до редкостей в кушаньях, но мне любопытно было попробовать эти котлетки, потому что происхождение их было интересно: один раз в проезде через Торжок императора Александра дочь содержателя гостиницы Пожарского⁷ видела, как повар приготовлял эти котлетки для государя, и тотчас же научилась приготовлять такие же. С того времени они приобрели известность по всей Московской дороге, и как их умели приготовлять только в гостинице Пожарского, то и назвали *пожарскими*. Мы все нашли, что они достойно пользуются славою: вкус их прекрасный. Они делаются из самых вкусных куриц.

В Торжке изобилие во всём; после сытного обеда нашего нам поднесли и десерт: несколько мужчин и женщин стояли на крыльце гостиницы с корзиночками самых крупных вишен. Мы с восхищением купили, потому что вишни были чудесные, но каково же было наше удивление, когда вместо полной корзиночки этих прекрасных ягод мы нашли только два ряда их, а остальное составлено было из нескольких рядов толстой сахарной бумаги! Мы подсадовали на богатый и торжовый Торжок.

Вскоре после обеда дилижанс наш был уже запряжен, и мы отправились по дороге к городу, некогда очень знаменитому в России, — Твери. Чуть было не забыла написать тебе несколько слов от Лизы: она, зная твой изящный вкус, просит сообщить тебе о том, какую церковь видели мы при выезде из Торжка. Это одна из старинных, каких здесь очень много, но выкрашена, уж не знаю, давно ли, только подивись выбору красок: вообрази, что она сама темно-голубая, фундамент ее желтый, а кровля зеленая.⁸

ТВЕРЬ

Торжок отделяется от Твери только 58 верстами. Но и на этом небольшом расстоянии заметна разница и в местоположении, и в постройке домиков крестьян, и даже в самом состоянии этих крестьян. Не знаю, как внутри, но, по крайней мере, снаружи тверские деревни кажутся гораздо беднее новгородских: кровли у них почти все соломенные. Места по дороге также изменяют вид свой по мере приближения к Твери: они теряют свою возвышенность и делаются плоски и болотисты. Но у самой Твери они вдруг делаются красивы по-прежнему

---

⁷ Дарья Евдокимовна Пожарская.

⁸ Успенская церковь (каменная с 1760 г.) более известна в Торжке как Васильевская по посвящению придела в честь св. Василия Кесарийского (*Илиодор*. С. 133; *Монастыри и приходские церкви Торжка и их достопримечательности*. Тверь, 1903. С. 38).

и, можно сказать, еще красивее, потому что оживлены самою величественною из рек нашей Европейской России — Волгою. Да, колыбель этой прекрасной реки в Тверской губернии, — и в самой Твери уже надобно переезжать ее по мосту, довольно низенькому. Может быть, он оттого показался нам таким, что оба берега Волги высоки и на мост надобно спускаться под гору. Первое знакомство наше с Волгою на этом мосту было тревожное, или, как говорит Валериан, — *поэтическое*. Вообрази, милая сестрица, страх наш: съезжая с горы довольно скоро, огромный дилижанс наш въехал на мост с большим шумом, и в эту самую минуту въезда раздался со всех сторон крик: «стой! стой!» Мы с Лизой и с Ольгой Дмитриевной тотчас подумали, что мост сломался и мы опускаемся в воду. Однако прошло несколько секунд, и мы всё еще не проваливались, и лошади наши всё еще бежали, а около нас все что-то кричали. Ты легко можешь представить себе, в каком мы были положении и как мало мы в состоянии были слышать всё, чем старался успокоить нас Николай Дмитриевич, который сначала и сам не совсем понимал, что случилось. Наконец не прежде, как на половине моста, мы удостоверились, что не провалимся. И что же это было? От сильных дождей и ветру вода в Волге так поднялась, что доходила почти до перил мостовых, и когда мы въехали на мост, то она выступила и на мост. Вот прежде кричали нам: «Стой!», чтобы мы не так скоро ехали на мост, а потом кричали на лошадей, чтобы они не остановились на мостовом возвышении, что в самом деле могло быть опасно при высоте воды. Когда мы поднялись уже на другой берег и спокойно ехали по дороге к гостинице, то весело было нам говорить о нашем приключении, а на мосту это было очень страшно, и я имею теперь понятие о том чувстве, с каким люди проваливаются с мостов в воду.

Тверь — прекрасный городок по местоположению и по строениям. Лучший вид на него с Петербургской дороги: вообрази ряд каменных домов, по большей части прекрасных, на длинном протяжении высокого берега, покрытого до самой воды прелестною зеленью. Кроме этой прекрасной улицы-набережной, в Твери есть еще замечательная улица — *Миллионная*. Она вся застроена богатыми каменными домами одинаковой высоты и гостиним двором в два этажа. Так как и наш петербургский гостиний двор имеет не более двух этажей, как и у нас есть *Миллионная*, в которой также отличительною чертою — одинаковая высота домов, как и Невская набережная наша представляет один из лучших видов петербургских, то, проезжая Тверь от одного конца ее до другого, где Миллионная улица оканчивается огромным домом больницы,⁹ — нельзя не заметить какого-

⁹ Городская больница.

то миниатюрного сходства — или, лучше сказать, родства красивой Твери с великолепным Петербургом. И этому есть причина, кроме одинакового положения их на берегах двух таких прекрасных рек, как наша Нева и Волга: Тверь украшена или, лучше сказать, вновь создана Великою Екатериною. Вот каким образом: вы, конечно, уже знаете, милые читатели мои, что Тверь в старину была очень велика, ведь она составляла некогда отдельное княжество, и даже тверские князья были несколько времени и *великими князьями*, так, стало быть, Тверь бывала и столицею. Но следы бывшего великолепия ее исчезли не столько от времени, сколько от сильных пожаров, особенно часто случавшихся в Твери. 12-го мая 1763 года был самый ужаснейший из них: город выгорел почти до основания. Это было во второй год царствования императрицы Екатерины II. Государыня, необыкновенная во всё, явилась необыкновенною и в помощи, оказанной ею городу, некогда знаменитому в истории России: она приказала построить на счет свой по каменному дому, крытому железом, каждому из граждан; кроме того, она приказала построить гостиный двор, магистрат, много разных других строений и вымостить камнем дорогу. С этого времени Тверь, как феникс из пепла, совершенно возродилась к новой жизни, и жители ее, конечно, всегда будут передавать детям своим рассказы об этой беспримерной милости благодетельной государыни.

Ты, конечно, догадаешься, милая сестрица, от кого мы узнали все эти интересные подробности; Николай Дмитриевич, я думаю, еще в Петербурге приготовил записку обо всех примечательностях дороги нашей: невозможно, кажется, так верно помнить всё это наизусть. Неудивительно, если у него есть такая записочка: ведь у него есть и табличка, в которой записано, что делать в каждый час дня, и он бывает очень недоволен, если не успеет исполнить чего-нибудь из назначенного по этой табличке. Это бывает с ним, конечно, не в дороге, где нет возможности и думать о какой-нибудь точности. В дороге, кажется, он совсем оставляет свои ученые привычки, и мы не заметили в нем до сих пор никакого неудовольствия на наши женские, иногда в самом деле очень скучные, хлопоты. Но возвратимся к Твери. Мы проехали ее почти всю прежде, нежели увидели любимую гостиницу Николая Дмитриевича, в которой по желанию его мы и остановились. Мы остаемся здесь до завтра. Погода прекрасная, и для всех нас есть в Твери много любопытного: для Ольги Дмитриевны церкви и монастыри в городе и окрестностях его; для меня дворец,¹⁰ где не-

---

¹⁰ Императорский путевой дворец.

когда жила великая княгиня Екатерина Павловна¹¹ и где Карамзин¹² в 1810 году читал ее высочеству и императору Александру Павловичу первые главы своей истории.¹³ Для Лизы же и Валериана всё интересно в Твери: им сказал Николай Дмитриевич, что здесь скончалась бывшая прежде царевна татарская, а потом супруга великого князя Георгия Даниловича¹⁴ Кончака-Агафия.¹⁵ Они давно уже знали историю этой Кончаки из одной небольшой книжечки, которую давала Лизе читать одна маленькая приятельница ее.¹⁶ Известно, что эта замечательная в истории нашей царевна или великая княгиня умерла скоропостижно в Твери, где княжил тогда в. <еликий> к. <нязь> Михаил Ярославич,¹⁷ прозванный *отечестволюбом*. Георгий Данилович, племянник Михаила, князь хитрый и честолюбивой, женившийся на татарской царевне, сестре тогдашнего хана Узбека, только для того,

¹¹ Екатерина Павловна, великая княгиня (1788–1819), в первом браке (1809) за принцем Георгом Ольденбургским (1784–1812), назначенным генерал-губернатором Новгородской, Тверской и Ярославской губерний (1809). Тверской великокняжеский двор вел активную общественную и культурную жизнь, главную роль в которой играла Екатерина Павловна, любимая сестра императора. Александр I (1777–1825), российский император (1801), старший сын Павла I, неоднократно бывал в Твери.

¹² Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель. О его пребывании в Твери свидетельствует мемориальная доска на Путевом дворце.

¹³ Ошибка Ишимовой: Карамзин читал главы «Истории государства Российского» Александру I и Екатерине Павловне 17 марта 1811 г. Чтение происходило в кабинете великой княгини на втором этаже дворца. Ранее Карамзин посетил Тверь в 1789, 1810 и феврале 1811 г. (Письма русского путешественника // Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 81–82; *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин. Материалы для биографии. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866. Ч. 1. С. 58–61).

¹⁴ Юрий (Георгий) Данилович (1281–1325), князь московский (1303–1325), великий князь владимирский (1318–1322), князь новгородский (1322–1325).

¹⁵ Кончака (в крещении Агафья, ? – 1318), сестра золотоордынского хана Узбека (ок. 1283–1341).

¹⁶ Кто полюбопытствует узнать эту историю, тот может прочитать ее в № 2 «Звездочки» 1842 года. — *Прим. Ишимовой*.

Звездочка, журнал для детей, посвященный благородным воспитанницам институтов ее императорского величества и издаваемый Александрю Ишимовой. 1842. № 2; ср.: *Ишимова А. И.* История России в рассказах для детей. СПб.: Тип. Имп. АН, 1837. Ч. 2. С. 1–9; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4, гл. VII.

¹⁷ Михаил Ярославич (1271–1318), князь тверской (1282/1285–1318), великий князь владимирский (1305–1318).

чтобы достичь до престола великокняжеского, который в те времена отдавался тому или другому из князей русских единственно по воле хана, — Георгий Данилович воспользовался неожиданной смертью супруги своей и поехал в Орду объявить Узбеку, что она умерла от отравы, данной ей по приказанию великого князя. Молодой, неопытный хан поверил словам клеветника, потребовал к себе Михаила и отдал его на суд вельмож своих, которые все были преданы Георгию как зятю своего государя. Разумеется, несчастный князь не мог оправдаться перед судьями, столь несправедливыми, и умер как мученик в Орде. Это было в 1319 году.¹⁸ Он признан Церковью нашей святым,¹⁹ и тело его, привезенное тогда же из Орды в Москву, а потом по просьбе супруги его в Тверь, почивает в здешнем Преображенском соборе. Вот нам всем очень хотелось помолиться этим мощам и мы, полные воспоминаний о Кончаке, которой всю историю Лиза подробно рассказала нам, отправились в собор. Он особенно примечателен своею древностью: первоначально его построил этот святой великий князь Михаил Ярославич, который теперь почивает в нем. При царе Михаиле Федоровиче²⁰ он был уже так ветх, что его разобрали и в 1682 году построили новый, нынешний, который весь из белого камня. В царствование Екатерины Великой архиепископ Платон²¹ так великолепно возобновил его и украсил такою превосходною живописью, что государыня в бытность свою в Твери в 1775 году сказала ему: «Вы так украсили собор, что я подобно красивого мало видывала».²² И в самом деле, еще и теперь, спустя почти 70 лет, нельзя не удивляться тогдаш-

---

¹⁸ Ошибка Ишимовой: Михаил Ярославич умер в 1318 г.

¹⁹ Михаил Ярославич канонизирован в лике благоверных в 1549 г. Мощи обретенны в 1632 г. и находились в Спасо-Преображенском соборе до 1936 г. Ныне фрагмент мощей хранится в храме Михаила Тверского (2002); рака, хранящаяся в Христорождественском монастыре, перевезена в Крестовую церковь в честь 12 апостолов Тверского архиерейского дома (Михаил Тверской. Тексты и материалы / сост. М. В. Строганов, О. М. Левша. Тверь: Золотая буква, 2005; Тверская епархия. URL: http://tver.eparhia.ru/sobyt/news_ep/?ID=474).

²⁰ Михаил Федорович (1596–1645), русский царь (1613).

²¹ Платон (в миру П. Г. Левшин; 1737–1812), тверской архиерей (1770), архиепископ Московский и Коломенский (1775), митрополит Московский (1787).

²² Екатерина II по пути в Москву на празднование Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией в 1775 г. посетила литургию в Спасо-Преображенском соборе, осмотрела город, посетила Платона в его резиденции в Трехсвятском (Волкова Н. Е. Екатерина Великая в Твери // Вече Твери. URL: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=5098>).

ней красоте его. Императрица Екатерина желала также участвовать в украшении этого знаменитого древностью храма: она построила великолепный алтарь в соборной теплой церкви его во имя св. великомученицы Екатерины. Он походит на алтарь церкви Императорского кабинета у нас в Петербурге. Здесь замечательна аллегорическая картина, на которой представлена олицетворенная Тверь, изъявляющая благодарность свою государыне, оказавшей ей столько благодеяний после пожара.²³ В Преображенском соборе некогда венчались на престол великие князья тверские. Святой в. <еликий> к. <нязь> Михаил венчался тут же и с супругою своею Анною,²⁴ известною в истории своею нежною привязанностью к нему и детям. Поклонившись святому праху мученика и осмотрев все примечательное в этом соборе, мы пошли по Миллионной. Проходя по этой улице, мы видели три площади, из которых всего примечательнее *Екатерининская*.²⁵ Она окружена лучшими домами в городе; из них в некоторых находятся разные присутственные места. Посредине площади стоит высокий столб с надписью, что в царствование императрицы Екатерины Великой началось строение прочной дороги между столицами. Смотри на этот памятник, нельзя не удивляться быстроте, с которою всё продвигается вперед в России. Еще не прошло 50-ти лет после царствования Екатерины, а у нас уже не только давным-давно ездят в Москву по прекрасному шоссе, но уже скоро будет железная дорога. На третьей площади,²⁶ составляющей самую средину города, мы видели также много красивых домов. В одном из них почтамт, в другом гимназия, в третьем училище и, наконец, в четвертом, огромном, — казармы для гарнизона. На этой площади строят ныне на Святой неделе качели для увеселения народа. Вот еще небольшое сходство с Петербургом. А лет за сорок назад здесь стояли великолепные Триумфальные ворота, поставленные в честь императрицы Екатерины Великой по случаю возвращения ее из южных областей России.²⁷

Из Миллионной мы прошли ко дворцу, но, к сожалению, не могли попасть во внутренность. В наших городах губернских не так удобен

²³ Ср. описание алтаря и картины у Глушкова.

²⁴ Анна Кашинская (ок. 1280—1368), жена Михаила Тверского (1299), канонизирована в 1650, деканонизирована в 1690, вторично канонизирована в 1909 г.

²⁵ Торговая, Восьмиугольная (Фонтанная, Екатерининская, Монументная, Судейская), Полуциркульная пл.

²⁶ Полуциркульная (Почтовая) пл.

²⁷ Ср. описание монумента и Триумфальных ворот у Глушкова.

К. И. Росси. Вид Путевого дворца в Твери. Северный фасад. 1800-е. Х., м. ТГОМ

доступ в примечательные места такого рода, как у нас в Петербурге. Для того чтобы получить позволение осмотреть дворец, нам надобно бы прождать у стен его, может быть, около часу, а мы дорожили каждой минутой времени; и так надобно было удовольствоваться только садом, принадлежащим ко дворцу. Он довольно велик и богат тенистыми деревьями. В разные стороны есть прекрасные виды на окрестности и особенно на Волгу, протекающую у самого сада. Но мы все решили, что грустно чувствовать пустоту в тех местах, где еще так недавно в сравнении с другими местами, виденными нами по этой дороге, было всё живо и радостно. При этом случае я не могла не подивиться, как глубока бездна прошедшего. Как быстро скрывается в ней всё, что поглощает она, и как незаметно и самые свежие жертвы принимают в ней один образ с теми, которые уже давно, давно лежали на мрачном дне. Не чудно ли, что и великая княгиня Екатерина Павловна, которой прелесть еще памятна для многих, живущих ныне, и император Александр, о котором вся Европа еще говорит как о своем недавнем спасителе, и, наконец, Карамзин, еще, можно сказать, живущий среди нас красноречивыми страницами своей истории, что все они — еще так недавно живые и современные нам — в неумолимом прошедшем стоят в такой же дали от нас, как и те, которые расстались с землею за несколько столетий прежде них! Отчего там, в этой непостижимой вечности, — нет близости для близких к нам? Я часто думаю об этом,

и сегодня все согласились со мною, что отраднее протекало бы для нас настоящее наше, если бы прошедшее не было так невозвратно. Как привязаться к тому, что скоро отнимется от нас так неумолимо?..

С такими грустными размышлениями вышли мы из сада покойной великой княгини и на одной из небольших улиц увидели необыкновенную для нас картину: около двадцати молодых женщин и девушек, в богатых платьях, замечательных по самой странной смеси старых и новых мод, шли, весело разговаривая между собою и не обращая никакого внимания на встречавшихся им. Николай Дмитриевич, которому уже давно известны обычаи тверские, рассказал нам, что в этом собрании красавиц верно есть одна молодая, т. е. вышедшая замуж в последний мясоед, а остальные почти все ее прежние подружки, которых она пригласила к себе погостить и посмотреть на ее житье-бытье. Такая гостьба продолжается иногда три или четыре недели и называется *девичьим гуляньем*. На том гулянье можно видеть все удовольствия тверской молодежи. Кроме такой прогулки, какую нам удалось видеть, здесь бывают по вечерам и пляски, и хороводы, и горелки, которые называются у тверитян *разбежками*. Есть у них и любимый танец — *бланжа*,²⁸ которого происхождение не чисто русское, но ревельское: говорят, что деятельные торговцы тверские вывезли его из Ревеля вместе с тамошними товарами. Николай Дмитриевич, которому удалось побывать однажды на таком гулянье, видел эту *бланжу* и говорит, что она очень походит на старинные кадрили с вальсом, только вместо вальса в бланже вертятся, держась за одну руку, и оканчивают общим кругом и шеном.²⁹ Довольно странно видеть вовсе нерусский танец между такими настоящими русскими людьми, каковы тверские мещане, особливо если в числе их попадутся девушки в старинном наряде тверских горожанок. Таких еще можно видеть в Твери и подивиться их дорогим ферезиям и их крупному жемчугу.³⁰ Жаль, что в толпе, попавшейся нам, не было уже ни одной такой: верно, она понравилась бы мне более этих смешных щеголих, разодетых в самые уморительные шляпки с огромными букетами цветов, в платья странного покроя из ярких шелковых материй; но посреди этого безвкусия вас вдруг поразит богатая мантилья, щегольской шарф, выписанные из Москвы или Петербурга. Ты, верно, думаешь, милая сестрица, что я шучу, рассказывая тебе это о тверских щего-

²⁸ Блáнжа (сев. твер.) — народная пляска в 8 пар, род кадрили (*Даль*. 1, 96).

²⁹ Шен (франц.) — известная выступка, прием в пляске, переборка, проход (*Даль*. 4, 628).

³⁰ Ср. описание девичьего гуляния и тверского костюма у Глушкова.

лихах почти самого простого звания. Нет, это всё настоящая правда: моды, благодаря большой проезжей дороге от одной столицы к другой, дошли и до простого класса тверских жителей и завладели там женскими сердцами. Мужчины же здесь, как и везде, имеют более постоянства в этом отношении, и в купеческих семействах по большей части придерживаются старинного обычая не брить бороды и не перемывать покроя старинных кафтанов, несмотря на всё щегольство женской половины.

Чуть было не позабыла рассказать тебе, милая сестрица, какой смешной разговор вели мы во время прогулки нашей по городу. Мы встретили двух девочек лет по 13-ти, которые куда-то шли за город. Николай Дмитриевич хотел показать, нам, как здесь говорят, и завел с ними разговор: «Куда вы это идете, девочки?» — «По грибы-ста». — «А разве вы любите грибы?» — «Как же, барин, любим-ста». — Мы не могли понять, что за *-ста* они прибавляют к каждому ответу, и узнали, что это у них такое слово, которое они из учтивости прикладывают к другим словам своим, как у нас говорят еще многие да-с, нет-с. Николай Дмитриевич не удовольствовался двумя вопросами, но продолжал их еще далее. И ты знаешь его способность перенять всякую речь? Вот чтоб позабавить нас, начал он говорить, как настоящий тверитянин: «А что-ста, красненькие девочки, я чай, вы много-ста в нынешнее лето грибов набрали?» — «Нешто-ста, барин». — «Да что-ста вы делаете из них?» — «Да нонича-ста, так варим, да идим, а на зиму-ста шусим³¹». — «И много нашусили-ста?» — «Живет-ста».³²

³¹ В тверском наречии произносят иногда с вместо ш, ъ вместо ч, и наоборот: где надобно сказать ш, так часто с, и ч вместо ъ. — Прим. Ишимовой.

Ср.: «В трех <областях> вокруг Новгорода и в целом краю одного диалект не имеет ничего особенного и есть один с кривичами. Заглянем в сторону от столбовых дорог, от городов и услышим домоседов, женский пол и детей разговоры с малою разницею против окрестных жителей Изборска, Полоцка, Вильна, Гродна, Минска, Пинска, Чернигова и озера Селигера. Разница сего диалекта в сравнении с мерицким (т. е. суздальским, ближайшим к письменному) состоит в прибавлении з после д, изменении ш на ъ, выговаривая z не греческою гаммою, но латинским h — иногда употребляя y вместо в, и вместо . В тверском же и весьском наречии произносится еще с за ш — ъ за ч — и наоборот, где следует говорить ш, то произносят с, и ч вместо ъ. Сии изменения около Твери слышны также и в Торопце» (Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // Русский исторический сборник. М.: Универ. тип., 1844. Т. VII. С. 27).

³² Ср. описание тверского говора у Глушкова.

Мы не могли без смеха слушать этот разговор, который мог бы сделаться еще забавнее, если бы тверские девушки не отличались особенною скромностью на улицах: они всегда ходят, опустив глаза в землю, и никогда не будут смотреть на встречающегося им мужчину, пока думают, что он увидит это, и если бы попавшиеся нам девочки были уже взрослые девицы, то, вероятно, они и не отвечали бы на вопросы Николая Дмитриевича: так он сам рассказывал нам, описывая здешние нравы. И потому приметно было, что наши грибные знакомки также не совсем охотно остановились для разговора с нами, и мы просили Николая Дмитриевича отпустить их скорее. Но этого нельзя было так скоро сделать: Валериану и Лизе так понравилась тверская учтивая речь с прибавкой *-ста*, что они также разговорились с девочками и, кажется, заставили обеих молоденьких тверитянок позабыть излишнюю застенчивость или, лучше сказать, жеманность их до того, что они уже сами принялись рассказывать нам о том монастыре, в который они занесут свои грибы, если им удастся найти много хорошеньких березовиков. Этот монастырь был почти у самого города.³³ там жила тетка девочек, которой они часто носили грибы в гостинец. Так как город Тверь и весь невелик (не более 4 1/2 верст в длину и 3-х в ширину) и мы встретились с нашими маленькими знакомками довольно близко от того места, где была дорога к монастырю, то мы все, известные тебе любители пешеходных прогулок, решились отправиться также за ними и были прекрасно вознаграждены за это. Рождественский монастырь, о котором говорили нам девочки, прелестно лежит на берегу довольно широкой реки Тьмаки, протекающей также в Твери и впадающей в Волгу. Он существовал еще в начале XVI века. Разумеется, с того времени все церкви и здания монастырские несколько раз перестраивались; в последний раз это было в 1812 году, когда освящен нынешний великолепный собор во имя Рождества Христова.³⁴ Он сооружен был усердными приношениями благочестивого императора Александра и всего августейшего семейства.

В ограде монастырской мы встретили несколько монахинь, которые все приняли нас очень ласково и рады были, что мы пришли посмотреть монастырь их. Прежде всего они предложили нам зайти к матушке игуменье, на что мы с большою охотою согласились. Лиза и Валериан никогда еще не бывали ни в одном монастыре, кроме

³³ Христорождественский женский монастырь.

³⁴ Собор Рождества Христова (1814–1820, арх. К. И. Росси) в стиле позднего классицизма сооружен на вклады царской семьи.

Невского,³⁵ — я также, как всегдашняя жительница петербургская, никогда не видала женских монастырей. Ольга Дмитриевна очень любит их, и потому нам всем очень любопытно было зайти и к игуменье, и в монастырь. В первой мы нашли очень добрую и умную женщину, которая, как приветливая хозяйка, показала нам всё достойное любопытства в монастыре ее. В соборной церкви мы молились чудотворному образу Тихвинской Божьей Матери,³⁶ привезенному сюда более 140 лет тому назад монахиною Еленою Ростопчиною.³⁷ Сюда бывают летом крестные ходы из Твери, и образ в процессии уносится в город и потом в другой монастырь, верстах в 4-х лежащий от Рождественского и называемый *Желтиковым*, где почивают мощи св. Арсения.³⁸ На эту духовную процессию съезжаются богомольцы не только из окрестностей Твери, но даже из Новгорода и Пскова.

Не более как в полуверсте от монастыря Рождественского на берегах той же реки Тьмаки мы видели одно из лучших мест в Твери — *Трисвятское*.³⁹ Это местопребывание тверских архиереев, с прекрасным садом, который имеет в окружности не менее трех верст. Архиерейский дом и монастырь Рождественский стоят на возвышении и оттого окружены прекрасными видами во все стороны. Несмотря на то что на месте *Трисвятского* был уже в начале XVII-го века монастырь, разоренный потом литовцами,⁴⁰ — в саду здешнем

---

³⁵ Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, общежительный мужской монастырь Санкт-Петербургской епархии, основан в 1710 г.

³⁶ Тихвинская икона Божией Матери почитается Русской православной церковью как чудотворная; написана, по преданию, евангелистом Лукой; иконографический подтип образа Одигитрии (Путеводительницы).

³⁷ Образ Тихвинской Божией Матери привезла в монастырь Елена Григорьевна Ростопчина около 1703 г. (*Боголюбов Н. П.* Волга от Твери до Астрахани / Общество «Самолет». СПб.: Тип. Гогенфельда и К^о, 1862).

³⁸ Святитель Арсений (?–1409), епископ Тверской, чудотворец, основатель Желикова Успенского монастыря (1394); погребен в соборной церкви, мощи обретенны в 1483 г., канонизирован в 1547 г.

³⁹ Трехсвятское было резиденцией тверских архиереев до середины XIX в. См. о нем в тексте Глинки. Ср. также очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наш губернский день» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 1996. С. 38). Но Ишимова соединяет в одно Трехсвятское и Архиерейскую дачу, которая находится действительно на небольшом расстоянии от Христорождественского монастыря (остатки парка и каскад прудов вокруг современного Дворца детей и молодежи, просп. Дарвина, 3).

⁴⁰ Спас Высокий, или Спасский Загородный Трехсвятский мужской монастырь впервые упоминается в 1361 г., в начале XVII в. был разорен и опустел, в 1744–1752 гг. были построены деревянные на каменном фундаменте кельи

уничтожены еще недавно знаменитым проповедником архиепископом Тверским *Амвросием*⁴¹, скончавшимся от холеры в 1831 году, празднества в честь славянского языческого бога *Ярила*, или *Ярула*.⁴² Не знаю намерное, но кажется, славянский *Ярила* значит то же самое, что в греческой мифологии *Эрот*. Праздник состоял в том, что выбирали одного человека, украшали его разными цветами, лентами и колокольчиками, надевали ему на голову высокой колпак, также обвитый лентами, и возили с плясками по саду Трисвятскому и по берегам маленькой протекающей в нем речки Лазури. Теперь же, во время праздников *Яриле*, которые начинались с первого воскресения после Петрова дня,⁴³ тверские мещане пляшут свою любимую бланжу просто на улицах, в самом городе. Я думаю, что этот праздник очень походит на тот, какой у наших петербургских мещан отправляется в первый четверг после Вознесения в Ямской и называется *семиком*.⁴⁴

Ты не можешь пожаловаться, милая сестрица, на краткость записок твоей путешественницы. Я думаю, ты не ожидала, чтобы я так подробно описывала тебе всё, что встречается нам на дороге; но не могу выразить тебе, как увлекательна для меня эта новость предметов и впечатлений и как хочется мне передать тебе всё, что так приятно поражает меня. Если бы можно было, то я останавливалась

и церковь св. Троицы; обращен в архиерейский дом в 1763 г., когда при пожаре Твери сгорела епископская резиденция на территории кремля (*Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов).

⁴¹ Амвросий (в миру А. И. Протасов; 1762–1831), архиепископ Тверской и Кашинский (1826). Однако вряд ли эта информация точна, поскольку трудно предположить, что архиепископ Арсений III (Вережагин, 1775–1783, † 23.12.1799), который первым начал жить в Трехсвятском архиерейском доме, и следовавшие за ним иерархи терпели бы языческие обряды около места своего обитания.

⁴² Ярило, Ярила — восточнославянский мифологический и ритуальный персонаж, связанный с идеей плодородия, сексуальной мощи.

⁴³ Петров день, праздник первоверховных апп. Петра и Павла (12 июля), совпал по времени с языческим праздником солнца, связанным с божествами Сварогом, Дажьбогом, Хорсом и эротическими ритуалами Ярилы; некоторые древние суеверия, ритуально празднуемые в этот день, сохранились вплоть до XIX в.

⁴⁴ Ошибка Ишимовой: семик (зеленая неделя, русалочья неделя, русалии) — праздник весенне-летнего календарного периода, отмечается в четверг перед Троицей (седьмой четверг после Пасхи), знаменует окончание весны и начало лета.

бы в каждом городе на неделю и рассматривала бы в нем всё, что есть любопытного. Я уже не один раз заметила во время путешествия нашего, что во всяком местечке, даже в самом неважном и по-видимому непривлекательном, можно найти что-нибудь интересное, стоит только искать его, а не смотреть на всё глазами равнодушными, как делает большая часть путешественников, как сделаю, может быть, и я, когда буду проезжать не в первый раз по Московско́й дороге. Мне досадно было бы на такое равнодушие, и потому я не буду думать о нем, но возвращусь со всею живостью нынешних впечатлений моих к прогулке нашей по хорошенько́й Твери. Сад Трисвятский был окончанием ее. Нагулявшись в нем и налюбовавшись прелестными видами его окрестностей, мы жалели, что усталость Ольги Дмитриевны помешала нам дойти до Желтикова монастыря, которого золотые главы уже видны были из-за сосновой рощи.⁴⁵ Там есть, кроме мощей св. Арсения, две любопытные комнаты: в них жил царевич Алексей Петрович,⁴⁶ когда находился под справедливым гневом знаменитого родителя своего. Но как никогда нельзя надеяться видеть всё, что есть на свете примечательного и любопытного, то мы на этот раз должны были удовольствоваться тем, что видели в Твери, и отправиться в го-

---

⁴⁵ Ишимова либо ошибается, либо пишет не по личным, а по книжным впечатлениям, ибо от Трехсвятского (лучше от Архиерейского дома) можно увидеть главы Христорождественского монастыря, но никак не Желтикова, который находится на берегах той же Тьмаки, но, как она сама верно пишет, за 4 версты (около 5 километров) от Христорождественского монастыря. На таком расстоянии ничего видеть просто нельзя.

Успенский Желтиков мужской монастырь располагался на левом берегу Тьмаки, на въезде в Тверь со стороны Старицы. Основан в 1394 г. архиепископом Арсением, первая каменная постройка монастыря — Успенский собор (1404, перестраивался в 1654 и 1713–1722). В начале XVIII в. разорен польско-литовскими интервентами, но монахи успели скрыть все драгоценности. Ишимова могла бы видеть на территории монастыря, обнесенного каменной стеной с двумя угловыми башнями, Успенский собор, Алексеевскую церковь (1709), церковь Антония и Феодосия (1709) с примыкавшими к ней братскими и настоятельским корпусами (1837), колокольню с въездными воротами (1833). Монастырь упразднен в 1920-е гг., полностью разрушен в годы Великой Отечественной войны. См.: *Платон, архимандрит*. Историческое и статистическое описание Успенского Желтикова монастыря. Тверь, 1852; Описание второклассного Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь, 1908.

⁴⁶ Палаты царевича Алексея в Желтиковом монастыре (три комнаты верхнего этажа для проживания и комнаты на первом этаже — для кухни и кладовой), предназначались для царских особ. Существует мнение, что Петр I предполагал заточить опального царевича Алексея в этом монастыре. Не сохранились, как и почти весь монастырь.

стиницу. Было уже около 9-ти часов вечера. Приятная прогулка сделала чай наш необыкновенно вкусным; Николай Дмитриевич приказал приготовить нам к этому чаю кроме булок еще разного рода *пряников*, которыми славится Тверь. Сколько вкус, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славой: в иных и не разберешь, что за фигурки они представляют; в других можно видеть разных рыбок, рыжики, какие-то коронки городские, горох, крупу и наконец, просто коврижки.⁴⁷

В 5 часов утра мы выехали из Твери. Погода была прекрасная, местоположение также. По одной стороне дороги виднелась Волга. Смотря на нее, Николай Дмитриевич начал рассказывать нам о ней столько любопытного, что я намерена всё это записать в журнал мой, и если ты мало знаешь Волгу, то, верно, поблагодаришь меня за это описание. Волга так славится в истории и географии нашей, что не иметь о ней надлежащего понятия для русского — даже немножко совестно.

Волга, эта царственная река между всеми русскими реками, имеет, как и многое великое в мире, совсем неважное начало — небольшой болотный ключ на одной из высочайших гор Алаунских,⁴⁸ подле деревни *Волгино-Верховье* в Осташковском уезде Тверской губернии. Со всех сторон этого знаменитого ключа есть много болот, заросших мхом, и кроме того много озер, которые доставляют столько воды в ручей Волгу, что он недалеко от начала своего уже делается судоходным. Протекая потом через три озера — Стерж, Овселуг⁴⁹ и Пено, ручей превращается уже в реку, которая по мере течения своего принимает в себя около 200 других речек и рек. Какое огромное пространство воды, когда подумаешь о всех этих реках и особливо об этой Волге, протекающей чрез *восемь* губерний на расстоянии 3 350 верст! Как не сказать, что это самая приличная река для нашего величественного отечества? Если ты узнала теперь самую большую длину Волги, то, вероятно, тебе любопытно знать и ширину ее. Всего шире она течет по Симбирской и Саратовской губернии. У самого Саратова есть место шириною в 2 130 сажень! Это страшно и подумать: почти пять верст! Впрочем, ширина Волги много зависит от времени года, и местами

⁴⁷ Ср. описание тверских пряников у Глушкова.

⁴⁸ Древние географы (Птоломей) разумели под Алаунскими горами водораздел верховьев Днепра, Западной Двины, Волги и Дона; в XIX в. так называли Валдайскую возвышенность, простиравшуюся по юго-западной части Новгородской, западной части Тверской и восточной части Псковской губернии и служившую водоразделом рек Волги, Северной Двины и притоков Ильменя.

⁴⁹ Правильно: Вселуг.

в Саратовской губернии она весною разливается на 20 верст ширины. Все, кто бывал в это время в Саратове, говорят, что ничто не может быть величественнее и прекраснее картины, какую представляет тогда Волга. Множество островов, лугов, кустарников и даже лесочков вдруг исчезает на несколько недель из вида, и вместо них является почти неизмеримое пространство воды, по которому разъезжают суда, не боясь ни мелей, ни подводных камней. В это водяное время погибает множество птичьих гнезд, и оттого в местах, лежащих на Волге, не бывает много дичи, но этот недостаток щедро вознаграждается таким изобилием рыбы, какого, верно, нет ни на какой другой реке. Я не буду говорить тебе о множестве разных сортов этих рыб, но скажу только о том, что удивительнее всего: там есть белуги более трех сажен длины и осетры в 20 и даже в 25 пуд. весом! Ведь это ужасно: я и не вообразила, чтобы могла быть речная рыба в три сажени длины. А налим весит там иногда целый пуд.

Так разговаривая о Волге и обо всём, что представляет она любопытного на всём пространстве, которое она протекает, мы доехали до первой станции от Твери *Городни*, богатого села, около которого обтекает Волга почти со всех сторон. Городня некогда была удельною областью Тверского княжества и называлась *Городок* или *Городец*.⁵⁰ В 1569 году Городня была отдана Иоанном *Грозным* на разорение вместе с городом *Клином*, в который мы приехали через две станции от Городни.

---

⁵⁰ С. Городня Тверского у. В XIII в. на его месте существовал город, первоначально известный как Вертязин Городок, а затем Городен или Городец. Город разрушен Иваном Грозным в 1569 г., жители, обвиненные в измене, перебиты. Остатки земляных укреплений уцелели до настоящего времени.

РОБЕРТ ШУМАН

[1844]

Шуман Роберт (1810, Цвиккау — 1856, Эндених близ Бонна), немецкий композитор, дирижер, музыкальный критик, педагог. Учился в гимназии Цвиккау, затем, планируя стать юристом, в Лейпцигском (1828) и Гейдельбергском (1829) университетах; в 1830 г. вернулся в Лейпциг и посвятил себя музыке. В 1840 г. Лейпцигский университет присвоил Шуману звание доктора философии; в том же году состоялось бракосочетание Шумана с пианисткой Кларой Вик (1819, Лейпциг — 1896, Франкфурт-на-Майне), дочерью его учителя Фридриха Вика (1785, Претч — 1873, Лошвиц). С 1843 г. Шуман преподавал в Лейпцигской консерватории, в 1850—1853 гг. был городским директором музыки в Дюссельдорфе. В 1844 г. Роберт и Клара Шуман отправились в гастрольную поездку в Петербург и Москву, где их принимали с большим почетом. По прибытии в Петербург Шуман получил приглашение от своего дяди К. Г. Шнабеля, жившего в Тверской губернии. Тверское путешествие Р. и К. Шуман отразилось в их дневниках. Первая публикация дневника Р. Шумана: *Schumann In Russland // Sammelbande der Robert Schumann Gesellschaft. Vol. I. Leipzig, 1961*. Впервые на русском языке: *Шуман Р. Путешествие в Россию в 1844 году // Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвиг Шпора, Роберта Шумана / сост. М. Сапонов; Гос. центр. музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки. М.: Дека-ВС, 2004. С. 177—179*. В примечаниях к запискам Р. Шумана представлены фрагменты путевого дневника Клары; впервые на русском языке: *Из путевого дневника Клары Шуман // Житомирский Д. Роберт и Клара Шуман в России. М.: Музгиз, 1962. С. 147—149*.

Среда 15/27 <марта>. Утром меня очень обрадовало письмо из Твери от дяди.¹ <...>

---

¹ Шнабель Карл Готлиб (Карл Абрамович) (1774—1845), хирург, надворный советник, штаб-лекарь (*Генеалогия*. № 1389. Л. 215), брат матери Р. Шумана

Вторник 21 <марта> / 2 <апреля>. <...> Отъезд вечером <из Петербурга>² в десять часов. Дорога невыносимая, повозка ужасная на всем пути.

Среда 22 <марта> / 3 <апреля>. Дорожные мучения. К вечеру прибыли в Новгород. Этот город уже похож на Москву. Деревни <по пути> грязные и нищенские.

Иоганны Христианы, уродд. Шнабель (1771–1836). С 1808 г. служил в российских войсках врачом 2-го класса, чин 9-го класса. В 1811 г. был переведен в Тверь на должность инспектора Тверской врачебной управы (*Туркова Л. Родственники Роберта Шумана на Тверской земле // Домовой. 2001. № 3. С. 10–13*). Пользовался покровительством генерал-губернатора Твери принца Г. П. Ольденбургского и его супруги, великой княгини Екатерины Павловны. В Твери весьма отличился во время Отечественной войны 1812 года, когда набирал тверское ополчение, а потом гасил вспышку эпидемии среди военнопленных французской армии. Награды: орден Св. Владимира 4-й степени, орден Св. Анны 3-й степени (1823). В 1823 г. Шнабель имел только дом в Твери (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. № 4754) в Затьмацкой части на углу Троицкой ул. и Предтеченского пер. (ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. № 5652, ныне Троицкая ул., 45); сохранился ряд источников называет его домом купца А. Ф. Фомичева (*Свод. Ч. 1. С. 506–507*). Исповедные ведомости Троицкой церкви (1823) зафиксировали имена дворовых людей Шнабеля: кухарку, кучера, конюха, прислугу по домашнему хозяйству (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17044. Л. 400). Отец и сын К. К. Шнабель указаны в исповедных ведомостях как лица лютеранского вероисповедания (*Дроздецкая Н. К. Музыкальная жизнь Твери и губернии. Тверь: Гид, 2008. С. 127–129*).

Из письма Р. Шумана к Фр. Вику из Петербурга от 20 марта / 1 апреля 1844 г.: «А теперь представьте себе мою радость: мой старый дядя еще жив. В первые же дни нашего здесь пребывания мне посчастливилось познакомиться с губернатором Твери <Я. Д. Бологовским>, который сказал мне, что хорошо его знает. Я тотчас же написал туда и недавно получил от дяди и его сына, командира полка в Твери, самый сердечный ответ. В ближайшую субботу он празднует свое семидесятилетие, и я думаю, что мы как раз в это время будем в Твери. Какая это радость для меня и для престарелого человека, которого никогда еще не навещал ни один родственник» (*Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвиг Шпора, Роберта Шумана. С. 43–44*).

Бологовский (Болоховский) Яков Дмитриевич (1797 – после 1844), гражданский губернатор Твери (1837–1842), после увольнения со службы жил в своем имении Дорошиха Тверского у. Наследный владелец имения – Бологовский Дмитрий Яковлевич, статский советник. О продаже имения // ТвГВ. 1880. № 35. С. 2; № 87. С. 4; № 88. С. 3.

² Время отъезда Шуманов из Петербурга было связано не только с желанием успеть в Тверь на празднование дня рождения К. А. Шнабеля, но и с завершением концертного сезона, которое в 1844 г. пришлось на 19 марта, за неделю до Православной Пасхи, праздновавшейся в тот год 26 марта.

Четверг 23 <марта> / 4 <апреля>. Мучения не прекращаются. Проезжаем Валдайские горы. В Валдае красивые девушки. Погода для путешествия, между прочим, прекрасная. Уже третью ночь едем.

Пятница 24 <марта> / 5 <апреля>. Торжок. Хороший трактир: подали натуральную отбивную, ели на кружевной скатерти.³ По дороге на Тверь через Медное и Тверцу — дивные места. Лес вокруг монастыря.⁴ Тверь в вечернем освещении выглядит издали очень своеобразно. Прибытие в Тверь. Лунная ночь. Поехали к Шнабелям.⁵ Опустевшее гнездо, и мы в нем.⁶ Устроили нас в высшей степени замечательно. Приходил помочь д-р Альберц.⁷ Ночью в спальню заглядывала луна.

³ Гостиница Пожарских. Ср. ее описание в тексте Жданова, Ишимовой.

⁴ Николаевский Малицкий мужской монастырь.

⁵ Шуманы останавливались в Твери не в доме дяди, а на квартире его сына. Шнабель Карл Август (Карл Карлович) (1801 — после 1858), сын К. А. Шнабеля, в 1818 г. поступил на службу юнкером в Ямбургский уланский полк, участвовал в подавлении Польского восстания (1831), после взятия Варшавы русскими войсками сопровождал захваченных в плен членов польского сейма Винцента Немоевского и графа Олизара, за что был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и Польским знаком отличия (1832). Позднее получил знак отличия за 15 лет беспорочной службы (1837) и орден Св. Георгия 4-го класса за 25-летнюю в офицерских чинах службу (1844) (*Туркова Людмила*. Родственники Роберта Шумана на тверской земле. С. 12–13). Должность К. К. Шнабеля требовала постоянного присутствия его на месте службы, поэтому он писал Шуману в марте 1844 г.: «Моя квартира — в здании Тверской жандармерии, которую вам может указать каждый ребенок» (*Nauhaus G. Die Korrespondenz Schumanns mit den Verwandten in Tver // Schumann Studien*, 2011; в печати). Здание конной жандармерии располагалось на территории нынешней Военной академии воздушно-космической обороны им. Г. К. Жукова (ул. Жигарева, д. 48–50). К. А. Шнабель, видимо, уже продал дом в Твери, либо сдавал его внаем, а сам проживал в имении Сосновицы. После смерти отца К. К. Шнабель вышел в отставку в чине майора и поселился в Сосновицах.

⁶ Из дневника К. Шуман за этот день: «Мы подъехали к дому Карла <К. К. Шнабеля>. Он Роберту двоюродный брат, сын старика Шнабеля. Там мы и обнаружили, по выражению Роберта, опустевшее гнездо: супруги уже выехали за город, чтобы с утра поздравить дядю с днем рождения» (*Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвига Шпора, Роберта Шумана*. С. 178).

⁷ Доктор Альберц — друг Шнабелей, помог гостям, как сообщает К. Шуман, извясниться с русской прислугой: «К нашему приезду всё было подготовлено наилучшим образом, слуги просто с ног сбивались, чтобы нам угодить. <...> Так мило оказалось остаться совсем одним, чтобы в спокойной обстановке ознакомиться с положением дел в хозяйской семье. Мы узнали, что Карл женат

Суббота 25 <марта> / 6 <апреля>.⁸ Сегодня дяде исполнился 71 год.⁹ В семь часов утра мы выехали к нему в Сесковичи.¹⁰ Утро выдалось прекрасное. Кибитка запряжена тремя лошадьми. С нами двое слуг, они на лету ловили все наши пожелания. Настроение приподнятое. Позавтракали в дороге. Прибытие в Сесковичи. Навстречу вышел старик-дядюшка, молодежь семьи Шнабель.¹¹ Радость огромная, несмотря на усталость. Мы погрузились в настоящий русский деревенский быт.

Воскресенье 26 <марта> / 7 <апреля>.¹² Обильный снегопад. Первый день Пасхи. <Принесли> пасхальные яйца. Крестьянка в красном сарафане и история ее жизни. Экономка и прочая прислуга, их отношения с хозяином. Письма от матери и от отца.

Понедельник 27 <марта> / 8 <апреля>.¹³ Чудное прохладное утро. Расставание со старым дядюшкой. Обратный путь. Тетушка

в третий раз, что и старая тетушка (из Мейсена) еще жива, и многое другое из интересовавшего нас» (Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвиг Шпора, Роберта Шумана. С. 178).

⁸ Ср.: «В 7 часов утра в прекрасную солнечную погоду выехали в Сесковичи на санях дяди, <...> завтракали в пути в санях <...>. В час дня приехали к празднованию дня рождения дяди. Как все радовались! Старик уже много лет никого из своих не видел, а Роберта совсем не знал» (Из путевого дневника Клары Шуман. С. 147).

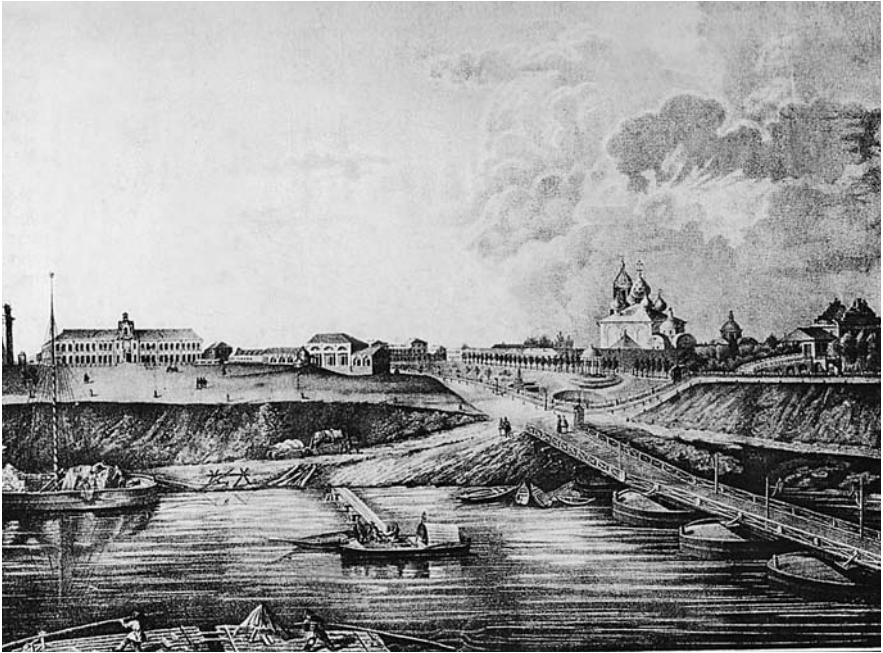
⁹ Клара ошибается: в 1844 г. К. А. Шнабелю исполнилось 70 лет.

¹⁰ С-цо Сосновицы Новоторжского у. В 1845 г. имение наследовал К. К. Шнабель (см. описание имения, 1858: ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1114. 16 л.). В 1879 г. сыновья К. К. Шнабеля Федор (1844–?) и Вильгельм (1849–1903) объявили Сосновицы к продаже «за неплатеж долга» (О продаже имения // ТвГВ. 1879. № 53. С. 2). Усадебный дом не сохранился; по описаниям местных жителей, он был деревянным, одноэтажным, с мезонином и балконом. Дом стоял фасадом к деревне, рядом были два флигеля, невдалеке конюшня. Сохранились липовые аллеи, двумя лучами расходящиеся от дома, и два пруда. На третьем пруду, ныне засыпанном, был островок, где помещики пили чай (Дроздецкая Н. К. Музыкальная жизнь Твери и губернии. С. 132).

¹¹ К. К. Шнабель и его жена Амалия София, урожд. Рейнке.

¹² Ср.: «Роберту пришлось дяде многое рассказать и многое от него услышать. Дядя показал ему письма его родителей. Казалось, старик прямо ожил от радости, что смог увидеть перед смертью любимца своей сестры, которую он очень любил. <...> Вечером я играла перед небольшим кругом любителей музыки» (Из путевого дневника Клары Шуман. С. 148).

¹³ Ср.: «Прощались с дядей — наверно, мы его больше никогда не увидим. Тетя поехала с нами в город, молодые Шнабелы отправились накануне. Мы ехали впереди, а старая тетя в кибитке за нами. Странно — мы проделали

А. Тестов. Вид Тверского гостиного двора с Волги. 1836.
Х., м. ТОКГ

<поехала следом> во второй кибитке. Не успел я сказать Кларе, что, мол, всё прошло удачно, как тут же на нас обрушились несчастья. Стычка с лошадьми, столб, падение лошади, разворот, часовая езда по Тверце <по тонкому льду>. Потом в Тверь въезжали на гору. Сплошные происшествия. Настроение испорчено. До того позавтракали в русской избе, там русская старушка сказала: «Такому красивому

такой большой путь без аварий, а на этом небольшом участке чуть не погибли. Сначала наш кучер наскочил на столб с такой силой, что если бы мы случайно не наклонились в сторону, то оба были бы изувечены; затем, видимо, ошеломленный происшествием, он заехал в покрытую тонким льдом лужу! Лед проломился, одна лошадь упала, другие поволокли ее за собой. Затем мы ехали два часа при оттепели по льду реки, из-под которого выступала вода, и когда мы уже выехали с реки, нас чуть не постигло несчастье, так как одна из лошадей испугалась и дико понесла. <...> От всех этих ужасов мы в Тверь прибыли очень расстроенные, но наши любезные кузены так хорошо нас приняли, что мы вскоре повеселели. Позднее мы поехали кататься. Вечером я играла перед небольшим кругом любителей музыки» (Из путевого дневника Клары Шуман. С. 148).

молодцу как не радоваться». Прибытие в Тверь. До чего же добродушные люди мои родственники. Тетушка еще бодрая. Покатались по городу. Волга. Музыкальный вечер у Карла.¹⁴ Собрались майор с супругой и другие. Было весело и уютно.

Вторник 28 <марта> / 9 <апреля>.¹⁵ Держится прекрасная погода. Карл сделал мне подарок (турецкий халат). Поездка по городу, визит к статскому советнику. После обеда вечеринка у Карла, там Клара играла уже готовая к отъезду. Расставание (пришли еще несколько немцев). Выехали <в Москву> в семь часов вечера.

---

¹⁴ Домашний концерт имел успех: репертуар К. Шуман был огромным, в семи столичных российских концертах программа ни разу не повторялась.

¹⁵ Ср.: «После обеда — уже в дорожном платье — я играла перед несколькими друзьями Карла. В 7 часов вечера в нашем дощатом ящике мы тронулись в путь. Еще целый день страданий. Ничего особо примечательного не встретили до Петровского, откуда открылся поразивший нас вид на Москву...» (Из путевого дневника Клары Шуман. С. 149). На обратном пути Шуманы посетили Тверь в апреле; было половодье, и им пришлось добираться до дилижанса через Волгу в лодке.

Иосиф Белов

[1848]

Белов Иосиф (отчество и годы жизни установить не удалось), офицер, предположительно петербуржец. До начала 1840-х гг. служил в европейской части России, затем переведен в штаб Сибирского корпуса, служил в Омске (1842–1847). В 1852 г. опубликовал отдельными книгами три путевых очерка: Белов И. Путевые заметки и впечатления по Восточной Европейской России. М.: Тип. А. Семена, 1852; он же. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М.: Тип. А. Семена, 1852; он же. Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М.: Тип. А. Семена, 1852. Рец. на последнюю книгу см.: Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям Иосифа Белова. Москва. В тип. Александра Семена. 1852 [рец.] // Отечественные записки. 1852. Т. LXXXI. Апрель. Отд. VI. С. 101–102. Записки Белова очень интересны в двух отношениях. Во-первых, это едва ли не первое собственно рекреационное путешествие, не связанное ни с какими практическими нуждами. Во-вторых, маршрут путешествия на самом деле уникален, ибо даже в настоящее время не всякий человек решится совершить переезд из Осташкова в Андреаполь для удовлетворения экскурсионного любопытства по одному, а обратно — по другому, еще более трудноисполнимому маршруту (а таких случаев у Белова несколько). Характерной особенностью текста Белова являются многочисленные ошибки в написании географических названий, что отражает либо непрофессиональное ухо автора, либо его не вполне русское происхождение (об этом же свидетельствуют, кстати, и некоторые «не вполне русские» обороты речи). Многие места трудно поддаются комментированию, однако информационная емкость текста необычайно велика. Текст печатается по изд.: Белов Иосиф. Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М.: Тип. А. Семена, 1852. С. 6–20, 36–82.

ГОР. ТВЕРЬ

Для жителя столицы, привыкшего к шумной и роскошной жизни, к многолюдству и забавам, Тверь покажется пустынею; а между тем этот город по приятности своего положения, по красоте не-

которых зданий, чистоте и опрятности своих улиц, в особенности же по богатству набережной может причислиться к лучшим губерньским городам. — И здесь есть бульвар¹ и публичный сад,² театр³ и дом благородного собрания,⁴ но эти <места> посещаются довольно редко и не столь многочисленною публикой; словом, светский житель, пресытись удовольствиями столицы, может насладиться в Твери спокойствием и, не изменяя своим привычкам, найдет и здесь от скуки развлечение.

Этот город лежит по довольно отлогим берегам р. Волги и самую природою разделен на четыре части: две из них находятся по правую сторону Волги, меж которыми протекает речка Тмага,⁵ а две по левую при устье р. Тверцы.⁶ — При въезде из Москвы по Петербургскому тракту лежит одна из лучших здесь улиц,⁷ по которой расположены красивые в несколько этажей каменные дома и находятся присутственные места,⁸ гостиный двор и бульвар; вообще эта часть есть лучшая в целом городе. В Твери имеется также: огромный, довольно великолепный кафедральный собор, два монастыря, из них один мужской, а другой женский,⁹ и 30 церквей;¹⁰

¹ Мироносицкий бульвар (ныне бульв. Радищева).

² Вокзал. См. прим. к путешествию Жданова.

³ Театр был открыт купцом А. И. Сутугиным в 1848 г. в деревянном здании на углу Пивоваренного пер. (ул. Салтыкова-Щедрина) и Секретарской ул. (Крылова), приспособленном под театр купцом И. Д. Бобровым. Основу труппы составляли выпускники московской театральной школы и местные любители; в театре играл крепостной оркестр помещика Полторацкого. См.: *Вистенгоф П.* Тверской театр // ТвГВ. 1848. № 33. Часть неофиц. В 1860-х гг. здание театра сгорело, позднее на его месте размещался корпус богадельни им. В. Х. Аваева.

⁴ Здание дворянского собрания (ныне Дом офицеров) построено И. Ф. Львовым (1797 — после 1864), губернским архитектором (1824—1864), членом Тверской губернской строительной и дорожной комиссии (1842).

⁵ Затьмачье и Центральная часть Твери разделены р. Тьмакой.

⁶ Заволжье и Затверечье разделены р. Тверцою.

⁷ Ул. Миллионная (ныне Советская).

⁸ Восьмиугольная (Фонтанная, Екатерининская, Монументная, Судейская, ныне Ленина) пл.

⁹ Спасо-Преображенский собор, Тверской Отрочь Успенский монастырь, Христорождественский девичий монастырь.

¹⁰ И. Белов считает церкви в Твери, видимо, вместе со Спасо-Преображенским собором. Собственно церквей было 29: Троицкая за Тьмакою (1564, сохранилась), Сретенская (1767), Смоленская кладбищенская (1782), Вознесенская

кроме того: государев дворец,¹¹ достаточно обширное здание, гимназия¹² и приходские училища; жителей считается в нем около 17 тысяч.

Г. БЕЖЕЦК

Дорога из Твери до гор. Бежецка, куда я должен был отправиться, большая купеческая; нанимающиеся извозчики по этому тракту возят за двойные прогоны. — Поздно вечером я оставил Тверь, а к рассвету прибыл в село Гори,¹³ где находился дом моего ямщика, он переменял здесь лошадей, и мы отправились далее; хотя деревни по этой дороге довольно редки, но они, однако ж, достаточно велики, и крестьяне этих мест, кажется, живут небедно, меж ними я впервые встретил карелов. Ближе к Бежецку дорога пролегает более лесами и значительно гориста, ввечеру я прибыл в сказанный город.

Бежецк¹⁴ лежит на р. Мологе, разлившейся здесь озером, часть его, расположенную со въезду по сю сторону реки, можно назвать

на Екатерининском просп. (1838, сохранилась), Симеоновская (1676), Покровская (1774, сохранилась), Никольская на Зверинце (1740), Никольская в Капустниках (1764), Мироносицкая (1802), Иоанна Предтечи кладбищенская (1808, сохранилась), Ильинская (1700), Живоносносточническая (1792, сохранилась), Владимирская (1806), Христорожественская в Рыбаках (1743), Рождества Богородицы в Ямской слободе (1772, сохранилась), Борисоглебская (1760), Благовещенская в Вольнях (1777), Рождества Богородицы на Исаевском ручье (1777), Вознесенская за Волгой (1757, сохранилась), Воскресенская (1731), Екатерининская (1781, сохранилась), Крестовоздвиженская (1763), Миновикторская (св. мч. Мина, Виктор и Викентий, 1805), Никольская при Тюремном замке (1835), Неопалимыя Купины Божией Матери (1841), Никитская (1774), Сергиевская (1780), Троицкая (1837), Филипповская (1779).

¹¹ Императорский путевой дворец.

¹² Тверская мужская гимназия создана в 1804 г., первоначально размещалась в здании на Полуциркульной пл. (ныне Дом работников народного образования), в 1844—1859 г. построено новое здание на Миллионной ул. (ныне ул. Советская, 4, гл. корпус Тверского медицинского института, архитектор К. Б. Гейденрейх). В 1836—1856 г. при гимназии существовал Благородный пансион, в котором воспитывались исключительно дети дворян (находился на ул. Рыбацкой, дом не сохранился).

¹³ Имеется в виду с. Моркины горы Бежецкого уезда, на дороге из Твери за 34 км до Бежецка. В современных Моркиных горах сохранились постройки конца XIX — начала XX в.

¹⁴ Бежецк, город на р. Мологе при впадении в нее р. Остаречины. Изначально Бежецкий Верх принадлежал Великому Новгороду; до конца XIII в. центром края было поселение Бежичи, разоренное в 1272 г. тверским князем Святославом Ярославичем, а потом крепость Городецко (на месте современного Бежецка), разрушенная в 1610 г. польско-литовскими интервентами. В 1708 г.

предместьем, где только несколько лишь улиц и строения все деревянные; другая же находится по ту сторону Мологи, чрез которую устроен длиною около полуверсты мост; эта часть Бежецка лежит на некотором возвышении и составляет самый город; главная площадь¹⁵ его застроена довольно красивыми каменными домами, где также находятся гостиный двор,¹⁶ порядочная отель и невдали их небольшой бульвар;¹⁷ ширина этой части города по главной улице¹⁸ около одной, а длина более трех верст; церквей здесь 14,¹⁹ жителей же считается более двух с половиною тысяч; этот город, будучи на судоходной реке, ведет изрядную торговлю, в особенности хлебом и лесом.

Г. Красный Холм

Из г. Бежецка я отправился в город Красный Холм,²⁰ до которого дорога пролегает ровными полями, по этому пути находится много

край вошел в Ингерманландскую, в 1719 г. в Санкт-Петербургскую, в 1727 г. в Московскую губернию. В 1766 г. Городецко переименован в Бежецк, который в 1775 г. стал центром уезда Тверского наместничества (1796 г. Тверской губернии). В 1777 г. в Бежецке открыты училище для детей священнослужителей и школа для детей купцов и мещан, в 1798 г. — уездная больница.

¹⁵ В XIX в. Торговая пл., на ней находился Воскресенский собор.

¹⁶ Имеются в виду торговые ряды (начало XIX в., архитекторы К. И. Росси и В. П. Стасов).

¹⁷ Речь идет либо о Садовой улице, проходившей по краю оврага, в котором от хутора Орлиха текла речка Похвала (ручей Вздун), приток Мологи (единственная непрямая улица в Бежецке), либо о городском саде, примыкавшем к Богословской горе. Новый городской бульвар был разбит в 1892 г. около Благовещенского женского монастыря (основан в 1869).

¹⁸ В XIX в. называлась Большая улица.

¹⁹ В Бежецке было не 14, а 11 храмов: Воскресенский собор, включавший ансамбль из двух церквей — Воскресения Христа (1726, 1842) и Казанской (1775, сохранилась), церкви Рождества Богородицы (1778), Введенская (1682), Вознесенская-Пятницкая (1775), Казанская при Инвалидной слободе, или Штабе (1803), Воздвиженская (1670, сохранилась), Никольская (1743), Спасо-Преображенская (1775, сохранилась), Спасская кладбищенская (1795), Рождества Христова (1772). См.: *Добровольский*. С. 66—71. Однако в этом издании не учтены еще две церкви на Богословской горе: Иоанна Богослова (1868) и Троицкая (1781) (*Костыгов* С. Прогулка по старому Бежецку. Бежецк, 2002. С. 46). Можно объяснить, почему не названа первая: она была деревянной (XV в.) и сильно обветшала, поэтому служба в ней не велась, и она была выстроена в камне. Но мы не можем сказать, почему не названа вторая из них. С учетом этих двух церквей, в Бежецке можно насчитать 13 храмов.

²⁰ Г. Красный Холм (до 1776 г. с. Спас на Холму), известен с 1518 г., до 1764 г. принадлежал Николаевскому Антониеву Краснохолмскому мона-

красивых дач, где проживают сами помещики;²¹ из этого можно заключить, что в Бежецке есть порядочное общество.

Красный Холм, где на время я остановился, находится в 40 верстах от Бежецка, он есть ныне заштатный город, подобное же название, вероятно, заимствует оттого, что построен на довольно высокой горе; впрочем, этот город невелик и строения в нем почти все деревянные, здесь также находится и гостиный ряд, где два раза в неделю собирается торг. В самом городе две церкви,²² а на кладбище его часовня;²³ жителей здесь около одной с половиною тысячи. В 3 верстах от Красного Холма находится монастырь св. Антония,²⁴ при котором имеется и духовное училище, монахов в этой обители немного, управляет же ими архимандрит.

стырю. В начале XVII в. село и монастырь были разорены польско-литовскими интервентами. С 1776 г. уездный город Тверского наместничества, с 1796 г. заштатный город Весьегонского у. В 1840-х гг. в Красном Холму было открыто приходское училище.

²¹ Заручье (Красная, Курганы, Новая), усадьба Дмитрия Никифоровича Корсакова (1852), или Заручье (Лучиха), усадьба Сидоровой, 1867, ранее Заостровской); Сулежский Борок (Борок, Дорка, Степушино), усадьба полковника Николая Степановича Рыкачева (1845); Борисово, усадьба Кузьминых-Караваевых, среди которых генерал-майор В. Д. Кузьмин-Караваев, член Государственной Думы В. В. Кузьмин-Караваев, поэтесса и монахиня мать Мария (Елизавета Кузьмина-Караваева); Высокуша, усадьба штабс-ротмистра Сергея Николаевича Бешенцова.

²² В Красном Холме были Преображенский собор, включавший две церкви: Преображенскую (1713) и Троицкую (1832—1836, сохранилась только колокольня) — и церковь Зосимы и Савватия Соловецких (1797).

²³ Никольская кладбищенская церковь (1794) без причта, была приписана к Преображенскому собору и поэтому, видимо, названа часовней.

²⁴ Николаевский Антониев мужской Краснохолмский монастырь расположен при впадении р. Неледины в р. Могочу, в 4 км от Красного Холма по дороге из Бежецка. Основан в 1461 г. монахом Антонием, в конце XVI в. богатый землевладелец; в начале XVII в. разорен поляками; с воцарением Романовых вновь разбогател: в 1760-х гг. монастырю принадлежало 4 620 крестьян мужского пола, 5 мельниц, 130 лошадей, 365 коров и быков, 80 телят; к нему был приписан Бежецкий Введенский монастырь. В 1783 г. открыта церковно-приходская школа, с 1809 г. в монастыре размещалось Краснохолмское духовное училище. В 1920-х гг. монастырь упразднен. В руинированном состоянии находятся Никольский собор (1481—1493), церковь Покрова (1590—1594), келья (1685), Вознесенская церковь (1690), корпуса келий с проездными воротами (1690—1697), северо-восточная башня ограда (1697), настоятельский корпус (1748). См.: *Анатолий, игумен*. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1883.

Краснохолмские жители, исключая небольшого числа купечества, занимаются все земледелием.

Село Делидино

В 25 верстах от г. Красного Холма находится село Делидино,²⁵ принадлежащее г. N...,²⁶ я прибыл в него во время тамошнего храмового праздника, на который стекался народ из ближайших окрестностей, думая здесь найти небогатую приходскую церковь, но сколь приятно поражен я был при виде ее внутреннего великолепия; приятные гармонические голоса певчих, раздававшиеся в этом обширном храме, наполняли душу трепетным благоговением; всенощную на это время в нем служил архимандрит из Антониевской обители; за теснотою народной трудно было пройти внутрь церкви; здесь находилось также много из окрестностей помещиков. На другой день после обедни я мог рассмотреть самую церковь, она расположена правильным крестом, два придела находятся по сторонам со входа, иконостасы здесь довольно богаты и живопись св. икон также искусной кисти. — Алтарь же главной церкви отделен чугунною решеткой, по бокам его устроены клиросы, на которых в праздничные дни довольно приятными голосами поют обедню крестьянские мальчики, принадлежащие владельцу Делидина. Иконостас здесь, как видно, отделан весьма недавно, живопись его св. икон превосходна, над некоторыми из них трудилась лучшие наши художники Академии, на стенах вокруг купола св. образа представляют историю церкви начиная от Ветхого Завета до торжества христианства; важность этих предметов вполне выполнена искусной кистью, и все внутри этого храма столь гармонирует, так на своем месте, что нельзя, кажись, ничего изменить, не нарушив симметрии целого.

Того же дня я был у здешнего владельца, с которым желал познакомиться, где и имел удовольствие встретить многих помещиков, бывших в Делидине по случаю сказанного праздника; найденное мною

---

²⁵ С. Деледино, ныне центр одноименного сельского округа Молоковского р-на, в 15 км к северо-востоку от Молокова, в середине XIX в. — центр прихода и волости Весьегонского у. В 1858 г. в Деледино 56 дворов, 289 жителей, в 1869 г. открыто земское училище, постоялый двор, торговая площадь, 3 ярмарки в год; промыслы: пильщики, плотники, бондари. Сохранилась Спаская церковь (1821). Следовательно, храмовый упоминаемый далее праздник — это Преображение Господне, Спас (6/18 августа). Данное указание позволяет, кстати, определить время поездки И. Белова.

²⁶ Усадьба Деледино принадлежала С. И. Верховской и ее мужу инженеру-подполковнику Павлу Петровичу Верховскому (не позднее 1822—1855). В 1855 г. имение было продано статской советнице Анне Степановне Мундт.

там общество составлялось более из бежецкого круга дворянства; мы провели вечер очень нескучно.

НА ПУТИ В ГОР. ВЕСЬЕГОНСК СЕЛО АРХАНСКОЕ И ПОГОСТ ПОЛЯНЫ

Верстах в 20 от с. Делидина лежит удельное село Арханское,²⁷ где я на время расположился; здешние жители карелы живут весьма небогато, голова этой волости, жалованный почетным кафтаном,²⁸ мужик весьма неглупый и даже несколько начитан, показался мне, однако ж, немного спесивым; вблизи этого села нет помещиков; а по той причине для постороннего лица, временно сюда прибывшего, негде разделить свободное от занятий время.

Карелы — народ финского происхождения, как видно переселившиеся в эти места из берегов Балтийского моря, меж собой говорят чухонским наречием, но, однако ж, перерожденные здесь, а потому их нельзя отличить ни по языку, ни по платью от русских крестьян;²⁹ они мне казались довольно грубы и упрямы, но честны и трудолюбивы; вероисповедания все они православного.

Погост Поляны,³⁰ куда я отправился из села Арханского, лежит от него не далее 15 верст расстоянием, в здешних окрестностях много помещиков, живущих меж собой довольно согласно; в их кругу учреждены очередные вечера, а по той причине они не могут скучать ни зимними, ни осенними длинными ночами, собираясь весьма часто в общество. Мне случилось быть на одном из подобных вечеров у почтенных пожилых дам, родственниц меж собой, живущих вблизи самого погоста. — Я здесь нашел круг весьегонских помещиков, в числе которых

---

²⁷ Очевидно, с. Архангельское от Твери 180 в., от Весьегонска 55 в. Деревянная Михайловская церковь (1842), престол Михаила Архистратига.

²⁸ Кафтаны жаловались лицам податного сословия, которые не могли быть награждены орденами, оружием, землями, приемом на «государеву службу» в качестве офицеров и чиновников. Пожалование происходило по представлению начальства и по непосредственному усмотрению государя. Простые кафтаны жаловались крестьянам, в случае особых их заслуг и занятия выборных должностей в общественном земском управлении.

²⁹ Ср.: «Карелы же хотя такое же платье носят, как русские, покроем же поотменнее и с пуговичками» (Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь, 1873 // Тверская старина. 1993. № 4—5. С. 42, ср. там же. С. 54).

³⁰ Погост Поляны, от Твери 200 в., от Весьегонска 40 в. Успенская церковь (1821).

был и почтенный князь NN.,³¹ весьма уважаемый всею губерниєю человек; во время вечера многие из дам и мужчин играли в карты, другие же танцевали под фортепиано, мы провели время как нельзя приятнее, и только по полуночи гости стали разъезжаться.

Город ВЕСЬЕГОНСК

Вскоре из погоста Полян я отправился в Весъегонск, лежащий на р. Мологе и окруженный со всех сторон болотами и лесом; это один из самых бедных уездных городов Тверской губернии, в нем только три церкви³² и несколько прямых улиц, расположенных на низменном берегу реки, которые во время разлития вод бывают затопляемы; дома в этом городе, за исключением небольшого числа находящихся на площади близ гостиного ряда каменных, прочие все деревянные. Дворянский круг здешнего общества незначителен, ибо составляется из одних только служащих чиновников, купечество также бедно и малочисленно, остальной же класс мещане, единственно занимающиеся земледелием.

В зимнее время здесь бывает значительная ярмарка, продолжающаяся несколько недель сряду; она только и обогащает Весъегонск, да сверх того положение этого города на судоходной реке доставляет ему также некоторые выгоды; жителей здесь считается до двух тысяч.

Погост Соболино

Из города Весъегонска я отправился вновь чрез Поляны в погост Соболино.³³ Тамошняя помещица, хотя сама живет в столице, но столь добра и, по-видимому, гостеприимна, что позволяет всем чиновникам, случающимся быть в этих местах, останавливаться в ее усадьбе,³⁴ где находится на этот предмет чистый со всеми удобствами и прислугой дом, и временные гости, имея выгодное помещение, ни в чем не терпят здесь недостатка.

---

³¹ Имеется в виду один из многочисленного рода князей Шаховских.

³² В Весъегонске существовали Богоявленский собор (1742), церкви Рождества Богородицы кладбищенская (1844), Троицкая деревянная (метрические записи с 1786).

³³ Ныне с. Соболины Весъегонского у., центр одноименного сельского округа Сандовского р-на, в 4 км к востоку от Сандова по дороге на Красный Холм.

³⁴ В Соболинах было имение помещиков Шварцов, которым в Щербовской вол. принадлежало 4 490 десятин земли (всего Шварцы в Весъегонском у. в 1889 г. владели 24 246 десятинами земли, в том числе усадьбой Владимирское Любегощской вол.). Вблизи памятник природы кедровый парк (1 га) в д. Утиное, клюквенные болота близ дд. Большое Никитино и Харовичи.

Самый погост Соболино лежит в одной лишь версте от сказанной усадьбы. Тамошняя церковь³⁵ находится на высокой горе, и архитектура ее довольно величественна, внутренность самого храма также богата, и живопись здешнего иконостаса довольно искусной работы. — Местоположение вокруг Соболина, как и вообще по всему северу Тверской губернии, весьма гористое, ибо сюда простирается отрасль Валдайского хребта, покрытого во многих местах лесом, пересеченным болотами и озерами. Деревни в этих местах невелики.

Дорога из погоста Соболина чрез село Лукино,³⁶ далее болотисто-лесистыми местами на погост Семутино,³⁷ где устроена переправа чрез реку Мологу; отсюда более полями, а частью бором можно проехать до города Вышнего Волочка.

Город Кашин

Из погоста Соболина я проехал купеческим трактом чрез село Чисти³⁸ до города Бежецка более полями, откуда почтовый тракт, лежащий до Кашина,³⁹ проходит почти открытой равниною.

---

³⁵ В Соболинах было две церкви: Покровская (1818) с приделами Знаменским и Рождества Иоанна Предтечи и Дмитриевская (1845).

³⁶ С. Лукино от Твери 200 в., от Весьегонска 75 в. Троицкая церковь. С. Лукино принадлежало штабс-капитанше Авдотье Андреевне Соловьевой, 1845 г.

³⁷ С. Семутино от Твери 210 в., от Весьегонска 110 в. Никольская церковь (1879), деревянная.

³⁸ С. Чисти в 170 в. от Твери, 75 в. от Весьегонска. Михайловская церковь (1812).

³⁹ Г. Кашин впервые упоминается в письменных источниках 1238 г., когда город был разорен монголо-татарами. В 1247 г. Кашин вошел в состав Тверского княжества. В 1294 г., после женитьбы тверского князя Михаила Ярославича на дочери суздальского князя Анне Дмитриевне, город юридически закреплен за Тверью. В 1318 г. Кашин выделен в удел князю Василию Михайловичу, после 1426 г. управлялся великокняжескими наместниками, в 1485 г. в составе Тверского княжества присоединен к Москве. В 1609 г. Кашин разорен польскими войсками, в 1611 г. был одним из сборных пунктов ополчения под началом Козьмы Минина и князя Д. М. Пожарского. В XVI—XVII вв. Кашин — крупный центр ремесла и торговли. В XVIII в. в Кашине созданы первые мануфактуры, кашинские белила расходились по всей России и вывозились за рубеж. Два раза в год в Кашине устраивались ярмарки. С 1775 г. Кашин — уездный город Тверского наместничества (с 1796 г. — Тверской губ.). В 1764 г. в Кашине открыто духовное училище, в 1777 г. — школа для детей купцов и мещан.

В окрестностях этого города весьма много живет помещиков,⁴⁰ а потому этот уезд считать можно веселым и более общественным в Тверской губернии; сказанный город лежит на речке Кашинке,⁴¹ изгибающейся в этом месте в виде сердца, в котором находятся лучшие здания, довольно огромный собор,⁴² присутственные места и гостиный двор.⁴³ Кашин, один из красивейших уездных городов, расположен по плану,⁴⁴ имеет в длину по главной улице $2\frac{1}{2}$, а в ширину 2 версты; строения здесь большею частью каменные,⁴⁵ и улицы также мощеные. В этом городе три монастыря,⁴⁶

⁴⁰ См.: Список дворян, живущих в Кашинском уезде и владеющих недвижимым имением, 1809 г. // ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 5166. Л. 1–26; Сведения о недвижимом имуществе, принадлежащем помещикам Кашинского уезда, 1865–1867 гг. // ГАТО. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 42, 43, 44, 45, 46.

⁴¹ Р. Кашинка — левый приток Волги. Планы и панорамные фотографии Кашина с изгибом реки «в виде сердца» см.: Кириков. С. 19, 33, 34. Легендарную интерпретацию этой ландшафтной специфики города см.: Сморгунова Е. М. Город Кашин — земной образ Небесного Иерусалима, или «Богословие в камне» // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 368–384.

⁴² Воскресенский собор (1796–1804, пл. Революции), главная архитектурная доминанта города; построен в стиле позднего классицизма на территории древнего городища на месте собора XVI в. (отделка интерьеров завершена в 1817). Собор крестово-купольный, увенчан пятью главами. Трапезная и трехъярусная колокольня сооружены в 1855–1867 гг.

⁴³ Сохранились церкви Иоакима и Анны (1646, деревянная), Фроло-Лавровская (1751), Спаса Нерукотворного (1771), Ильинско-Преображенская (1778), Крестознаменская (1784), Рождества на Горе (1786), Вхоdoiерусалимская (1789), Петропавловская (1782), Вознесенская (1794), торговые ряды (1822, архитектор Н. Легранд), здание присутственных мест (первая четверть XIX в.), извозчий трактир с конюшнями (середина XIX в.), жилые дома XVIII–XIX вв.

⁴⁴ Регулярный план утвержден в 1775 г.

⁴⁵ В 1909 г. в Кашине было 113 каменных, 74 полукаменных и 864 деревянных дома (Кириков. С. 218).

⁴⁶ Клобуков мужской Кашинский Николаевский монастырь, в Кашине, на правом берегу р. Кашинки (ныне ул. Смычка, 1–6), основан в середине XIV в. (или в 1400) за посадом, к востоку от древнего городища, в XIV–XVII вв. форпост на подступах к городу с напольной стороны. В 1740-х гг. под руководством монаха Т. Плетнева в монастыре велись большие строительные работы. В 1930-х гг. упразднен; сохранилась трапезная Троицкого собора (XVII в.), надвратная церковь Покрова (XVII в.), Алексеевская и Макарьевская церкви (1851–1854), настоятельский корпус (середина XVIII в., перестроен в конце XIX в.), южный (XVII в.) и северный (XVII–XIX вв.) корпуса келий. См.: Архангелов С. Описание Кашинского Николаевского Клобукова монастыря.

из которых девичья обитель весьма обширна, здесь также находится 15 церквей.⁴⁷

В Кашине много проживает дворянских фамилий, в особенности же в нем купеческий класс весьма значителен⁴⁸ и обращает большие капиталы, они торгуют более хлебом; из учебных заведений здесь находится приходское училище; жителей в этом городе считается до шести с половиной тысяч.

Тверь, 1899. Сретенский женский Кашинский монастырь, в Кашине, в южной части города (Рабочий пос., 18, 22), основан в начале XV в. кашинским удельным князем Георгием Александровичем. В 1609 г. монастырь разграблен, разорен и сожжен польскими интервентами, позднее благодаря богатым пожертвованиям заново отстроен. В XVIII в. за монастырем значилось 3 села, 29 деревень, 20 пустошей, 364 дес. земли и мельница на р. Кашинке. Основное каменное строительство в монастыре развернулось в XIX в. Упразднен в 1920-х гг., частично сохранились Сретенский собор (1688–1691), перестроен в XVIII–XIX вв. (ныне детская и юношеская спортивная школа), и здания келий. См.: *Баженов И.* Кашинский Сретенский женский монастырь. Исторический очерк. СПб., 1893. Дмитровский мужской Кашинский монастырь, в Кашине, на холме на правом берегу р. Кашинки, напротив торговой площадки. Главный храм Дмитрия Солунского. Время основания неизвестно, игумены монастыря упоминаются с 1521 г., древнейшее из надгробий на территории монастыря относится к XV в. До XVII в. играл важную роль в обороне города, прикрывая брод через Кашинку и дороги на Бежецк и Красный Холм. Владел 564 дес. земли, рыбными ловлями, имел конный двор; был усыпальницей бояр Акимовых. В 1812 г. в монастыре скрывали епархиальные ценности. С 1792 г. монахи по Указу Синода занимались составлением летописей и сочинений по истории Российской империи. В 1920-х гг. упразднен. Сохранились Троицкий собор (1682), каменная ограда (1760–1844), Страстной собор Дмитрия Солунского (1890–1903), здание духовной семинарии (1910–1914; семинария создана в 1768 г. как училище для детей священнослужителей), деревянные корпуса келий (конец XIX – начало XX в.). См.: *Арсений.* Описание Кашинского Дмитровского монастыря Тверской епархии. Тверь, 1901.

⁴⁷ Белов в данном случае не считает в общем числе церквей Воскресенский собор, но и в этом случае церквей в Кашине было 19, а не 15: Успенский собор (1664), церкви Богоявленская (1774), Благовещенская (1688), Рождества Богородицы на Болоте (1690), Рождества Богородицы на Чистых прудах (1785), Введенская (1771), Вознесенская (1799), Входиерусалимская (1779), Казанская (1800), Корсунская (1767), Крестознаменская (1784), Петропавловская (1772), Покровская (1800), Преображенская (1775), Сергиевская (1803), Спасская (1763), Троицкая (1758), свв. мчч. Флора и Лавра (1749), Христорождественская (1780). См.: *Кириков.* С. 22–41.

⁴⁸ Известно, что с середины XIX в. кашинские купцы стали заниматься розливом и фальсификацией виноградных вин; «кашинские виноделы» сатирически описаны в «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Гор. КАЛЯЗИН и КОРЧЕВА

В 60 верстах от Кашина по почтовому тракту лежит на р. Волге Калязин.⁴⁹ — Этот уездный город невелик, две его части, довольно растянутые, лежат по правую, а одна по левую сторону сказанной реки. Здесь же находится обнесенный каменною стеною монастырь;⁵⁰ церковей в Калязине шесть;⁵¹ строения в городе, исключая главной площади, где присутственные места и гостиный ряд, остальные все почти деревянные; жителей считается здесь до шести с половиною

---

⁴⁹ Калязин, город на правом берегу Волги при впадении в нее р. Жабни, возник в XV в. как слобода Калязинского Троицкого Макарьева монастыря. В 1609 г. под Калязином воевода М. В. Скопин-Шуйский разбил польско-литовское войско. В конце XVII в. в Калязинский монастырь совершал «потешные походы» юный Петр I. В 1764 г. монастырская слобода передана в собственность государства. В 1775 г. Калязинская подмонастырская и Никольская слободы объединены и им присвоен статус города, который стал уездным центром Тверского наместничества (с 1796 г. Тверской губ.). В XVIII — первой половине XIX в. Калязин — значительный торговый центр на дороге между Москвой и Петербургом; два раза в год в городе устраивались ярмарки. В XIX в. в Калязине и уезде получил распространение кружевной промысел. Сохранились жилые дома XVIII—XIX вв.

⁵⁰ Троицкий Макарьев мужской Калязинский монастырь на левом берегу Волги, основан около 1434 г. преподобным Макарием. В монастыре бывали Афанасий Никитин, Иван Грозный, Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов. В начале XVII в. разорен польскими войсками, к концу XVII в. отстроен. В монастыре были Троицкий соборный храм с приделами Спаса Нерукотворного и Рождества Богородицы (1521, 1624), церкви Сретенская (1530), преп. Макария (1617), Алексеевская (1655), Успенская (1884), настоятельский, наместнический и братский корпуса, ярусная колокольня (1818—1822, высота около 62 м). К середине XVIII в. монастырь владел 13 селами (2 303 дворов, 12 000 крестьян мужского пола) с земельными угодьями, имел 4 мельницы, 7 подворий в Кашине, Твери, Дмитрове, Угличе и Москве, широкой известностью пользовались монастырские ремесленники. Так, в середине XVII в. мастер Аверкий Мокеев построил церкви в Новоторжском Борисоглебском и Новгородском Иверском монастырях; иконописцы, резчики, каменщики работали в тверском Спасо-Преображенском соборе. С монастырем связана сатира «Калязинская челобитная». Закрыт в 1920 г., разобран в 1939—1940 гг. в связи со строительством Угличской ГЭС и затоплением заволжской части города. Сохранились фрагменты монастырских фресок XVII в. и Евангелие 1533 г. (считается вкладом Ивана Грозного).

⁵¹ В Калязине были Николаевский собор из двух церквей: Николаевской (1694, сохранилась колокольня) и Предтеченской (1792), церкви Христорождественская (1708), Крестовоздвиженская кладбищенская (1794), Богоявления (1781), Вознесенская кладбищенская (1787).

тысяч; купеческий класс в этом городе не весьма значителен. К югу в 80 от Калязина и не далее 120 верст от Москвы, на крутом берегу Волги, близ впадения в нее реки Сестры,⁵² лежит окруженная лесами Корчева,⁵³ это один из бедных городов Тверской губернии, в нем только три церкви⁵⁴ и жителей до полуторы тысячи. <...>

Г. Торжок и Вышний Волочек

Из города Твери отправившись по Петербургскому шоссе, первый на этом пути мне лежал Торжок, уездный город Тверской губернии, он достаточно обширен и расположен по обеим довольно крутым берегам реки Тверцы, которая его разделяет почти на две равные части: одна из них лежащая на юге, где находятся присутственные места,⁵⁵ гостинный двор,⁵⁶ хорошая отель⁵⁷ и над самою рекой бульвар,⁵⁸ в этой половине много каменных довольно красивых зданий; северная же часть также небедна, но дома в ней более деревянные. В Торжке находится 18 церквей,⁵⁹

⁵² Р. Сестра в Конаковском р-не.

⁵³ Г. Корчева на правом берегу Волги. До 1781 г. экономическое село. До конца XIX в. оставался самым захудалым городом губернии, здесь работали лишь четыре небольших завода. Отсталость, запустение, бедность жителей Корчевы отметил М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии». Природа и быт этого края отражены в воспоминаниях Т. П. Пассек. В 1863 г. в городе насчитывалось 3 317 жителей. В 1935 г. в связи со строительством Ивановковского водохранилища Корчева была снесена и затоплена, а большая часть населения переведена в пос. Конаково (с 1937 г. город; до 1930 г. с. Кузнецово).

⁵⁴ В Корчеве были Воскресенский собор (1808), Казанская кладбищенская (1827) и Преображенская (1771, перестр. 1856) церкви.

⁵⁵ Имеются в виду дом городничего, присутственные места, городская управа (все вторая половина XVIII в.).

⁵⁶ После опустошительного пожара 1766 г. был утвержден первый генеральный план застройки Торжка (1767), город получил регулярную планировку. Имеются в виду торговые ряды.

⁵⁷ Речь идет о гостинице Пожарских.

⁵⁸ Имеется в виду Новгородская набережная около устья ручья Здоровца.

⁵⁹ В Торжке было не 18, а более церквей (в зависимости от того, считать ли обе церкви собора за одну или нет, включать ли в список Дальнюю Троицу). Вот перечень: Спасо-Преображенский собор из двух церквей: холодной (1822, архитектор К. И. Росси, сохранился) и теплой (1842), церкви Успенская (1744, сохранилась), Сретенская (1773, сохранилась), Климентовская (1687, колокольня 1835, сохранилась), Троицкая (1792), Иоанна Предтечи (1763), Дальняя Троицкая (1790), Крестовоздвиженская (1742, сохранилась), Георгиевская (1692, сохранилась), Крестознаменская (1784,

есть училище,⁶⁰ здесь также достаточно заводов и фабрик;⁶¹ в особенности же этот город известен золотым и серебряным по сафьяну шитьем. Жителей считается здесь до 13 1/2 тысяч.

Далее по Петербургскому тракту лежит город Вышний Волочек, чрез который проходит известный канал того же наименования, здесь также и окружное путей сообщения управление.⁶² Этот город, имеющий только шесть церквей,⁶³ не обширен, но довольно красиво и по плану расположен, в нем много каменных зданий,⁶⁴ в особенности же купеческий класс здесь значителен; жителей считается в нем до девяти тысяч.

Из Вышнего Волочка лежит почтовый тракт в гор. Осташков.

Город Осташков

Один из замечательнейших уездных городов Тверской губернии: ни своею обширностью или великолепием зданий, ни богатством жителей, ни даже выгодным для торговли положением, ибо он лежит на берегу довольно большого озера Селигера и судоходной уже здесь р. Волги, но Осташков славен потому, что невдали его на севере

сохранилась), Пятницкая (1779, сохранилась), Благовещенская (метрические записи с 1780), Воскресенская (1779, сохранилась), Старо-Вознесенская деревянная (1653, сохранилась), Дмитриевская (1826), Власьевская (1727, сохранилась), Никольская (1784, сохранилась), Васильевская (1773, сохранилась), Ильинская (1822, сохранилась), Богоявленская (метрические записи 1780), Иоанна Богослова кладбищенская (1782, ограда с воротами середины XIX в.), Николопустынская (1813), Входоерусалимская (1822). Кроме того, в Торжке были часовни: Животворящего Креста (конец XVIII в., архитектор, возможно, Н. А. Львов), во имя Софии-Премудрости Божьей (до XVIII в.) и др.

⁶⁰ В Торжке к этому времени были открыты духовное училище (1772), городское училище (1787), женское училище (1842), мужская гимназия (1844).

⁶¹ Во второй половине XIX в. в Торжке было 500 торговых заведений, работали 7 кожевенных заводов.

⁶² В Вышнем Волочке, почти посередине пути между Москвой и Петербургом, находилось полицейское управление Николаевской железной дороги. При нем в 1840 г. была открыта Вышневолоцкая школа кантонистов, которая в 1874—1883 гг. называлась Вышневолоцким училищем кондукторов путей сообщения.

⁶³ В Вышнем Волочке было не 6, а только 4 храма: Казанский собор (1771), церкви Петропавловская (1813), Преображенская кладбищенская (1783), Троицкая (1843).

⁶⁴ В Вышнем Волочке сохранились торговые ряды (1852), набережная каналов (XIX в.), Казанский женский монастырь (1880-е гг.), жилые и административные здания и фабричные корпуса (вторая половина XVIII—XIX в.).

находится известная обитель Нила Преподобного,⁶⁵ куда стремятся богомольцы из весьма отдаленных мест на поклонение.

Этот город, лежащий на мысе сказанного озера, весьма невелик, восемь его главных улиц, длиною полторы версты, пересечены частыми поперечными, продолжающимися от одного берега до другого, расстоянием не более версты.⁶⁶ Он расположен на низменном и болотистом месте; но, исключая это неудобство, невзирая на немощные его прибрежные улицы и покрытые плесенью для осушения их канавы; обитатели этого города не подвержены, как бы должно думать, повальным болезням, и даже холера, свирепствующая в последнее время,⁶⁷ недолго продолжалась здесь и не причинила большой смертности, чему жителям содействует, как можно полагать, не только здоровый воздух, очищаемый водами озера, но равно трудолюбивый и воздержный их образ жизни; ибо в сказанном городе много фабрик и заводов, на которых весь почти низший класс здешнего народонаселения постоянно бывает занят; последняя причина, мне кажется, много содействует и к веселости характера тамошних жителей, ибо, трудясь весь день за урочной работой, они стараются вознаградить себя в досужное время, собираясь летними вечерами не только по праздникам, но, можно сказать, ежедневно, в особенности же когда погода тому благоприятствует, разгуливают партиями по городу, а более на так называемой здесь Каменной улице, служащей им бульваром;⁶⁸ подобные компании, составляясь из женщин и мужчин, сопровождаемые иногда скрипкою или другим каким-нибудь инструментом, оглашают воздух песнями, продолжающимися часто за полночь.

---

⁶⁵ Нило-Столобенская (Нилова) пустынь.

⁶⁶ Осташков строился по генеральному плану, составленному в 1772 г. архитектором И. Е. Стасовым. Из важных гражданских построек сохранился Дом ратуши (1720).

⁶⁷ Об эпидемии холеры в 1847—1848 гг. в Тверской губернии см.: *Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «Престо», 2004. С. 173—176.

⁶⁸ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Бульвар устроен действительно очень мило (он тянется от торговой площади по направлению дома городского головы — Савина) и содержится в большом порядке: березки все подстрижены и с подпорками, дорожки усыпаны песком»; и далее: «...я пошел по главной улице, в этом месте почему-то высыпанной песком, и вдруг завидел большое каменное здание <...> Я обошел здание с двух сторон и заглянул на двор: и там всё очень удобно устроено, чистота изумительная, двор вымощен» (Слепцов. С. 20, 21).

Осташковские мещане, живя на озере, а потому весьма искусно умеют управлять суднами и ладьями, можно сказать, что они изучают здесь с малолетства мореплавание, многие из них впоследствии делают-ся искусными лоцманами, и даже некоторые из этих мещан, как слышно, имеют капитанские места на купеческих кораблях, отправляющихся из России в другие европейские государства и Америку.⁶⁹ Мне случилось несколько раз плыть в лодке по озеру в бурю и во время опасности удивляться искусству управлять челном, равно и присутствию духа здешних кормчих, ибо все подобные экспедиции в Осташкове исправляют женщины.

Этот город, как о том сказано прежде, невелик; жителей в нем считается до десяти с половиною тысяч, из них, можно полагать, пятая часть купечества, хотя меж последними, исключая одного только здесь богатого дома, которому принадлежит огромный кожевенный завод и бумажная фабрика,⁷⁰ прочие ведут весьма незначительную торговлю; остальные же из низшего класса горожане, за неимением достаточного количества здесь земли, занимаются целыми семействами шитьем сапог, башмаков, калош, рукавиц и тому подобного; эти их рукоделия отсюда отправляются водою в другие приволжские города. В Осташкове много также слесарней, в особенности же кузниц, снабжающих окрестные места земледельческими орудиями.⁷¹

---

⁶⁹См. примечания к путешествию Жуковского.

⁷⁰Имеются в виду хлопчатобумажный и кожевенный завод купцов Савиных на Береговой ул. (ныне ул. Орловского). Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «...южная (правильно: северная. — Ред.) оконечность полуострова, вдавшаяся в озеро, застроена кожевенными заводами» (Слепцов. С. 18).

⁷¹Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «...в центре находится торговая площадь, присутственные места и кузницы; сапожники же разбросаны по всем остальным улицам и переулкам, идущим во все направления. Такая сортировка по занятиям вполне соответствует и потребностям каждого ремесла или промысла, взятого отдельно. <...> Для кузнецов отведено открытое место внутри города, что, впрочем, нисколько не мешает им замазывать сажей и углем соседние улицы, отчего самая грязь на этих улицах имеет свойство чернить сапоги даже без помощи ваксы. <...> Что же касается сапожников, то, я полагаю, всем известна невзыскательность ремесленников, промышленяющих сапожным изделием; это особенно заметно в Осташкове, где сапожничеством занимаются почти в каждом доме, в особенности женщины, и где это ремесло дает только что насущный хлеб, следовательно, об удобствах тут и разговора быть не может. Если есть 1/2 аршина места для скамейки, так будут и сапоги, или *осташи*, как их называют» (Слепцов. С. 18—19).

В самом городе находится собор во имя Св. Троицы и церкви Св. Преображения и Воскресения Господня,⁷² все эти три церкви приятной и правильной архитектуры; внутренности этих храмов также великолепны и с богатыми иконостасами, в особенности же последняя, как видно, отделанная в недавнее время весьма великолепно. В Осташкове находится также и девичья обитель, построенная на берегу озера Селигера,⁷³ в которой две церкви, из них соборная во имя Знамения Пресвятыя Богородицы огромна и внутри великолепна. Инокинь, можно полагать, в этом монастыре до двадцати; при нем также имеется и небольшое училище для девиц из духовного звания, основанное в недавнее время нынешнею их доброю игуменьею. Невдали самого города, на острове, соединенном с ним мостом, находится так называемый Житний мужеский монастырь,⁷⁴ где тоже две церкви, внутренность тамошнего собора несколько темна, здесь же при этой обители и городское кладбище, монашествовавшей братии в ней немного; они в зависимости от Ниловой пустыни.

Невдали вне города по Ржевскому тракту лежит обширное городское кладбище, где находится и церковь Св. Воздвижения,⁷⁵ архитектура которой довольно привлекательна, в особенности же внутренность ее отличается художественною отделкой, изображение в ней Страшного Суда Божия над дверьми рисовано искусною кистью.

Осташковские жители набожны, в праздничные дни церкви здесь бывают наполнены народом, на клиросах всегда певчие, большею частью мальчики с заводов и фабрик. В целой же народной массе здесь видно достаточно образования, чему содействует много торговля и учебные заведения, ибо в Осташкове находится семинария и школы для обоих полов,⁷⁶

⁷² В Осташкове были Троицкий собор (1697, сохранился), церкви Воскресенская (1689, сохранилась), Преображенская (1762).

⁷³ Знаменский женский Осташковский монастырь.

⁷⁴ Житенный мужской Осташковский монастырь.

⁷⁵ Крестовоздвиженская кладбищенская церковь (1780).

⁷⁶ Народное училище открыто в Осташкове в 1777 г., уездное и два приходских училища в 1805 г., больница в 1800 г. Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Немного не доезжая сада, вы снова видите здание совершенно такое же, как и казармы; на здании красуется огромная вывеска: „Дом благотворительных заведений общественного банка Савина“.

— Что здесь, в этом доме?

— Воспитательный дом, богадельня для престарелых и увечных, уездное училище, женское училище, воскресные классы» (Слепцов. С. 29).

сверх того, в этом городе имеется публичная библиотека,⁷⁷ аматерский театр⁷⁸ и коммерческий банк.⁷⁹

Осташковские женщины одеваются довольно богато, в особенности же во время праздников, они щеголяют в легких атласных шубках, покрываясь шальями и дорогими платками, в перламутровых, наподобие диадем, кокошниках; многие из них весьма недурны собою.⁸⁰ Не только в купеческих, но даже и во всех почти мещанских домах меж собирающимися на пирушки, или, как говорится, на посиделки, видна здесь некоторая роскошь и несколько знания светских приличий; но ежели в подобном обществе имеется музыка, то танцуют и французскую кадрили. Иногда даже слышны стихи из басен, декламируемые уличными мальчишками, которых числом по народонаселению этого города Осташков пред другими может похвалиться.

Осташков окружен водой и вблизи его плавающими суднами, барками и челнами, где непрерывно кипит деятельность, оживляющая и самый город, дающая ему более жизни, равно и вид со стороны озера весьма привлекательный, в Осташкове имеется также и пароход.⁸¹

Во всякое время года, в особенности же по окончании сельских полевых работ, в этот город стекаются, как о том сказано прежде, не только из близлежащих мест, но и из других губерний богомольцы, отправляющиеся, одни водою, другие вокруг озера сухим путем, на поклонение в обитель Нила Преподобного.

Ново-Соловецкий монастырь и погост Овселуг

Поздно вечером я отправился из города Осташкова по Холмскому тракту, на рассвете дня прибыл на первую станцию, где переменяв

---

⁷⁷ Осташковская гражданская библиотека для чтения создана в 1833 г.

⁷⁸ Осташковский общественный любительский театр был создан в 1805 г., первый в Тверской губернии. Труппа состояла только из мужчин: живописец Я. М. Колокольников-Воронин, сапожники И. И. и П. И. Запутьяевы, маляры И. И. и И. И. Карловы, позолотчик П. Ф. Нечкин и др. Распорядителями театра были купцы С. К. и Ф. К. Савины. Ставились пьесы Д. И. Фонвизина, А. Ф. Коцебу и др. Театр размещался в доме на перекрестке современных Рабочей и Ефстафьевской ул., в 1836—1880 гг. в каменном здании бывшего кожевенного завода Савиных на Береговой ул. (ныне ул. Орловского). В 1842—1850 гг. организатором и режиссером труппы был К. Н. Гречников. С 1843 г. на сцене стали выступать женщины, первая актриса — О. П. Запутьяева. См.: *Токмаков И. Д.* Театр в городе Осташкове Тверской губернии. М., 1905.

⁷⁹ Имеется в виду банк Савиных (см. выше).

⁸⁰ Ср.: *Солнцев Ф. Г.* Одежды Русского государства. Из раздела «Народные одежды».

⁸¹ См. прим. к путешествию Островского.

лошадей поехал далее; к полудню я остановился в погосте Овселуге,⁸² там, за неимением иного помещения, расположился в рыбацкой избе над озером Пено; я хотел было познакомиться с владельцем Овселуга, которого тут же, в соседстве с моей квартирой, и усадьба,⁸³ но его не было дома. Добрый мой хозяин доставил мне на обед хорошей рыбы и свежего молока, почему я не мог жаловаться на недостаток здесь в столе; на другой день был, однако ж, в большом затруднении насчет лошадей, дабы подняться из Овселуга, в лодке переправя мои вещи, в деревню, на противоположной стороне озера лежащую, и, запрегши одну клячу, с большим трудом добытую в мой экипаж, я сам отправился пешком. Проходя через усадьбу, верстах в четырех от погоста находящуюся, я зашел к ее владельцу г. М..., который был столь вежлив, что предложил мне у себя на короткое время квартиру, ибо намерен был сам куда-то вскоре уехать; я принял его предложение, но так как мне нужно было прожить в этих местах несколько долее, ибо наступал праздник Св. Троицы, в который я желал отправиться невдала отсюда находящуюся Ново-Соловецкую обитель, где был престол,⁸⁴ то я переехал в лежащую в соседстве с сказанной дачею бедную деревушку.

Утром в день Сошествия Св. Духа⁸⁵ я поплыл вместе с одним знакомым в лодке, которой гребцами были женщины, в Ново-Соловецкий монастырь, отстоящий от моей квартиры по озеру Пену⁸⁶ расстоянием около десяти верст. Небо тогда было ясно и ветер слишком невелик, а потому мы чрез два часа пристали благополучно к обители, где обе-

---

⁸² С. Вселуки на берегу оз. Вселуг, церковь Рождества Богородицы (1835–1844).

⁸³ Последними владельцами Вселук значатся Квашнины, которым принадлежала также усадьба **Пялино Новинской вол. Осташковского у.** (ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 135; Ф. Р-835. Оп. 8. Ед. хр. 175. Л. 168 об. – 169). В Осташковском уезде был род Квашниных (*Генеалогия*. Л. 95 об.), в котором единственным лицом, отвечающим описанию Белова, является Мартирий Иванович, женатый на Александре Николаевне Понафидиной, у которого к этому времени было шесть детей: Анна, Елизавета, Александра, Иван, Фелицата, Мария (1835–1848 гг. рождения). Следует заметить, однако, что Белов не упоминает о жене и детях владельца усадьбы.

⁸⁴ В Ново-Соловецкой пустыни был Троицкий храм.

⁸⁵ День Св. Троицы, Троица, Пятидесятница, один из главных христианских праздников, входящий в православии в число двенадцатых праздников. Православная церковь отмечает Троицу в 50-й день по Пасхе, в воскресенье.

⁸⁶ Ошибка И. Белова: речь идет об оз. Вселуг, соединенном с оз. Пено проливом.

дня еще не началась; здесь уже находилось из соседственных деревень много крестьян, прибывших сюда на праздник. Мы хотели было испросить для себя келью, но по малой обширности этого монастыря не нашли к тому удобной. Вероятно, по положению этой обители на острове, достаточно удаленному от материка, и несколько мрачной в тот день погоды из окрестных помещиков здесь на это время никого не было.

В ожидании обедни мы отправились осмотреть местность вокруг этого монастыря. — Остров, на котором построена Ново-Соловецкая обитель,⁸⁷ весьма невелик, он занимает всего пространства около двух десятин; на нем находится только небольшая рощица, видная с дальнего расстояния, и обрабатываемый отшельниками огород. Самая обитель, обнесенная каменною стеной, довольно бедна, монахов в ней также немного, этот монастырь принадлежит к пустыни Нила Преподобного. Внутренность соборной здешней церкви невелика и небогата, в ней приделы во имя свв. Зосимы и Савватия и Покрова Пресвятыя Богородицы.

После обедни, около полудня, когда должно бы отправиться нам в обратный путь, поднялся сильный ветер и пошел дождь, но, несмотря на то, все бывшие здесь крестьяне, спеша к себе в дома, в малых своих ладьях пускаются в бушующее озеро, некоторые из них, кажись, совершенно тонут в волнах. Мы смотрим на эту опасность с берега озера, жалеем об них и сами готовимся в подобный же путь, наши гребцы и кормчий женщины садятся в челн, вслед за другими и мы предаемся на волю бури и разъяренных валов, вразрез которых стараясь поставить нашу лодку, направляемся не к югу, куда лежать должен был бы наш путь, но к северо-западу, дабы впоследствии воспользоваться уже ветром, который столь был силен и волны так велики, в особенности же когда мы находились среди озера, что едва не проглотили наш углый челн; вода, однако ж, несколько раз плескала к нам чрез край лодки, из которой мы должны были ее выливать. Но благодаря Св. Промысел, правящий бурями и волнами, как равно и нашу судьбой, хотя с большим трудом проплыв более двух верст, мы счастливо наконец пристали у мыса, где отдохнув несколько, пустились вновь плыть, но уже ветер был нам попутный; теперь, приживаясь уже берегов озера, несмотря на усиливающийся дождь,

---

⁸⁷ Ново-Соловецкая обитель находится в центре оз. Вселуг на о. Малосоловецком, или Зосимы и Савватия, святителей Соловецких. Считается, что обитель основана в 1701 г. монахом Иоилем. Обитель приписана к Ниловой пустыни (1806), до этого были свои настоятели. Троицкий собор (1748) с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и прпп. Зосимы и Савватия.

промоченные, как говорится, до нитки и продрогшие до костей, мы благополучно пристали к берегу, вблизи которого находилась наша квартира.

НА ПУТИ В АДРИНОПОЛЬ СЕЛЬЦО БЕРВЕНЕЦ И ПОГОСТ ЛУГИ

Ближайшая дорога из Овселуга до Адринополя, известного в окрестностях минеральными водами, лежит чрез деревню Бервенец⁸⁸ и погост Луги, куда на другой же день я и отправился. Добрый г. ММ., владелец сказанной деревни, молодой человек, проживающий здесь без семейства, пригласил меня на время к себе. На следующее утро я узнал, что здесь же ночуют две его двоюродные сестрицы, приехавшие сюда, когда всё в доме уже спало; они отправляются в Нилову пустынь на богомолье и хотят непременно, дабы брат им в этом добром предприятии также сопутствовал.

За обедом я имел удовольствие познакомиться с дамами, эти молодые, свежие деревенские барышни и в обращении довольно любезны; после полудня я должен был проститься с добрым г. ММ. и его сестрицами, спешившими на поклонение Нилу Преподобному, остался здесь один до следующего утра, дабы также и самому отправиться в погост Луги,⁸⁹ лежащий отселе не далее 30 верст расстоянием.

На другой день около обеда, как скоро привели для меня лошадей, я тотчас же и оставил сельцо Бервенец, расстояние до Лугов невелико, а потому и полагал прибыть туда к вечеру; но лишь только, проехав полем несколько верст, углубился в лес, как дорога, покрытая острыми камнями, корчами и почти сплошным болотом, делалась поминутно труднее и труднее, колеса моего экипажа, то прыгая, то останавливаясь меж подболотных камней, которые, как подводные рифы, грозили моей бричке совершенным разрушением, тонувшей несколько раз до того, что мы принуждены были стоять по целым часам на одном месте и, несмотря на все усилия наших лошадей, с большим трудом и

⁸⁸ Речь идет об усадьбе Бор-Венец Заевской вол. Осташковского у. (ныне Бервенец). Последним владельцем ее был Арбузов (1922 г.; ГАТО. Ф. Р.-1590. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 18). В Осташковском у. было два рода Арбузовых (*Генеалогия*. Л. 6 об.). Но поскольку второй род был внесен в книгу только в 1858 г., значит, в данном случае речь идет о коллежском регистраторе Михаиле Павловиче Арбузове (р. 9.07.1821), сыне капитана второго ранга Павла Петровича (первый воинский чин получил в 1792 г.) и его жены Анны Алексеевны.

⁸⁹ Погост Луги от Твери 260 в., от Осташкова 75 в. Троицкая церковь (1764).

только с помощью кольев могли отрывать из болота колеса экипажа, изломав крющья пристяжек и повредив несколько самую бричку; наконец мы добились до первой деревни, проехав только десять верст; а лошади наши до того измучились, что, не переменяв их, нельзя было продолжать далее пути; а так как на это требовалось несколько времени, а уж было близко вечера, да и сами крестьяне сказанной деревни советовали мне по причине наступающей ночи не рисковать в столь трудную дорогу, предлагая мне у себя ночлег, на что хотя и с большим прискорбием, но я должен был согласиться.

Утром следующего дня, как скоро лошади были впряжены в мой экипаж, выйдя на улицу, я увидел возле брички четырех крестьян с огромными колями, которые, опасаясь за своих лошадей, решились провожать меня до соседственной деревни, находящейся от них также не далее десяти верст расстоянием; с подобною эскортой я вновь отправился в путь по грязной и каменистой дороге, пролегающей также лесом. На этот раз благодаря добрым крестьянам, поддерживавшим в иных местах колями мою бричку, я двигался понемногу, но безостановочно и часа чрез три достиг открытого поля, где уже не было опасности; простившись с проводниками, я вскоре выехал на большую Торопецкую дорогу, которою и прибыл в давно желанный погост Луги.

Я остановился в бедной и курной крестьянской избе небольшой и грязной деревушки, невдали от сказанного погоста лежащей. — Здешние окрестности весьма однообразны; это довольно огромная поляна, на которой находятся три усадьбы и несколько деревень, есть, можно сказать, большой среди леса остров; дороги, исключая одной, пролегающей из Осташкова в город Торопец, другие только во время зимы проезжие; в мокрое же лето, в особенности весною, по ним с большою опасностью можно пробраться только верхом. — Поля вообще здесь ровные и сказанные деревни невелики.

В расстоянии 15 верст в прямом направлении от погоста Лугов на северо-восток лежит небольшое озеро Двинец, близ которого находится и деревня того же названия, из него стремится ручей, впадающий в озеро Жаданье, а из этого уже вытекает река, известная под именем Западной Двины.⁹⁰

---

⁹⁰ Западная Двина берет исток не в оз. Двинец, а в 1,5 км к северу от него в южной части Корякинского болота как Анучинский ручей, примерно через 500 метров он сливается с Корякинским ручьем, а через 600 — впадает в оз. Двинец, где ранее была д. Корякино; далее под названием Западной Двины протекает через оз. Охват, или Жеданье.

Адринополь, или сельцо Мачихино

Сельцо Мачихино,⁹¹ где я теперь расположился, по приятности и красоте местоположения есть одно из лучших в окрестности. Оно лежит на левом берегу Западной Двины, на открытой равнине, и принадлежит г. N...,⁹² хотя сама эта усадьба по виду кажется и небогата, но к ней примыкает прекрасный сад, расположенный в английском вкусе; там меж тенистых еловых и тополевых аллей растет много черемухи и других ароматических кустарников, кой-где находятся цветники, лужайки и насыпные курганы, по местам сооружены красивые беседки, далее же к Западной Двине примыкает густая роща. — На противоположном берегу сказанной реки находится также усадьба,⁹³ которой обширный сад почти смежен с Мачихинским, оттого не только эти рощи, но и вблизи лежащие окрестности наполнены приятных благовоний. В конце этого сада над Западной Двиной возвышается церковь, это есть погост Дубна,⁹⁴ за которым вновь приятно раскинута усадьба, принадлежащая г. NN..., вообще берега этой реки, унизанные деревьями и покрытые рощами, картинно живописны.

Сельцо Адринополь пользовалось прежде большою известностью не только в Тверской, но и в смежных с ней губерниях. Но слава его блеснула и померкла!

Здесь находятся, как о том сказано прежде, минеральные воды,⁹⁵ а потому в Адринополе построено до десяти больших домов с принад-

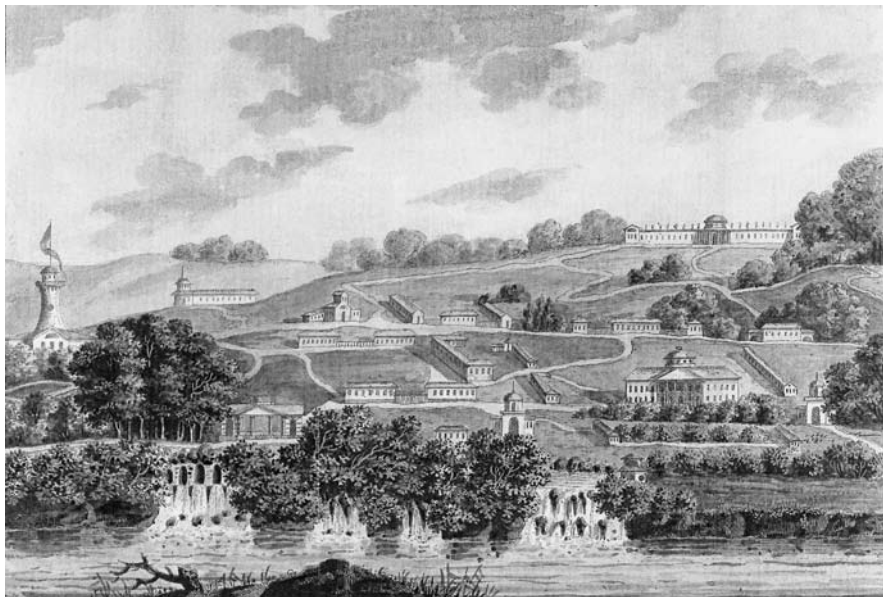
⁹¹ С. Андреаполь, или Мачихино Давыдовской вол. Осташковского у. Владельцы Кушелевы, Протопоповы. См.: Архив дворян Кушелевых // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1595—1607. 1707—1893 гг.; Акт обследования имения Андреаполь комиссией, назначенной УЗО. 19 сент. 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 143—144; Шимкевич Э. Э. Историческая справка об Андреапольском районе. 1965 // Андреапольский РГА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 471. Л. 8—18; Вид Андреапольских минеральных вод: [Гравюра] // Отчетные материалы Торопецкого отделения Псковского краеведческого общества. 1927. Январь. Л. 4.

⁹² В XVIII — начале XX в. по р. Западная Двина на месте нынешнего Андреополя проходила граница между Псковской и Тверской губ. Волостной центр Дубна Торопецкого у. (на правом, псковском берегу) впервые упоминается в Литовской метрике 23 июля 1489 г. В XVIII в. земли на левом (тверском) берегу Западной Двины, вокруг с. Мачихино Осташковского у., принадлежали генерал-майору Андрею Андреевичу Кушелеву (1766—1843), который назвал свое имение Андреяно Поле (1783).

⁹³ Рогово.

⁹⁴ Погост Дубно Псковской губ.

⁹⁵ Андреапольские минеральные воды известны с начала XVIII в., организованное использование началось в XIX в. Курорт был открыт С. А. Кушелевым

Андреапольские минеральные воды.

Гравюра из книги К. Фридебурга «Описание вновь открытых Андреапольских минеральных вод». СПб., 1811

лежащими к ним службами, эти корпуса разделены на отделения, где помещались целые семейства. В Мачихине также находились трактир, кофейня и дом для публичного собрания, сюда приезжали во время лета не только желающие пользоваться минеральными водами, но равно и для препровождения времени богатые помещики, артисты и музыканты; в саду по вечерам гремел оркестр; светские люди иные в зале собрания танцевали, другие прогуливались по аллеям и в роще, словом, весь Адринополь тогда был в движении и полон жизни; на это время квартиры и содержание были здесь весьма дороги; теперь же в Адринополе всё пусто, дома никем не обитаемы, приходят в разрушение, нет ни дома публичного собрания, ни кофейни, ни трактира.

в 1810 г. Ценность вод исследовалась русскими и иностранными учеными, в том числе академиком В. М. Севергиным и профессором Ф. Ф. Рейсом. Первым врачом курорта был К. И. Фридебург. В 1843 г. курорт закрыт в связи со смертью С. А. Кушелева и финансовыми трудностями его наследников. См.: Курорт в русской культуре. К 200-летию Андреапольских минеральных вод: статьи и материалы / сост. М. В. Строганов, В. В. Цыков, ред. М. В. Строганов. Торжок: ВИЭМ, 2010.

В этом прекрасном саду, прежде так блестящем роскошью и людьми большого света, редко увидишь теперь кого-нибудь прогуливающегося из дома г-жи N..., здесь проживающей, и на улице сказанного сельца, кроме хорошеньких крестьянских мальчиков, также никого не видно.

С смертью г. N..., прежнего владельца этого имения, пала и слава сельца Адринополя, он основал здесь заведение минеральных вод, содержал при них искусных докторов, старался доставить разного рода удовольствия для посетителей; теперь же никто об этом не заботится, нынешний его владелец не живет в своем имении.

Иссреди Адринополя лежит широкая, осененная по обе стороны высокими развесистыми березами дорога; в конце ее, расстоянием от сельца в полуторе версте, возвышается огромное здание дорического вкуса, на фронте которого значится 1810 год, то есть время основания в нем минеральных вод. Внутри этого строения находятся обширный, некогда богато украшенный лепною работою зал, а среди последнего бассейн минерального источника; с правой и левой стороны сказанной залы ведут коридоры в небольшие комнаты, где прежде были устроены ванны. Теперь потолки этого здания рушатся, лепные его украшения отчасти лежат в грудах мусора, пол выломан, бассейн засыпается и подернут плесенью, но источник всё журчит, кажись, будто жалуется на непостоянство и превратности судьбы!

НА ДОРОГЕ К ИСТОКУ Р. ВОЛГИ

Верстах в 30 от Адринополя на моем пути лежал погост Отолово,⁹⁶ тамошний владелец был столь вежлив, что пригласил меня на время к себе; его усадьба, находящаяся на берегу озера, невдали сказанного погоста, расположена довольно красиво. Отоловская церковь достаточно огромна, внутренность ее составляют три яруса, из которых в каждом имеется по несколько приделов.⁹⁷ Деревни, принадлежащие этому погосту, невелики и рассеяны по лесу.

---

⁹⁶С. Отолово в 25 км к северо-западу от Андреополя, на северном берегу Отоловского оз. (Заборский с/с Пеновского р-на). В XIX в. в Отолове была усадьба Челищевых, от которой осталось несколько липовых деревьев и часть фруктового сада. С 1979 г. село не существует. За дворянами Челищевыми в Осташковском у. числились в разное время усадьбы Ново-Успенское Новинской вол., Кудино, Новоселье, Перелаз и Ильинское. Но род Челищевых не зарегистрирован среди тверских дворян.

⁹⁷Троицкая церковь (1767), каменная трехэтажная с пятью престоломи: в нижнем этаже (теплая) преп. Илии и Нила Столобенского, во втором — св. Троицы и свт. Николая, в третьем — Успения Божией Матери (3-й этаж и верхние ярусы колокольни надстроены в 1831 г. на средства помещика С. А. Челищева). Сохранились остатки храма с интерьером, кирпичная ограда

6 августа день Преображения Господня празднуется в погосте Добром,⁹⁸ лежавшем также на моем пути, там я проездом остановился. Местоположение здесь весьма гористое и довольно привлекательное, в особенности же вблизи озера, называемого Атальяское,⁹⁹ окрестности которого весьма богаты живописными видами, где много также довольно красиво расположенных по берегам сказанного озера усадеб.

Церковь в погосте Добром деревянная и весьма в ветхом состоянии; на этот раз съезд сюда соседственных помещиков был довольно значителен. По случаю сказанного праздника, дабы далее отсюда отправиться, я с трудом, однако ж, мог достать лошадей.

На пути, лежащем мне в погосте Хвошню, я остановился в деревне Коренной,¹⁰⁰ в бедной крестьянской избе; старуха, хозяйка этого дома, довольно тучная женщина, казалась мне несколько спесивой; покамест мне нагревали самовар, она обратилась ко мне с вопросом:

— Барин, сколько лет тому как скончался император Александр?

Удивленный этим старухи вопросом, я спросил ее, почему это ей любопытно знать.

— Как почему, — продолжает старуха, — покойник, царствие ему небесное, пожаловал мне пятьдесят рублей.

с воротами и пятью башнями (одна утрачена; конец XVIII — начало XIX в.). На втором этаже сохранился иконостас с деревянными скульптурами (XVIII в., единственный полностью сохранившийся образец торопецкой резьбы по дереву).

⁹⁸ Погост Доброе от Твери 326 в., от Осташкова 87 в. Преображенская церковь (1831). Последним владельцем с. Доброго Новинской вол. Осташковского у. был Н. Д. Журавлев, однако род Журавлевых не зарегистрирован среди тверских дворян. Об этой усадьбе известны документы только 1924 и даже 1929 г. (ГАТО. Ф. Р-835. Оп. 8. Ед. хр. 175. Л. 34 об., 37; 167 об. — 168; Ед. хр. 207. Л. 47 об.; Ед. хр. 175. Л. 82 об. — 83; Ф. Р-56. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 126); ср.: Пакалин Я. Точка на карте // Звезда. 1988. 12 апреля.

⁹⁹ Правильно: оз. Отолово.

¹⁰⁰ Возможно, усадьба Корино (Корнево) Павлиховской вол. (владельцы Зиловы, 1846, 1848, 1858), либо Корнево (Ануфриево, владелец штабс-капитан Василий Львович Пятин, 1850, 1851), либо Корнево (Максимово, владелец поручик Иван Федорович Пушин, 1812, 1846, 1853), либо Корнево-Белово Петровщинской вол. (владельцы Беловы, 1920; Крылов Л. И. Семейный архив дворян Беловых Осташковского уезда Тверской губернии. Тверь, 1912; Свитки дворян Беловых из Осташковского уезда Тверской губернии (конец XVII — начало XVIII в.) // Журнал 111-го заседания ТУАК 7 и 8 дек. 1911 г. Тверь. С. 13—22), либо, наконец, Корнево-Фадеево Павлиховской вол. (владелец Владимир Васильевич Фадеев, с 1913).

— За что? — я вновь ее спросил.

— Покойник, царствие ему небесное, ехал из Питера в Нилову пустынь помолиться Богу и в моем доме остановился,¹⁰¹ при нем было тогда много ёнералов и чиновников, был также и наш исправник; деревня вся была ими полна. Покойник, царствие ему небесное, был такой ласковый, перецеловал всех моих детей, я ему поцеловала также руку, и он при отъезде пожаловал мне пятьдесят рублей. — Дай Бог ему царствие небесное!

Последние слова старухи и я повторил за ней, тем наш разговор и кончился.

Погост Хвошня,¹⁰² где я теперь расположился, окружен лесом, прорезанном озерами и весьма топкими болотами; дороги здесь, исключая одной, ведущей в город Осташков, прочие неудобопроезжие. Самый погост лежит на низменном месте; здешняя церковь деревянная и очень небогата, невдали ее находится небольшая деревня и усадьба помещика,¹⁰³ которая теперь, за его отсутствием, занята под мою квартиру; далее от этого погоста местоположение чрезвычайно гористоволнистое. Верстах в семи от сказанной Хвошни лежит довольно значительная казенная деревня,¹⁰⁴ на западе которой протянулось длинное, узкое и весьма топкое болото, у конца его невдали самой улицы построена деревянная часовня,¹⁰⁵ посещаемая иногда людьми любопытными; в ней находится ключ, из которого, тихо журча, стремится поток, он, кажись, прокладывает себе путь, изгибаясь меж кустов лоз и тростника. В нескольких верстах от истока этот ручей заметно усилился и, пеня свои волны, скрывается в озера, невдали друг от друга лежащие, сначала в Малое, а там в Большое, именуемые Вержи,¹⁰⁶ далее же в Стерж,¹⁰⁷

¹⁰¹ Александр I посетил Осташков в 1820 г., останавливался в доме Кондратия Савина.

¹⁰² Погост Хвошня от Твери 260 в., от Осташкова 35 в., на берегу оз. Хвошни. Церковь Рождества Христова (метрические записи с 1780 г.).

¹⁰³ В районе Хвошни (Новинская вол. Осташковского у.) находились усадьбы Колпино (владелец Морозов, владелец Тверской мануфактуры, 1922 г.: ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 23 об.) и Верх-Марево (ныне Верхмарево; владелец Голунский, 1923 г.: ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Ед. хр. 784. Л. 1).

¹⁰⁴ Д. Волгино Верховье.

¹⁰⁵ В 1814 г. Н. Я. Озерецковский видел развалины старой часовни, которую его современники сами не видели, к 1848 г. была построена новая часовня.

¹⁰⁶ Оз. Верхит Малый и Большой.

¹⁰⁷ Оз. Стерж в Осташковском р-не.

откуда уж этот ручеек возрождается рекой, лоно которой несет не только челны, но даже судна и барки.

Деревня близ сказанной часовни называется Верховье Волги; а ручей есть начало одной из любимейших дочерей обширной матери России, величественной и богатой реки Волги.

ВЗГЛЯД НА ОСТАШКОВСКИЙ УЕЗД

Часть Осташковского уезда, прилегающая к Псковской и Смоленской губерниям, находится, можно сказать, на самой вершине Великой Плоской возвышенности;¹⁰⁸ ибо в этих местах берут начала известнейшие реки Волга и Западная Двина, текущие совершенно в противоположные стороны; невзирая на то, здесь всё почти сплошные покрытые лесом болота, где также находится много и больших озер.

Здесьние крестьяне, отделенные будучи самою природой от других жителей как своего, так и смежных уездов, населяющих более открытые места, различаются от последних нравом и образом жизни, в особенности же наречием языка, которым они близки к белорусам; и невзирая на то, что они обитают среди леса, но хижины их почти все курны и бедные, грунт же земли здесь чрезвычайно каменистый, но достаточно хлебороден.

26 АВГУСТА, ДЕРЕВНЯ АБДЫНЬ НА БЕРЕГУ ОЗЕРА ЖАДАНЬЕ¹⁰⁹

Письмо 1 в сельцо Успенское

После многих беспокойств и трудов нынешнего лета я касаюсь конца моих занятий и изведав ваш край, о котором вскоре лишь одно останется воспоминанье!

В это время я нахожусь невдали от вас, но нас разделяет глубокое и сердитое озеро, волны которого кипят, подобно свирепым страстям раздраженного человека. Вокруг теперь меня пустыня и лес, и я с цепенеющим сердцем внимаю вою бури! И здесь есть также добрые люди, но язык и нравы их грубы, и мне некому передать ни чувств моих, ни впечатлений, и я остаюсь один! один!

¹⁰⁸ Современное название — Верхневолжская возвышенность, общее название южного, восточного и юго-восточного склонов Валдайской возвышенности и Ржевско-Старицкого поднятия. Общим для разнородных форм поверхности Верхневолжской возвышенности является возвышенный рельеф (свыше 200 м) и положение вблизи берегов Волги. Верхневолжская возвышенность имеет в основном холмистый рельеф, между Ржевом и Старицей — моренная равнина. Волга разделяет Верхневолжскую возвышенность на правобережную и левобережную части, пересекает холмы Осташковской и Вышневолоцкой гряд.

¹⁰⁹ Д. Бдынь Пеновского р-на, оз. Охват-Жаданье бассейна Западной Двины.

28 АВГУСТА, ДЕРЕВНЯ АБДЫНЬ

Письмо 2 в село Успенское. — Ночь на берегу озера Жаданье

Вчера я провел самую роскошную ночь на берегу озера, небо было ясно, ни малейшего ветра, и на покойных и чистых, как зеркало, водах отражались длинные тени деревьев, высившихся на утесистых берегах; всё, казалось, вокруг меня погружено было в глубокий сон, лишь я один предавался мечтам. Вскоре зажглись светила ночи, и полная ясная луна серебристыми своими лучами томно осветила покоящуюся природу. Теперь я стою над пучиною вод, миллионы миров, горящих над моею головой, отражаются у моих ног; эта мертвая тишина ночи была прерываема лишь изредка лаем собак, которым в отдалении вторило протяженное лесное эхо; всё вокруг меня таинственность и мрак! но хотя все здесь и безмолвствует, и ничто на это время, кажись, не сочувствует мне, но эти миллионы горящих миров, как равно и бездна, меня окружающая, наполнены, быть может, тьмой существ; и эти воды, поля и леса вмещают также в себе бесчисленное множество животных, и я звено природы и венец создания; хоть бранный телом, но бессмертен душою, мыслью возношусь к Творцу вселенной, теряюсь в Его беспредельности и уничтожаюсь!

Долго я мечтал и, невзирая на великолепие окружающей меня природы, грустил, о чем? в том не могу дать себе отчета. Наконец усталость овладела мною, и я должен был расстаться и с этою роскошною ночью моей жизни, прощаюсь с этими полными дикой поэзии местами, и завтра отправляюсь в город Осташков, на богомолье в пустынь.

ОБИТЕЛЬ НИЛА ПРЕПОДОБНОГО

Забыв на время мирские суеты, бедствия и заботы этой кратковременной жизни, отбросив виды честолюбия и корысти, я сажусь в числе других богомольцев в лодку; вверяясь волнам, пушаюсь в бушующее озеро на поклонение в пустынь Никола Преподобного. Ветер казался нам попутный, было только пять часов пополудни, сказанный монастырь лежит в прямом от города направлении почти в семи верстах, а потому мы в надежде пристать к этой обители пред начатием всенощной. Мои теперешние спутники — одна пожилых лет со слугою дама из города Ржева, крестьянка с грудным младенцем, двое гребцов да девушка, управляющая парусным челном. Небо на это время было несколько мрачно, и на севере виднелась темная туча, но опасность, казалось, не угрожала нам.

Быстро мчалась наша ладья от берега, вот мы уже миновали лежащий на пути к обители остров, именуемый Кличин, и находимся почти на половине расстояния меж городом и предметом нашего плаванья, как мгновенно ветер поднялся с тучи, в минуту покрывшей горизонт;

темнота и мрак окружают нас, сильно закипело озеро, разъяренные волны, возвышаясь подобно горам, гоня одна другую, ударяют в бок нашего зыблущегося челна, готового погрузиться совершенно в воду, уже плещущую в него через край. Ужас и отчаяние овладели пассажирами, казалось, озеро нам разверзает врата вечности! Но девица кормчий, по-видимому свыкшаяся с бурями, не теряет присутствия духа, она велит своей подруге поправить парус, сама же старается поставить челн вразрез валов; но, невзирая на все ее и гребцов усилия, наша ладья, кружимая волнами, подвигается вперед весьма медленно; во всё это время я читаю молитвенник, и религия совершенно закрыла предо мной опасность. С большим трудом мы избегнули угрожавшей нам гибели, счастливо прибывшись к другому острову, именуемому Городня.¹¹⁰ Тогда были в нерешимости: оставаться ли здесь или продолжать дальше наш путь? Но, к счастью, ветер стал несколько стихать, и благовест ко всеобщей, донесшаяся до нас волнами Селигера, раздавшаяся на это время в обители, понудила ускорить наше плавание; на этот раз мы держались сначала берегов острова, а впоследствии уже пустились вновь в открытое озеро; но, будучи несколько защищены со стороны ветра лесом, не подвергались прежней опасности, к тому ж и волны Селигера несколько поуспокоились. Впрочем, девица кормчий уверяла нас в том, что не было ни одного случая, сколь это ей памятно, дабы кто погиб из богомольцев во время плавания в пустынь Нила Преподобного. Продрогшие и промоченные дождем, наконец мы въехали в монастырскую пристань и спешили испросить для себя кельи; расположившись же здесь, я поспешил ко всеобщей, которая еще была при начале. — Богомольцев на это время было не много, приятные и звучные голоса отшельников, вторившиеся эхом сводов столь огромного собора, потрясая душу, вливали в нее сладкое религиозное утешение; при конце этой всеобщей один из иноков читал поучительное слово. На другой день в пять часов пополудни в одном из приделов собора была ранняя обедня, а затем поздняя в главном алтаре; эта торжественная литургия в столь великолепном и полном блеска храме осталась навсегда напечатленной в моем сердце.

Обитель Нила Преподобного в нынешнем ее виде, заложенная и оконченная в недавнее время, принадлежит к правильной и приятной архитектуре нового стиля.¹¹¹ Она расположена на небольшом острове

---

¹¹⁰ Имеются в виду острова Кличен (принадлежит Осташкову) и Городомля (принадлежит Ниловой пустыни).

¹¹¹ В Ниловой пустыни были Богоявленский собор (1821–1833, проект И. Шарлеманя, архитектор А. Боттани), церкви Всех святых (1723), св. ап. Петра и Павла при настоятельских кельях (1764, архиерейские кельи и казен-

озера Селигера, именуемом Столобное, имеющем всей площади около пятнадцати десятин земли. Со стороны городской пристани на фасадной этого монастыря стороне на углах расположены пилястры, коронуемые выпуклыми главами и острыми шпильями, дающими вид всему сказанному зданию оригинальный и весьма привлекательный. Фронтон этого собора поддерживаем 8 колоннами дорического ордена; внутренность же здешней церкви, внушающая невольно благоговение, огромна и величественна; она разделена арками на три придела, из которых главный алтарь имеет весьма великолепно украшенный иконостас; в нем четыре архангела в человеческий рост, блестящие золотом, расположены по обеим сторонам царских врат, из них двое поддерживают изображение Пречистой Девы с Предвечным Младенцем, а двое образ Св. Крещения; четыре колонны римского ордена весьма правильной и изящной отделки симметрически размещены меж св. икон очень искусной живописи; здешние сияющие серебром царские врата приятно отражаются в блестящем золотом иконостасе. С правой стороны возносится величественная рака Нила Преподобного, там теплятся неугасимо лампы и воссылаются к Всевышнему мольбы стекающимися сюда со всех сторон богомольцами. Другие два придела, расположенные по бокам главного алтаря, также великолепно украшены.

Монашествующей братии здесь не очень много, этой обителью управляет архимандрит, прибывшия которого еще ожидали из г. Твери, место же его занимал на это время инок этого же собора, казначей. Я был также и в огромной здешней трапезной, добрые отшельники угощают у себя всех; из низшего звания богомольцы помещаются за общим столом, им подают из монастырской кухни пищу простую, но приятную и здоровую; благородным же пробывающим в этой пустыни лицам доставляется кушанье без всякого со стороны их возмездия в занимаемые ими кельи. Я ужинал и обедал здесь с таким аппетитом, которого не имел за столом самого богатого из моих знакомых.

Кроме описанного собора здесь находятся еще церкви Св. Покрова не очень богатая, но в которой на левой стороне в нише изваяние — образ молящегося Нила Преподобного; в конце же тамошней рощи церковь Св. Воздвижения, небольшая, но с богатым иконостасом;

ная палата перестроены в 1830-х гг., архитектор И. Ф. Львов), а не надвратная, как сказано ниже; надвратная же церковь прп. Нила Столобенского была построена в 1855 г. За пределами монастырской ограды на острове находились двухъярусная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1781, нижний престол, верхний Иоанна Предтечи) и церковь Воздвижения Животворящего Креста Господня (?), на полуострове Светлице церковь св. Архистратига Михаила (1828).

свв. Петра и Павла в башне над здешними воротами и церковь Всех святых в монастырской же ограде.

Здесь же при этой обители имеются и разные домашние иноков заведения, равно небольшая роща и сад; а невдали на полуострове, именуемом Святица, расположена монастырская слобода,¹¹² где находится и кладбище для странников; там сооружена также и церковь во имя св. Архангела Михаила.

В два часа пополудни многие из богомольцев спешили обратно в город, а потому наша ладья была принаполнена народом; на это время небо было ясно и совершенное безветрие; я заметил нашей кормчей насчет большого числа пассажиров ее челна. Но она уверила меня, что опасности от того никакой не предвидится. В виду монастыря мы доплыли до прежде сказанного острова Городня, покрытого лесом, принадлежащим этой обители, там также находится и дом, оберегаемый стариком, отставным воином, у которого иногда во время рыболовства проживают иноки.

Находясь на середине этого озера, мы потеряли уже пустынь Нила Преподобного, скрывшуюся от нас за лесом, видна была только лишь Святица; на западе же вдали возвышалась церковь в погосте, именуемом Никола-Рог,¹¹³ а еще далее, меж бором, мелькала также церковь в селе Ботове;¹¹⁴ восточная сторона Селигера совершенно открыта и усеяна деревьями, приятно красующимися на берегу этого озера. Доплывши до острова, на котором находится прежде сказанный Житний монастырь, мы были уже в виду города, весьма живописно рисующегося на водах Селигера.

27 мая, день Обретения нетленных мощей Нила Преподобного, торжествуемый здесь с большей церемонией; можно себе представить, как величественна бывает эта процессия, тогда всё пространство Селигера вокруг Осташкова покрыто ладьями, барками и суднами, на которых помещаются тысячи богомольцев всех сословий и из самых

---

¹¹² Д. Светлица Сорожского сельского поселения.

¹¹³ Погост (Никола) Рожок, от Твери 189 в., от Осташкова 6 в. Успенская церковь с фрагментами живописи (1757) с приделами свт. Николая и прп. Нила Стоlobенского, надвратная колокольня (1770), ограда с башнями (конец XVIII — начало XIX в.).

¹¹⁴ Погост Ботово от Твери 188 в., от Осташкова 6 в. Успенская церковь (1789). В настоящее время центр одноименного сельского округа Осташковского р-на, в 6 км к западу от Осташкова, на берегу оз. Селигер. В середине XIX в. относилось к одноименному приходу и волости Осташковского у. В 1859 г. в Ботове 18 дворов, 166 жителей, промыслы: вязание сетей, рыболовство, отхожие — молотобойцы, дворники в Петербурге.

отдаленных мест, стекающихся сюда на этот праздник. Когда духовенство из всех церквей и монастырей этого города в полном облачении и с хоругвями после торжественной литургии, с гимнами и мольбами богомольцев, при колокольном звоне, открывает плавание, в подобном порядке все стремятся к обители Нила Преподобного, на это время всё пространство острова, на котором находится эта пустынь, бывает столь принаполнено народом, что почти нет возможности пробраться в самый монастырь.

Вот наша ладья касается городской пристани, прощаюсь с Селигером и, ступив на землю, вновь погружаюсь в волны мирской суеты.

16 СЕНТЯБРЯ ГОР. ОСТАШКОВ

Письмо 3 в село Успенское

Более трех недель я живу в этом городе и, хотя многих встречаю здесь людей из лучшего общества, но их, можно сказать, вижу как проезжих почтовым трактом, ибо это богомольцы, прибывающие только сюда на поклонение в обитель Нила Преподобного; но, однако ж, меж этими мелькающими на одно лишь мгновение предо мною лицами ни одного нет знакомого, от которых я как будто удален неизмеримым пространством. Спешу кончить это письмо; я хотел было выехать в Москву 15 сентября месяца, а отправляюсь только 20, и тогда, как вы читаете эти строки, я буду ежели не в столице, то верно к ней на пути.

ДОРОГА ИЗ ОСТАШКОВА ДО МОСКВЫ

Простясь с добрым и ученым г. Н. и с немногими другими в этом городе знакомыми мне лицами, я отправился после полудня в г. Москву. Дорога из Осташкова до города Ржева хотя большая купеческая, но она так в хорошем состоянии, столь гладка и ровна, проходя большею частью открытыми полями, что и для почтового тракта нельзя желать лучшей. — Того же вечера я проезжал чрез слободу Селижарову,¹¹⁵ находящуюся в 50 верстах от города Осташкова, довольно красиво на берегу реки Волги расположенную; здесь для уси-

¹¹⁵ Пос. Селижарово при впадении р. Селижаровки, вытекающей из Селигера, в Волгу, ныне центр Селижаровского р-на. Впервые упоминается в 1504 г. как слобода Троицкого монастыря, основанного в конце XIV в. при устье р. Селижаровки и бывшего крупным феодалом (существовал до 1764 г.). В середине XIX в. крупное торговое село с населением 962 жителей (1858). В 1862 г. преобразовано в посад. Во второй половине XIX в. центр транспортировки и перепродажи леса. Сохранились Воскресенская церковь (1763), частные каменные дома, торговые (гостиные) ряды.

ливания вод верховьями сказанной реки устроен шлюз. В Селижарове находятся также гостинные ряды и достаточно каменных домов.

Отсюда мой путь лежал почти постоянно над р. Волгой и, чем ближе к гор. <оду> Ржеву, тем делался приятнее, и тамошние окрестности становились занимательней, ибо здесь много усадеб и деревень, весьма красиво меж садов и рощ по обеим, довольно высоким берегам сказанной реки расположенных; впереди же меня лежала совершенно открытая равнина. На следующий день около пяти часов пополудни я прибыл в уездный город Тверск. <ой> губ. <ернии> Ржев и только лишь въехал на его площадь, как в минуту окружен был ямщиками; каждый из них предлагал мне своих лошадей, но, однако ж, за двойные прогоны, почему я и велел моему извозчику везть себя прямо на почтовую станцию.

Город Ржев, расположенный в правильном почти квадрате, бок которого около двух с половиной верст, он построен совершенно по плану и улицы его все прямые;¹¹⁶ церквей в нем двенадцать.¹¹⁷

Срединою сказанного города протекает р. Волга, крутые берега которой укреплены здесь диким камнем; на нее обращены фасады лучших зданий, делающих чрез то Ржевскую набережную весьма привлекательною; главная тамошняя площадь,¹¹⁸ лежащая с въезду из Осташкова, обрамлена каменными, в несколько этажей, очень прекрасной наружности домами; посреди же ее находится довольно огромный гостинный двор,¹¹⁹ равно и присутственные места, помещенные в одном, весьма привлекательного фасада, здании,¹²⁰ к которому

¹¹⁶ Генеральный план Ржева, в соответствии с которым город получил регулярную планировку, был утвержден в 1777 г.

¹¹⁷ В Ржеве были Успенский собор (1754), при нем две часовни: Иверской Божией Матери и св. мчц. Параскевы-Пятницы (построена на месте древней церкви); церкви Преображенская (1755), Покровская (деревянная 1716, каменная 1785), Всех святых кладбищенская (1785), Христорождественская (деревянная 1767, каменная 1847, холодная, до этого Благовещенская, теплая, 1824), принадлежащая ей часовня Крестовоздвиженская (1794, построена на месте сгоревшей в 1784 г. церкви), Рождества Богородицы (1753), Троицкая (1790, 1826), Оковецкая (деревянная 1758, каменная 1821), Никольская (1692), Владимирская при богадельне (1758, упразднена в 1834), Иоанна Предтечи (1818, колокольная 1841, сохранилась), свт. Петра митрополита (1715).

¹¹⁸ Большая торговая (ныне Советская) пл.

¹¹⁹ Гостинный двор располагался в центре Большой торговой пл. и занимал почти всю территорию прямоугольного сквера современной Советской пл.

¹²⁰ Здание городской управы с двумя башнями являлось одной из доминант Ржева; не сохранилось.

примыкает небольшой, но приятно расположенный и в чистоте сохраняемый бульвар, откуда взор плавает по всей прекрасной здешней набережной. Из учебных заведений в Ржеве находятся гимназия и несколько приходских училищ; жителей же в этом городе более пятнадцати тысяч.

К великому моему сожалению, я не могу прожить здесь долгое время; но могу сказать, что я мало видел, в особенности меж уездными городами, так приятно и правильно, как Ржев, расположенных; не только каменные, но и все почти деревянные его дома привлекательных фасадов. Улицы в нем мощеные, по сторонам которых устроены тротуары. — В этом городе проживает много дворянских фамилий;¹²¹ в особенности же купеческое сословие здесь многочисленно, и, как мне сказывали, то некоторые из ржевских негоциантов обращают весьма значительные капиталы. — В этом городе много также фабрик и заводов;¹²² в особенности же он славится своим по секретному способу приготовлением красок: кармину и бакану.¹²³

Цена во Ржеве на все продукты и съестные припасы умеренная, и здесь жить, по-видимому, дешевле, нежели невдали от него лежащем городе Осташкове.

В десять часов пополудни я выехал из города Ржева и почти в полночь прибыл на станцию в Зубцов;¹²⁴ это небольшой город, ле-

¹²¹ См.: Список живущих в Ржевской округе благородных дворян. 1800 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 105; Список дворян, живущих в Ржевском уезде и владеющих недвижимым имением. 1809 // ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 5166. Л. 44–64 об.

¹²² По данным 1844 г., самые крупные из них: кожевенный завод Берсенева (20 рабочих, продукции на 20 100 руб. сер.), свечной завод Беляева (8 рабочих, 4 000 руб. сер.), ручная мельница Брагина (5 рабочих, 1 500 руб. сер.), солодовня Чуракова (2 рабочих, 1 500 руб. сер.), пряничное заведение Сазанова (4 рабочих, 1 000 руб. сер.), пенькопрядильни Глушкова (150 рабочих, 30 000 руб. сер.) и Торопченова (200 рабочих, 40 000 руб. сер.), рогожная фабрика А. Пояркова (32 рабочих, 2 140 руб. сер.), кирпичный завод Малыгиной (8 рабочих, 1 500 руб. сер.) (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году).

¹²³ Химический завод Волосковых; в 1844 г. выпущено продукции на 7 200 руб. сер., см. текст Глинки.

¹²⁴ Город Зубцов известен с 1216 г., в 1238 г. разрушен монголо-татарами, в 1245 г. захвачен и razoren литовцами, с 1247 г. Зубцов входил в Тверское княжество как порубежная крепость. В XIV–XV вв. имел оборонительные сооружения: вал длиной 830 м с деревянными стенами и башнями и ров. В 1375 г. Зубцов взят войсками московского великого князя Дмитрия Ивановича, с 1426 г. центр удельного княжества, в 1485 г. присоединен к Москве. В 1605–1612 гг.

жащий на р. Волге при впадении в нее Вазузы. — Здесь также имеется и пристань, церквей в нем шесть;¹²⁵ а жителей около 3 тысяч.

Предание повествует, что Зубцов был некогда довольно значительным городом, но разоренный во время войн с Ливонским ордемом, а впоследствии еще выгоревший, отчего пришел в совершенный упадок; и хотя он лежит на выгодном для торговли месте, но, будучи в соседстве со Ржевом, где находится богатое купечество, которого нет в этом городе; а потому Зубцов остается незначительным и в коммерческом отношении.

На одну лишь станцию на восток от Зубцова остался у меня хотя уездный, но достаточно обширный город Старица, лежащий также на берегу р. Волги.

Зубцов был несколько раз захвачен и опустошен польско-литовскими интервентами. С созданием Вышневолоцкой водной системы Зубцов — важный перевалочный пункт на водном пути в Петербург. В 1708—1719 гг. входил в Смоленскую, в 1727—1775 гг. в Новгородскую губ., с 1775 г. уездный город Тверского наместничества (с 1796 — Тверской губ.). В 1777 г. в Зубцове открыта первая школа, в конце XVIII в. город получил регулярную планировку (городская и заречная части).

¹²⁵ В Зубцове были Успенский собор (1801), церкви Казанская кладбищенская (1788), Преображенская (1794), Троицкая (метрические записи с 1800), Вознесенская кладбищенская.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НЕБОЛЬСИН

[1849, 1851]

Небольсин Павел Иванович (1817–1893), этнограф, писатель, из нижегородских дворян. Несколько лет прожил в Восточной Сибири, собрал там значительный этнографический материал и напечатал в «Отечественных записках» (1847) ряд статей о золотых приисках. В 1849 г. совершил путешествие на Алтай, которое описал в «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул» (Отечественные записки. 1849. Т. 64–67), где большое внимание уделено Торжку. В 1851 г. предпринял путешествие в Киргизию и еще раз пересек Тверскую губернию. Впечатления от Вышнего Волочка и Твери отражены в путевом очерке «Отъезд» из цикла «Рассказы проезжего» (1854), посвященного в основном описанию быта калмыков, киргизов, башкир и уральских казаков. Другие сочинения: «Коммерческая статистика» (1846), «Около мужичков» (1861), «Очерк частного быта евреев» (Записки по отд. этнографии. 1873. Т. III). Небольсин был одним из основателей Русского географического общества и редактировал т. XII его «Записок» (1857). Тверские главы первого путешествия (1849) печатаются по изд.: Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб.: Тип. Глазунова, 1850. С. 6–17. Путевой очерк «Отъезд» печатается по изд.: Небольсин П. И. Рассказы проезжего. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854. С. 6–14.

1849

ВЫЕЗД ИЗ ПЕТЕРБУРГА. — ОСТАНОВКА В ТОРЖКЕ

<...> Дорога прямою линиею проведена Петром Великим не от самого Петербурга, но от берега моря близ Стрельны, где предполагалось учредить гавань. Она пересекала реки Славянку, Ижору, Тосну, Тигоду и Волхов при селе Никольском, и тут предполагалось учредить новую пристань. За Волховом она должна была проходить селения Городечно, Концы, Лутно, Хобецкое и пересечь реку Мсту при селении Дубно. Миновав Великую Ниву, «просека» шла почти параллельно нынешнему пути, оставляя вправо Валдай, Едрово и Хотилово, влево

Вышний Волочек и опять вправо Торжок, пересекала Тверцу и Волгу недалеко от Твери, оставляя ее влево на самом близком расстоянии; потом, вправо от Городни и Завидова, шла на село Ивановское и, проходя между Дмитровом и Клином, оканчивалась у Москвы.

Почти этому же направлению следует и наша Петербурго-Московская железная дорога.

Прелестный, хорошенький, немножко уж слишком однообразный городок Вышний Волочек с его каналами, шлюзами, барками, с кудрявыми деревьями аллея и с веселыми на вид фасадами, с его хлебной торговлей и судорабочими, промелькнул мимо наших глаз, как сновидение.

Дух противоречия, которым в совершенстве обладал мой достопочтенный собеседник, и всеокрушающие его убеждения, а также и собственное недовольство собой внушили мне мысль отплатить ему за споры и немножко пораззадорить. Именно в этих видах я обратился к нему с таким замечанием:

— Ну вот, где же ваши предположения? Вы еще вчера собирались посвятить несколько минут наблюдениям и осмотреть Новгород, а вот мы проехали еще три города, и вы все-таки ничего не видали, даже не прошлись пешком вперед по шоссе. И всё это оттого, что боитесь опоздать сесть в карету, зная, что экстра-почта¹ не будет вас дожидаться, хоть вы и не хотели сознаться мне в этом.

— Кто? я боюсь опоздать? Да помилуйте, я в любом месте отдам приказание кондуктору ждать меня три часа, он и будет ждать три часа!

— Самоуверенность — прекрасное дело с вашей стороны, но позвольте мне не верить в счастливый успех.

— Вы сомневаетесь?

— Не сомневаюсь, а убежден, что ни вы не рискнете заставлять кондуктора ждать себя три часа, ни он не осмелится это исполнить.

— Ну, поверьте же мне!

— Не могу, извините, тем более что скоро ночь и вы опять разоспитесь.

— Даю вам честное слово, что будет всё по-моему, благо я выспался вдоволь и вчера, и сегодня.

— Даю вам честное слово, что при малейшей мешкотности карета уедет, а вы останетесь!

— Я? Ха, ха, ха, ха! вот прекрасно! Я непременно пробуду три часа в первом городе. Хотите пари? Какой у нас будет теперь город?

---

¹ Экстра-почта — почта, посылаемая сверх обыкновенных сроков.

— Торжок с котлетами и сапогами.

— Торжок? прекрасно! Будь я не я, если по приезде в Торжок не остановлюсь у Пожарской... кажется так?.. не съем хорошую порцию котлет, не пройду или не проеду вдоль и поперек по городу, и на прощанье не отужинаю отличнейшим образом с шампанским и не проведу таким образом в Торжке трех приятных часов. Угодно пари?

— А карета уедет!

— Угодно пари?

— Какого рода?

— Сами предпишете условия. Я от своего честного слова не отступаю и отвечаю за все.

— Извольте. Итак, по приезде в Торжок вы заказываете превосходный ужин, я пью чай, и потом вы отправляетесь гулять на полтора часа, наконец возвращаетесь и ужинаете. Если кондуктор будет вас ждать, я плачу за ужин и за всё, что бы вы тут ни истратили и до какой бы суммы это ни простиралось; если же мы уедем и оставим вас — то...

— Как «оставим вас»? нет, уж не угодно ли вам вместе со мной прогуляться по городу, вместе со мной и отужинать; вы, пожалуй, вздумаете сбивать с толка кондуктора!

— Да я не хочу оставаться и терять место в карете!

— Во-первых, этого не будет, а во-вторых, если бы это и действительно могло произойти (но этого не может произойти — я вам ручаюсь честным словом), я обязываюсь доставить вас самым комфортабельным образом в Москву, как виноватый, на свой счет. Согласны?

Предложение было довольно щекотливое: я знал наперед, что почтовой кареты нам не видать как своих ушей, но мне ужасно хотелось осадить дерзкую самоуверенность моего гордеца; день-другой лишний — куда ни шло! всё что-нибудь новенькое узнаешь; полтора суток постоянной езды в душном экипаже мне порядочно надоели; расстояние между Торжком и Москвою незначительное, и меня заманивала поездка в этих местах в открытом экипаже.

— Ну, нечего делать! Извольте, я согласен!

— По рукам! кончено?

— Кончено.

В назидательной беседе о выборе блюд к ужину и прочих атрибутов стола мы провели большую часть дороги и в десять часов вечера въехали в Торжок.

Напившись наскоро чаю, мы взяли фуражки и отправились в путь.

— Послушай, любезный кондуктор, — сказал спорщик, встретившись с ним в другой комнате и отводя к окну: — вот тебе 5 руб. <лей> сер. <ебром>; ты, братец, поужинай хорошенько, а я через два часа буду — мне непременно здесь нужно пробыть два часа. На же, возьми.

— Карета через полчаса отправится.

— Знаю, знаю, любезный... На же, возьми это; через два часа ты получишь еще две такие же бумажки.

— Ровно через полчаса карета отправится, — отвечал кондуктор, не принимая подарка.

— Да я-то не буду здесь через полчаса.

— Не могу знать, сударь: экстра через полчаса уйдет.

— Сними колесо, как будто в починку, — вот и законная причина, а вот это, братец, спрячь себе — это красенькая депозитка.²

— Если через тридцать три минуты вы не пожелаете, а по третьему рожку после того не сядете в карету — экстра уйдет.

— А я??

— Останется.

— Он шутит!.. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь! — сказал мне мой товарищ сладеньким, но глухим голосом, прибавив к этому тоже чрезвычайно нежно: — он этого не сделает!

В эту минуту он окончательно мне опротивел; но отказаться от прогулки с ним было нельзя; храбрец струсил бы непременно, признал бы меня отступившим от слова, и ничего бы не вышло. Но так как подобные сближения нередки, а между тем судьба сводила уж меня с разными людьми, то отчего ж бы мне и не поужинать вместе с человеком, который так великолепно щетинится?

Нечего делать — пошли мы по городу; извозчиков нет, все разъезжались по домам; пришлось колесить пешком. Подошли мы к низенькому зданию гауптвахты; закутанный в плащ улан окликнул нас своим громким «кто идет?» За гауптвахтой мы вышли на бульвар³ и в сумраке ночи расслушали в стороне женские голоса с носовым произношением буквы *n*; внизу слышались легкие всплески волн на реке, протекавшей под нашими ногами.⁴ Город расположен преимущественно на противоположном берегу; мы сошли по крутому спуску к бревенчатому

² Депозитка — народно-обиходное название русских депозитных билетов 1839–1841 гг., выпускавшихся достоинством в 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей; в 1843 г. были обменены на бумажные кредитные деньги, на которые перешло это название. Красенькая депозитка — 10 рублей.

³ Бульвар (Красная Гора) — самая оживленная улица Торжка XVIII–XIX вв.

⁴ Р. Тверца.

мосту, о настилку которого разбивались водные побеги. Та же тишина царствовала и на площади.⁵ Света в окнах нигде не было: давно всё погрузилось в сон; лишь изредка кое-где наталкивались мы на нежные парочки, которые шепотом беседовали у ворот дома какой-нибудь красавицы; лай собак в стороне и стук караульщиков на базаре напоминали нам, что мы не вовремя вышли на прогулку. В одном только месте мы слышали громкую беседу. Говорил, казалось, на улице мужской голос, но слов его разобрать мы не могли. При нашем приближении из окна второго этажа раздался непонятый нами ответ:

— Я давно не «шелываню»!⁶

— О, женщины!! — воскликнул мужской голос.

— О, жен... (н на манер французского n) о, женщины!! — отвечал, передразнивая его, свеженький серебряный голосок... — Апчхи!!! апчхи!!!

— «Салфет вашей милости», Елена Дмитриевна! — приветствовал ее чихание мужской голос.

— «Красота вашей чести»!⁷ — нежно отвечал серебряный голосок девушки: — это с насморка, Алексей Петрович... Добро, прощайте, накалякались... до завтра, — продолжала красавица и захопнула окошко.

В это же мгновение раздалось далеко позади нас знакомые звуки почтового рожка, и первым движением моего спутника было пуститься благим матом вприпрыжку по направлению к реке.

— Что, бежать? не догоните; пойдем себе шагком.

— Кто? я бегу? не-уже-ли вы считаете меня таким трусом? не-уже-ли вы полагаете, что почтальон осмелится оставить меня в дураках?

Я был очень доволен этим возражением и не хотел его разуверять по-пустому. Тем же следом мы возвратились с грехом пополам и чуть не сбившись с дороги в гостиницу Пожарской.⁸

Ужин нас ждал, это правда, а кареты и след протыл.

⁵ Торговая пл. (ныне пл. 9 Января).

⁶ «Шелыванить — влгд. повесничать; твр. приволакиваться; перешептываться с девушкой на гулянье» (*Даль*. 4, 634). Ср. описание шалыванства в поэме А. М. Бакунина «Торжок». (*Бакунин*. С 103).

⁷ «Салфет вашей милости! — Красота вашей чести! — Премного вам благодарны! — Не стоит благодарности за такие малости» — формула приветия при чихании (*салфет* от лат. *salvete* — будьте здоровы) (*Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 2000. С. 471).

⁸ См. текст Жданова и Ишимовой.

Торжок

Приготовленный моим спутником ужин и полуночная встреча с разъезжавшимися откуда-то гостями, захавшими на перепутье к Пожарской, доставили мне случай свести кой-какие знакомства и при пособии их рассмотреть довольно поверхностно Торжок и его обитателей.

Вообще в Тверской губернии помещичьих крестьян вдвое более, чем государственных, включая сюда же и небольшой итог удельных. Однако ж больших селений немного; помещиков мало: большая часть живет по своим деревням; некоторые на зиму переселяются в Москву или Петербург. Чиновный класс здешнего городского общества состоит из дворян, служащих по выборам, из чиновников, занимающих разные должности в административных и судебных учреждениях, а цвет городского населения составляют уланские штаб- и обер-офицеры.

Купечество здешнее, чрезвычайно богатое, занимается преимущественно хлебною торговлею, и, разумеется, хозяева как скупщики из первых рук не могут не вести своих дел счастливо и удачно.

Я хотел сделать утром визит одному очень почтенному и почетному купцу. В уездных, а иногда и в губернских городах довольно назвать имя и отчество какого-нибудь лица, чтобы призванный извозчик подвез вас прямо к дому того, кого вы ищете. Так и здесь меня подвезли к высоким хоромам и высадили у титанических ворот, окрашенных черной краской. Я потянул за звонок — нет ответа; я потянул другой раз — тот же успех; я еще, еще — наконец, через десять минут вышла ко мне здоровенная бабища, в сарафане, переднике, в блестящей белизны рукавах рубахи, в черной косынке, плотно повязанной на голове, так что ни одного волоска не было видно. После бесчисленных вопросов «да вам зачем?»», «да вам на что?» она ввела меня в нижний этаж, оставила в передней, в которой я насчитал четыре огромных самовара, а сама пошла докладывать хозяину, что, дескать, «чужой пришел».

— Извините, государь мой милостивый, прошу садиться; позвольте мне на минутку докончить свое дело.

И с этими словами он вышел в другую комнату, из которой до меня дошли следующие речи, сказанные твердым и громким голосом.

— Ты!.. Ониська, живо самовар! А ты, хозяйка, завари скорее чаю, вишь гость пришел, да вечерошной булки отрежь... калачиков нет ли?.. А ты, сударь, я те проучу! Ведь уж ты у меня сидел три дня в закуте, этого мало? Леня должность свою исправлять? Ну, так я те прошколю, и узнаешь, как справки наводить да как счета писать. Я хочу, чтоб у меня подчиненные были в порядке; мошенников не потерплю; сам вам деньгами и всяким добром помогаю, а всё-то им

мало, дырявые вы мешки этикие! Молодость только жаль загубить: вам бы порку да порку — как рукой бы сняло... Смотри ж ты у меня, парень: вот те Бог, а вот те и мое слово. Мало то есть мальски замечу я за тобой неподобные шалости да запущение дел, да такое еще что-нибудь — ну так уж, брат, ты на меня не пеняй: уж тогда ты лучше сам выкопай себе яму, да и ложись в землю... Слышал? Помни это! Ступай же пока... мальчишка, щенок!

Я в это время успел осмотреть залу; она была обставлена старинною дедовскою мебелью; богатые зеркала висели в раззолоченных рамах, обвернутых кисеей; чьи-то портреты, так же изукрашенные, тоже были укутаны кисеей; огромные часы в ящичке старинного фасона отбивали погребальные четверти; в переднем углу стояла кивота с множеством образов в золотых окладах.

Вскоре дверь из соседней комнаты растворилась, и тучный хозяин, провожая племянника, сказал: до свиданья.

Здесь нет обычая представлять посетителей, как говорится «с ветра», хозяйкам дома; подобная честь делается только тому, кто прямо принадлежит к купеческому кругу: исключения составляют только те лица, перед которыми торгующее сословие принуждено заискивать благорасположения.

Новоторжские горожане живут весьма сосредоточенно и не развлекают себя постоянно большим обществом: и занятия и заботы только о себе не вселяют в них охоты собираться на обычные у нас беседы и вечера. Здесь каждый хозяин строит дом только про себя; нижний этаж занимает он с женой и с сыновьями; в верхнем отделяется часть для помещения дочерей. Но главное назначение верхнего этажа то, что здесь «парадные комнаты», великолепно, на старинный манер, убранные.

Весьма часто зажиточный новотор, у которого денег куры не клюют и огромные сундуки полны серебра и золота, у которого несколько лет гниют целые ящики белья, а в холодном месте сохраняется бездна платья из драгоценных мехов, ходит дома и в должность в засаленном длинном сюртуке, зимой надевает заячью или волчью шубу и только на время катанья да в Божий храм еще накидывает себе на плеча соболя или енота.

Здесьние горожане, как кажется, не считают нужным дельное, хорошее теоретическое образование для своих сыновей, «а храни Бог для дочери: знает грамоте — и довольно! А то куда, да и к чему знать по-французски, али что другое. Слава Богу: наши и отцы да и деды потому ж прожили себе, в добрый час будь сказано, счастливейшим то есть образом и без французского языка и без историй. Ну, другое дело, отчего дитяти не знать кадрили или там вальцов, что ли? Пускай ее тешится на здорovie!»

В первом часу дня в доме здешнего купца вся семья, с чады и домочадцы, т. е. сыновья и дочери, приказчики и женская домашняя прислуга, собираются в огромной кухне. На широком столе, обставленном лавками, расстилается скатеретка, расставляются глубокие тарелки с вилокю, ножом и деревянной ложкой на каждой; в очень редких домах кладут и серебряные ложки. Хлеб режется одновременно, сообразно требованиям каждого. По положению известного числа поклонов перед образами семья помещается около стола и разделяет трапезу. Понедельник, среда и пятница — дни постные; в обыкновенные дни обед начинают супом или щами, которые прямо из печки в том же горшке ставятся на стол и разливаются по тарелкам. Наварная говядина крошится разом на небольшие куски и передается от одного другому. После щей выступает на сцену каша, крутая, красная, с янтарным крупичатым русским маслом. Запив ее жбаном холодного кваса, честная компания встает, лобызает руку своего отца, расходится по местам и заваливается спать. Вино, жаркое или кофей — тут лишняя затея: *non multa, sed multum*⁹ — премудрое правило! В праздники прибавляются разные жаркие, кисели, оладьи, кулебяки. Но если дело пойдет на пир — у русского купца нет ничего заветного: он выпросит у предводителя поваров, выпишет драгоценных пряностей и плодов, добудет вин заморских дорогих и покажет себя в полном блеске. А дома, между собой — к чему разносолы: диви бы чужие люди пришли? Отчего тогда не показать себя!

Русская старинная одежда в древнем городе Новом Торжке, первоначально новгородской колонии,¹⁰ ныне мало-помалу выводится даже между дамами среднего класса, и нередко можно встретить богатую горожанку, как и везде, в немецком¹¹ платье, в чепчике и в шляпке с пером, со всеми атрибутами парижского модного когда-то костюма. Но при всем том национальная одежда еще преобладает, и та же самая горожанка выходит после обеда гулять, под стать с прочими горожанками, в матерчатом сарафане (с тальею и со шнипом¹²). Тонкие полотняные или кисейные, редко батистовые рукавички и ворот рубахи с дорогой запонкой, как снег, пушатся по роскошному телу русской девы; сверх сарафана накинута на плечи

⁹ Не много, но многое (*лат.*)

¹⁰ В средние века Торжок считался пригородом Новгорода.

¹¹ Немецкий здесь и далее — европейский.

¹² Шнип — здесь: глубокий вырез платья, декольте «клювом» по моде XVII—XVIII вв. (*Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб.: Азбука, 2010. Т. 10. С. 577*).

телогрея¹³ (получившая полное право гражданства во времена Феодора Алексеевича¹⁴ вместе с мужскими кафтанам). Она надевается обыкновенно на один левый рукав. Телогрее эти бывают штофные,¹⁵ обшитые глазетом¹⁶ и золотым кружевом; правый рукав гораздо длиннее левого и свободно висит вдоль стана горожанки. Красавица обыкновенно прихватывает рукой край правой полочки телогрее и слегка прикрывает им свой подбородок. В таком положении рукава телогрее приходят в симметрию, а частые сборки ее и блеск золотых обшивок весьма красиво оттеняют талию и весь стан щеголихи. Надобно прибавить к этому дорогие ожерелья на шее, дорогие перстни на руках, дорогие серьги в ушах, иногда белые лайковые перчатки, шитые золотом башмачки, яркого цвета косыночку, повязанную сверх головы и зашпиленную надо лбом узорочной брошкой, франтовской парасоль¹⁷ и малую толику белил и румян,¹⁸ независимо от сопровождающего красавицу благовония розовой воды, — и тогда нетрудно уже будет составить себе понятие о костюме новоторок.

Женский пол здесь очень красив, настоящих красавиц весьма довольно; но, к сожалению, черные зубы,¹⁹ дебелые руки, несчастная буква *ятъ*,²⁰ преднамеренное картавленье сбавляют пятьдесят процентов с общего итога всех достоинств здешнего прекрасного пола, но разница между девушкой и замужней женщиной состоит, кажется, исключительно в манере повязывать косынки на голову. Манеру эту передать трудно: можно заметить только одно, что женщине не позво-

¹³ Телогрея — старинная русская женская распашная верхняя одежда, длинная, обычно с откидными рукавами.

¹⁴ Федор III Алексеевич (1661–1682), русский царь (1676), сын царя Алексея Михайловича, старший брат царя Ивана V и единокровный брат Петра I (по отцу).

¹⁵ Штоф — плотная шелковая или шерстяная ткань, которую использовали, как правило, для обивки мебели, интерьера.

¹⁶ Глазет — парча с шелковой основой и гладкой серебряной или золотой ниткой (*Даль*. 3, 353).

¹⁷ Парасоль — зонт от солнца.

¹⁸ См. в поэме А. М. Бакунина «Торжок»: «Скоро слетаются / Девиды красные, / Вкруг увиваются / Соколы ясные. / Дружно толкуют, / Мило воркуют, / А иногда — / Что за беда — / Исподтишка / И поцелуют, / Когда, припав / К ногам, упорный, / Страстно токует / Тетерев черный. / Таков устав / Уж шальванства, / Что никакого / Не терпит чванства» (*Бакунин*. С. 103).

¹⁹ Чернение зубов в конце XVIII — начале XIX в. распространилось в купеческой среде как украшение. Ср.: *Львов Н. А. Парисов суд. // Львов*. С. 296.

²⁰ Ср. об особенностях новоторжского говора у Глушкова и Ишимовой.

лительно выказывать из-под платка ни одного волоса: по-здешнему, это верх неприличия. Девушки, напротив, пользуются в этом отношении полною свободою; кроме того, завет отцов обязывает их, идя в церковь Божию, расплетать косу и распускать ее без всяких украшений по плечам. Должно, однако ж, сознаться, что из нескольких сот хорошеньких головок можно насчитать только весьма ограниченное число таких кос, которые одни в состоянии затуманить какое угодно холодное воображение. И надобно сказать вдобавок, что эти немногие косы принадлежали истинным красавицам, которые никак не могли скрыть от посторонних опытных взоров наклонности сурьмиться, белиться и румяниться.

Обычай требует здесь, чтоб каждая мешаночка (за купчих поручиться нельзя) или ямщикка, находясь еще под кровом родительским, имела у себя непременно *cavalier servante*,²¹ пожалуй — дружка; мешанки называют его «компаньоном» при первом сближении и «предметом» при более дружеском знакомстве; ямщики просто — «полюбовником». Число дружков у девушки не ограничено; ей предоставляется полная свобода гулять с ними, ходить на беседу, поверять им свои секреты, а между прочим наблюдать за ними и из них выбирать себе жениха. «Компаньон» награждает иногда «сахарным словечком» или поцелуем и вообще имеет право на маленькие вольности. Дурных отношений между «юношей» и «девой» не бывает, и никто их не подозревает. И эта вера родителей в хорошую нравственность детей и предоставление им известной свободы в поступках имеют самые благодетельные последствия. Девушка ловка, весела, разговорчива, наблюдательна, тверда в правилах; жена — истинная подруга и не сожительница, а полная хозяйка дома.

Новоторочка без «полюбовничка» не может быть, иначе это недосказанная мысль, каша без масла, книга с белыми страницами: на каждом шагу ее ожидают насмешки родных и знакомых. По понятиям людей одного с нею кружка надо предполагать, что подобная девушка или так дурна собой, или так глупа, или, наконец, так подозрительна в поведении, что ни один новотор не захочет искать ее «благосклонности» и внимания.

Девушка, как бы бедна или богата она ни была, всячески старается здесь заработать себе своими руками трудовую копейку. Главное занятие горожанок — шитье золотом, серебром и шелками по сафьяну и по бархату. Нерукодельницы с наступлением лета собираются в артели, выбирают из среды себя, по общему приговору, зачинщицу и идут в поход — кирпичи работать. Это именно занятие — искусство

²¹ Букв. «служащий рыцарь» (итал.).

шить золотом и делать кирпичи, с одной стороны, а с другой — торговать спальной обувью,²² известною под названием «торжковских сапожков», и укоренившееся с древних лет кожевенное и солодовенное производство дают городу отличительный промышленный характер. С исходом лета торжковский бульвар оживляется исчезающими на время щеголихами, и всё принимает праздничный вид.

Новоторжская мещанка откажет себе в хорошей еде и питье, сама станет ходить босиком на реку за водой и полоскать белье в проруби, станет облекаться в дерюгу и вретиче — но никогда не откажет себе в наслаждении щегольнуть перед товарками. К дерюге и вретичу она пришьет кисейные, снежной белизны рукава, на утомленную ножку вздернет беленький чулок, на последние деньги сошьет себе шубенку яркого штофа, наденет бабкин сарафан — который время сохранило в блестящей целости, умоется, наведет где следует краски, выйдет на улицу людей посмотреть и себя показать — и лицом в грязь не ударит.

Я любопытствовал прогуляться по бульвару и уселся в углу широкой садовой скамейки. Толпы гуляющих, преимущественно мещан и ямщиков, разодетых по-праздничному, перемешивались с группами людей высшего призвания, с людьми чиновными, уланами и супругами купцов. Шумная болтовня раздавалась из конца в конец; никто не считал себя связанным. Но высшее приличие царствовало всюду: все друг другу говорят «вы», о себе выражаются «мы», поминутно «присыкивают» и почти каждую фразу, с маленьким возражением, начинают словами «ах, помилуйте-с!» Скоро около меня завязался разговор, который я и передаю слово в слово: в безошибочности его я ручаюсь тем вернее, что слышал его после раз двадцать, без малейшего почти изменения.

— Гляди-тко, Леска (Леска — уменьшительное Александра, то же, что Саша), гляди: Елена Грачиха с Сашуркой идет! — сказал стоявший возле меня высокий парень сидевшему на скамье мещанину, указав на две приближавшиеся к нам торжественно, павами выступавшие особы, в богатых сарафанах и телогреях.

Елена с Сашуркой сели, ни слова не говоря, на той же скамейке. Первая была дебелая дева обширного объема, с выпуклостями до чрезвычайности развитыми, так что объем ее шеи равнялся толщине обыкновенной у нас девичьей талии. С вида ей было лет под тридцать, но правильные черты лица, нежный оттенок кожи, тоненькие русые брови и гордо надутая пунцовая нижняя губка давали ей полное право на звание очень недурненькой женщины. Та, которую называли

²² Спальная обувь (*устар.*) — домашние туфли.

Сашуркой, была остроглазая брюнетка, с несколько загорелым цветом лица и с пламенным румянцем на щеках. Невысокий рост, стройный стан, маленькая ножка, горячие взгляды, фиолетовый сарафан с золотым галуном, серизовая²³ косыночка на голове, 17 лет, правильное произношение заставляли многих молодых парней на нее заглядываться. К ним, расшаркавшись, подошел красивый, высокий ростом молодец, в высоких по колена сапогах с кисточками, в оранжевом шелковом жилете, украшенном бисерною цепочкою, в длиннополом, лоснящемся от новизны, сюртуке нараспашку; длинные русые волосы были тщательно завиты и зачесаны назад, по моде. Он снял шляпу перед Сашуркой и повел с нею такие речи:

— Здравствуйте, Александра Егоровна. Как ваше здоровье-с?

— Слава Богу — лучше всего! Как ваше? — отвечала брюнетка.

— Благодарим-с на эвтом. Здоровы ли ваши компальёны? — Брюнетка ласково и пристально взглянула на него, покосила немножко головку и, сделав рукой понятный жест, отвечала:

— В виду — слава Богу, а в сердцах — Бог вас знает.

— А вы нас считаете за компальёнов?

— Помилуйте-с, как же-с! Кто к нам посещает в компанию, того мы всех вопче почитаем за компальёнов.

— Благодарим-с, а как поживают ваши «предметы»?

— У нас еще их не имеется.

— Почему же так?

— Мы-с молоды для эвтакова дела.

— Помилуйте-с: вы этакие девушки превосходные-с и уж вступили на возраст, да чтоб у вас не имелось предметов? А нам известно, что вы уже двух в отставку отдали. Возьмите-с новых, подстойней.

— Нам в них счастье не служить! — со вздохом сказала брюнеточка, чрезвычайно жалобно ослабив умное личико и подняв карие глаза на красивого парня.

— Ах, полноте-с, Александра Егоровна: вы не скрываете-с свое счастье!

— Это мы верно вам говорим.

— Так знаете ли что-с?

— Что-с?

— Уж ведь и я ли к вам не лащусь: и сплю и вижу только вас.

— Так что же-с?

— Вы нас полюбите!

— Со всяким нашим удовольствием.

²³ Серизовый — вишневый, фиолетово-красный цвет.

— Не будете мучкарить?²⁴

— Помилуйте-с, за что ж-с!!

— Заверьте нас?

— Ну, чем мне вас заверить? Взором али приятным разговором?

— Нет; еще чем-нибудь.

— Я уж и не знаю чем: скажите вы.

— А поцалуйте!!

— Помилуйте-с: мы эвдаким глупостям не занимаемся, да еще при народе.

— Что ж это мы стоим: позвольте нам присесть с вам рядом.

— Нам очень приятно — смахните вашим платочком.

— Позвольте мне по крайности обнять вашу станицу, — спросил горожанин, усевшись.

— Ах, полноте-с, к чему теперь! Апосля!

— Когда же можно будет прислать нашу любовь поцалуи-чиком?

— Да хошь сегодня; приходите сидеть к нам, к воротечкам.

Таким образом, как мне сказывали, делаются сближения, и молодой человек, получив, после долгих вздохов и искательств, формальное согласие всюду сопровождать красную девицу, ласково принимается в доме родителей. Но если он не люб девице, то его тонким и деликатным образом выпроваживают. На предложение холостого юноши себя в «предметы», даже на простое желание поступить в «компальёны» разборчивая новоторка обыкновенно отвечает:

— Нет-с, зачем же-с: нам в вас счастье не послужит.

— А уж мы бы то вас как холили да лелеяли! — возражает волокита.

— Помилуйте-с: к чему вам беспокоиться; да нам и время не позволяет с вами знаться.

— Позвольте хоть местечко! — упрасивает безотвязный, заметив свободное место на скамейке подле той, которая так приглянулась ему.

— У нас места нет для прочих: у нас только про себя... Девушки, пораздвиньтесь! — говорит жестокосердая своим подругам, уговаривая их занять платьями всю скамейку.

— Мне бы хотелось хошь узнать ваш домашний быт и разные ваши сердечные положения.

— Всё будете знать — скоро состаритесь.

— Однако у вас есть же сердечные подробности?

— У нас их и в заводе не имеется.

²⁴ Мучкарить — мучить.

- Позвольте вас попотчевать карамельками.
- Мы эвтова не потреблям.
- Что ж мне с вами делать?
- Лучше всего — ступайте своей дорогой, а нас в покое оставьте.

Тон поговорок ямщичек на целую октаву ниже мещанского тона. Поговорки эти передаются из рода в род, от матери к дочери, от тетки к племяннице, для памяти записываются на тетрадку и заучиваются наизусть. Во многих семьях хранятся красиво переплетенные рукописи как сборник всех постановлений о политичном обхождении, но чтоб добраться до сокровищницы этих десяти тысяч церемоний, надобно быть очень счастливым и родиться в сорочке. Поговорки ямщичек об этом же предмете состоят из следующих фраз; парень, вслед за расспросом о здоровье, спрашивает обыкновенно:

- Каковы ваши дела, Кулина Митревна?
- Домашние все кончены, а на сердце неизвестно-с, — отвечает красавица с яма.
- А что подельвают ваши полюбовнички?
- Помилуйте: черт им деется, когда их не имеется!
- Так прошу же вас: возьмейте желание возлюбить нас.
- Ах, помилуйте-с: полноте говорить такие гнусные нелепости!
- Прикажете пощелкать для вас орешков?
- У нас у самих зубы есть.
- Так что ж прикажете мне делать?
- А поворачивайте оглобли, да подъезжайте к другим.

В этот же день я был нечаянным свидетелем частички двух брачных церемоний. Около вечерен встретил я в Ямской слободе²⁵ шествие, которое открывал священник в ризе, с крестом в руках. За ним шли рука в руку молодой и молодая, только что обвенчанные. На обоих надеты были свадебные венцы, а у невесты, кроме того, из-под венца выпущен был спереди большой кусок темной материи, и лица ее не удалось мне видеть. Толпа приглашенных друзей сопровождала юную чету домой, вдоль по всей улице.

В это же время кишмя кишел народ за рекой у собора.²⁶ Храм Божий освещен был великолепно; свечи горели во всех паникадилах;

---

²⁵ Ямская слобода возникла в XVI в. для обслуживания тракта Москва — Новгород, позднее до Петербурга. На ее месте сформировалась Большая Ямская улица (ныне ул. Дзержинского), которая начиналась и кончалась Московской и Петербургской заставами. Слободской характер района сохранялся до конца XIX в.; здесь размещались кузницы, трактиры, постоялые дворы, лавки, гостиницы, почтовая станция.

²⁶ Спасо-Преображенский собор.

золотое шитье и драгоценные камни отражали тысячи лучей на уборах дам — и ни одного немецкого костюма! Причиной скопления публики была купеческая свадьба в довольно зажиточном семействе.

Жених был одет просто — в сюртуке до пят. Кроме огромных брильянтов на манишке и толстого золотого каната у часов, на нем ничего не было ни излишнего, ни блестящего: даже сапоги были тусклы и выражение лица сумрачно.

Но невеста была настоящий херувимчик в сарафане. Сарафан этот из белого газета был обшит золотым кружевом превосходной отделки. Роскошная грудь красавицы украшена гигантским алмазом; на шее ожерелье в несколько рядов из самых крупных бурмитских зерен.²⁷ Башмаки невесты белые атласные, вышитые золотом: мне показалось даже, что в серединках узорных цветов и около носка было вделано несколько мелких брильянтов. Волосы новобрачной были тщательно подобраны под легонькую шапочку, осыпанную около лба в несколько рядов драгоценными камнями; а сверх шапочки был надет венец. Его белая газетная материя едва-едва пробивалась сквозь тучу жемчуга, которым весь убор был осыпан. Конец у венца был украшен трехконечным бантом из золотокованой ленты, которая двумя широкими лопастями спускалась по спине далеко вниз.

Сарафаны у прочих лиц женского пола были разнообразные, бархатные, самых ярких цветов: серизовые, малиновые, голубые; телогреи, поражавшие взоры постороннего своею изысканностью, были газетовые, парчовые, из золотого штофа, с миллионами сборок около поясочка. Воротники этих телогрей, довольно непослушные, никак не укладывались ровно по плечам, а всё топырились кверху, как бы гордясь бесчисленными золотыми узорами и позументами, которыми обшила их искусная рука портнихи. Чтоб составить себе идею о роскоши всех этих нарядов, довольно заметить, что работа косыночки, которою была обвязана голова одной присутствовавшей тут пожилой купчихи, стоила 250 рублей серебром, не включая в итог этой суммы цены огромного изумрудного фермуара,²⁸ который, Бог знает для чего, был сюда нашпилен.

Нельзя, однако ж, скрыть, что и в этом обществе приходится иногда слышать фразы, составленные по неизвестной еще грамматике и с кудреватými украшениями, которые вовсе не могут льстить ничьему вкусу.

---

²⁷ Бурмитские зерна — поддельные жемчужины из стекла, покрытого жемчужной эссенцией; в переносном смысле — очень крупные жемчужины (Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 2. С. 359).

²⁸ Фермуар — нарядная застежка на ожерелье (Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 10. С. 69).

Выражения вроде «резонт чрез политику в средстве воспринять» сыпались из уст молодых людей, не приказчиков и не сидельцев.

Это пристрастие к вычурности языка, издавна укорененное в наших предках, до сих пор имеет влияние на людей, желающих щегольнуть своим слогом: однажды мне попалась бумага, написанная, как мне говорили, очень серьезным человеком именно с тою целью, чтоб как можно проще и чувствительнее описать один великодушный поступок. Вот как эта простота выражалась:

«Кучер полковника N*** Антип Кулешов нес корзинку с бельем для мытья женщине, прачке Фекле Федоровой. Прибыв с корзинкою черного белья — и усмотрел в самой реке плывущего мальчика, погруженного в воду, отблеском в пестрой рубашке — потопавше. Заметя, что мальчик, борющийся в приключении, с реки показал руку на поверхности воды, Антип, тронутый человеколюбием, не впредь полагая медлить в таковой оказии, как был в одежде — сам бросился с плота с портмойного в реку. Доплыв и выхватя упомянутого мальчика, борясь с силою мощей — спастись обеих, потопавшего и спасающего, почти уже погибшего, — выплыв к плоту, вынесши с собою Антип мальчика Георгия денщикова сына, находящегося по команде у какого-то ротмистра. На приключение таковое сбежались многие, куда тогда же также прибыл и отец дитяти шестилетнего; приняв оного мертвым и советы кричавших «качать!» то и как не было ничего способствующего, качали оного сначала прачка с кучером, потом отец сам, до той поры как вода гортанью полилась. А по некотором времени мальчик издал голос вопля. Ныне в совершенстве здравия».

Впрочем, надобно сказать вообще, что эти особенности речи в городе Торжке составляют исключительную принадлежность разговора молодежи и только между собой; в обыкновенных случаях, где дело не касается комплиментов или желания хвастнуть красноречием, равно как и в разговоре с посторонними, речь, как и везде, будничная, простая и толковая.

Что касается до обитателей высшего разряда, то нечего говорить, что жизнь их ничем не отличается от обыкновенной жизни во всех губернских городах, особенно с осени до весны: балы, маскарады, домашние спектакли и в городе, и у помещиков в селах, и по соседству, в Вышнем Волочке, разнообразят тихую жизнь здешних обитательниц тысячами наслаждений.

Вот, кажется, и всё, что на первый раз можно было заметить особенного в Торжке, для которого мы лишили себя спокойного экипажа и быстроты переездов. Провинившийся мой собеседник к вечеру приготовил простую перекладную телегу, в которой мы и пустились с ним в дальнейший вояж, вплоть до самой Москвы. Не защищаемые ничем

и вполне преданные на волю бурных стихий, мы терпели и холод, и жар, и пронзительный ветер — всё это легко было бы перенести, но, к довершению несчастья, нас всю дорогу обливало проливным дождем, от которого не было никакого спасенья.

Наконец уже в одно прекрасное утро мы втащились в Москву и немедленно выручили чемоданы, благополучно ждавшие нас в первопрестольной столице.

1851

Это было в половине сентября 1851 года. Я ехал в почтовой карете с «экстрой»; места на весь сентябрь были давно уж разобраны, и я был рад-радехонек, что успел добыть себе билет на место снаружи экипажа. <...>

На третий день нашего выезда из Петербурга мы с Валерием Ивановичем часов в семь утра должны были остановиться в Вышнем Волочке и провести здесь лишний час времени, чтоб подпереть какой-нибудь подставкой переднюю рессору, осевшую вследствие тяжелой клади — книг, уложенных нами в передний ящик. Книги, там схороненные, должны были служить для нас пособиями для местных изысканий; небольшая же библиотека для дорожного развлечения была у нас, в буквальном смысле слова, под рукой; она помещалась в стенках дормеза,²⁹ за обитой сафьяном потайной дверцей. Раскинем ли мы в дормезе наши походные кровати, усядемся ли в нем за завтраком — любую книгу всегда легко было взять, если б открылась в ней какая-нибудь необходимость.

Пока приискивали столяра, я наслаждался чаем в скромных комнатах почтового дома,³⁰ помещенного вдали от центра города.

Раздался звон колокола — и из нашего околотка народ густыми толпами стал проходить к собору.³¹

— Вот видите: мы въехали наконец в территорию, где ясно и видимо во всем преобладает московский элемент, — говорил мне Валерий Иванович. — Там, в Новгороде, была смесь французского с нижегородским; русизма было мало; он выражался там хлебной торговлей, чуйками,³² синими кафтанами; но рядом с ними, по край-

²⁹ Дормез — большая дорожная карета, приспособленная для сна в пути.

³⁰ Почтовая контора (ул. Подбельского, 5) — часть архитектурного комплекса Дворцовой пл., сложившегося в 1770-х — 1780-х гг.; сохранилась в редакции второй половины XIX в.

³¹ Казанский летний собор.

³² Чуйка — длинный суконный кафтан, армяк.

ней мере в параллель с ними, вы заметили и пальто, и штрипки,³³ и тиролек,³⁴ и чепчики на сильно набеленных купчихах. А здесь не то. Вот посмотрите на этого мужчину с бородой: по складу, по походке, по взгляду, по всему заметно, что он не последняя спица и считает себя вправе для праздника прифрантиться. Он картуза не надел: у него явилась потребность в шляпе. И, смотрите, как здесь носят шляпы! Чуть не аршинная тулья, ровная, высокая с самыми маленькими полями! И заметьте себе: чем дальше мы будем проезжать, тем эти шляпы более будут суживаться в верхнем кружке и ближе подходить к своему первообразу — московскому гречневику³⁵... В Москве носят шляпы совершенным гречневиком.

— Вы меня утешаете!.. Я буду иметь случай вывести то заключение, что первообраз парижских шляп есть киргизский колпак. В Волочке модная шляпа немножко повытянулась, в Москве она превратилась в гречневик, в Казани изменяется черный ее цвет на белый, наконец, в Оренбурге, если только мы попадем туда, мы увидим прототип нашего головного убора — в белом войлочном колпаке.

— Ну! вы уж сейчас и на киргизов съехали! Киргизы совсем не наша раса: и цвет, и покррой, и форма их колпаков есть необходимый, разумный, чисто логический результат топических условий. В степи летом, на открытом воздухе, человеку нечем иначе прикрыть бритую голову, как только войлочным, непременно войлочным и неизменно белым колпаком.

— Действительно, наша раса совершенно иная. Мы в трескучие морозы в легких шелковых шляпах щеголяем! Тут та же причина — география!

— Смейтесь, но помните, что мы — раса благовоспитанная и что если и ставим иногда условия топические на задний план, зато на передний выдвигаем чисто гигиенические причины.

— Так мы простуживаем голову для здоровья?

— Нет-с: мы держимся предписаний Гиппократата, следуем наставлениям Гуфеланда³⁶ и помним, что надо «голове держать в прохладе,

³³ Штрипка — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

³⁴ Тиролька — шляпа с невысокой тульей и небольшими полями.

³⁵ Гречневик — род округлой шляпы, названный так по сходству с формой гречневика (лепешки из гречневой муки).

³⁶ Гуфеланд Кристоф Вильгельм (1762—1836), немецкий терапевт-клиницист, доктор медицины (1783). Его книга «Руководство к практической медицине»

а ноги — в тепле». Но мы отдаляемся от предмета. На здешних нищенках вы чепчика не увидите. Конечно, здесь чисто русские красавицы румянятся не на живот, а на смерть; но ведь эту слабость нам надо извинять: здесь свой бакан и кармин; они дешевы, да и изготавливаются в обширных размерах в одном из городов Тверской губернии, именно во Ржеве.³⁷

— Так поэтому страсть волочанок и новоторок к притираниям есть не что иное, как поощрение туземной промышленности?

— Я вот вам говорю дело, а вот вы всё в шутку обращаете! А в самом деле, обратите-ка вы внимание на местные промыслы, и вы увидите, какое здесь обилие разных их отраслей. С одной стороны, чисто земледельческий характер страны, с другой — особенно в соседстве с Владимирскою губерниею — мануфактурная деятельность. Например, в Корчевском уезде в глаза бросается ткачество и производство миткалей,³⁸ а в одной местности этого уезда, в селе Кимре, вас поразит обширность операций сапожного мастерства. В войну с французом³⁹ это село обувало почти всю действующую армию. В уездах Тверском и Весьегонском изделие гвоздей, в Торжке — золотошвейки, басонщицы⁴⁰ и приготовление разных предметов из сафьяна, более всего спальных сапогов. В Осташковском уезде выделывают глиняную посуду и готовят для продажи около трехсот тысяч кос, серпов и топоров, а в Зубцовском строят барки для продажи. При такой разнохарактерности и извольте теперь обозначить промышленность Тверской губернии краткими, но характеристическими чертами!

— Я думаю, для этого немного надо употребить времени. Я бы просто сказал, что здесь обширное судоходство, обширное земледелие и обширное изделие кожи. Первое, в связи с водною системою, с достаточностью прекрасных пристаней и строевого леса, неизменным следствием имеет судостроение и заработки судорбочих; второе влечет за собою обработку всех видов хлебного товара, чему способствует соседство с столицами и постоянство требований на эти продукты.

(1839) была переведена русским врачом Г. И. Сокольским на русский язык и снабжена оригинальными критическими примечаниями.

³⁷ См. текст Глинки.

³⁸ Миткаль — хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из неотбеленной пряжи.

³⁹ Отечественная война 1812 г.

⁴⁰ Басонщица — мастерица, изготавливающая басоны — текстильные изделия, предназначенные для украшения: шнуры, тесьму, кисти, бахрому и т. п.

А результат обширного кожевенного производства, опять-таки в связи с предыдущими причинами, — обширная переработка кож в кожевенные изделия.

— А золотошвейное искусство куда вы отнесете?

— Разумеется, к последней категории!

— Так, по-вашему, оттого, что здесь много кожевенных заводов, и золотошвеек много?

— Именно так; только не забудьте, что я не успел еще вам передать ничего о связи этой причины с зажиточностью хлебных торговцев, с патриархальной их жизнью по старине, и тогда вы согласитесь, что вкусы и роскошество купечества, при его похвальном пристрастии к «лентам», «повязкам» и к сарафанам, не могли не выразиться в узорчато-вышитых туфлях и сапожках, в блестящих плетеных поясах и в золотошвейных косынках на женские головы.

— Ну, а чем вы станете обуславливать торг невыделанными кошачьими шкурами, а это, как вы, вероятно, должны знать, составляет особенность Бежецкого уезда... или пряничное производство, в Тверском уезде немаловажное? Или чем вы объясните обширное здесь хлопчатобумажное производство?

— Первые два промысла не стоят того, чтобы я сосредоточил на них свое внимание, а последний слишком уж сам по себе ясен. Хлопчатобумажное производство развито преимущественно в Калязинском уезде по правой стороне Волги, а этот участок неразрывно связан с Ярославской губернией, с Владимирской и прилежит к Московской губернии.

Доклад ямщика, что экипаж исправен, прекратил наш разговор. Мы стали усаживаться.

— Что ж, батюшка, старосте-то положите на водку! — проканючил жирный рыжебородый крестьянин, завидую старому ямщику, получившему хорошую наводку.

— А тебе за что?

— Как же, батюшка, помилуйте-с, я староста!

— Ну, так что ж?

— Так не будет ли милости вашей...

— Да ты что делал?

— Да как же, батюшка, я целый час, больше часу всё тут около вашей каретки-то возился.

— Да ведь ты ничего не делал?

— Как, батюшка, ничего, помилуйте-с!

— Ты даже не хотел нам сыскать столяра, кузнеца, никого, кто бы подставку под рессору сделал!

— Праздник, батюшка: ишь, где в праздник людей приищешь?.. Я и так целый час около экипажа возился... хоть бы целковенький пожаловали!..

Пришла очередь рассчитывать с мужиком за простую доску, в аршин длины, которой он подпер нам рессору.

— Сколько тебе нужно?

— Что пожалуете.

— Я не хочу жаловать, я хочу заплатить!

— Три полтины положите!

— Ассигнациями?

— Нынче кто на ассигнации считает!

Мы поспешили удовлетворить его, обрадованные, что так дешево за доску разделались.

— Эх ты, болван! Прямая дубина! Чего ты рот-то разинул на полтора целковых! — кричал староста на мастера. — Ну, взял бы семь серебром — и дали бы! Без подставки-то рессора б обломилась: тошней бы им пришлось!.. Эх, ты, болван! болван!

Уже вечерело, приближались сумерки; мы въехали в Тверь. Еще в Торжке наслышались, что Волгу ломает; под Тверью, недалеко от нее, лед уже тронулся, поэтому, не мешкая нигде не минуты, мы, сломя голову, скакали всю дорогу; но многолюдное стечение публики на набережной в Твери, множество обозов с выпряженными лошадьми, беготня и суматоха по мосту, разъездные и полицейские у съездов — всё это ясно говорило нам, что едва ли мы уж не опоздали.

Но мы в дормезе: неужели судьба не сжалится над щегольским экипажем?

— Через мост уж не пускают?

— Последнюю рогатку⁴¹ ставят... сейчас лед тронется!

— Покамест всё еще благополучно и рогатка еще не установлена, позвольте нам проехать через мост: мы духом промчимся... Мы утром непременно должны быть в Москве, во что бы то ни стало... дело чрезвычайной важности!

— Рад, что могу услужить вам дозволением... Счастливого пути-с!

«Вот добрый человек! — подумали мы оба вместе. — Не будь он так благосклонен, каково же бы нам было дня три-четыре понапрасну в Твери зажитья! Сколько бы мы времени погубили! сколько бы крови испортили...»

⁴¹ Рогатка — конструкция из перекрещенных и скрепленных между собой деревянных бруса и колеьев для перекрывания проезжей части на мостах и заставах.

— А что, Валерий Иванович, ведь не всякому такое счастье бывает?²

— Не всякому.

— Ведь это добрая примета?³

— Примета добрая!

— Повезет ли-то нам завтра в Москве?⁴

— Да, об этом стоит подумать... Там мост-то для нас поважнее! Там он должен провести вас через всю пучину препятствий к совершению продолжительного путешествия. Дай Бог, чтоб и там не успели для вас поставить последней рогатки!.. А сколько возов позавидуют тогда вашей карете!

Между тем мы приехали на станцию. Легкая коляска и тяжелый тарантас, стоявшие у подъезда, предупредили нас, что мы встретимся здесь с посторонними людьми. Это нас как будто обрадовало: с самого выезда из Петербурга мы решительно ни с кем на станциях не сталкивались.

Комната, в которую мы вошли, полна была табачного чаду. Дым стоял столбом и скрывал от нас картину, которая происходила перед нами: только тусклый огонек двух сальных свечей, сияние которых скрадывалось куревом, едва-едва мерцал ленивым пламенем. Когда, присмотревшись к окружавшему вас полумраку и освободясь от верхнего платья, мы углубились в комнату, то заметили двух господ, сидевших на волосяном диване за раскинутым столом, освещенном нагорелыми и вполовину уж оплывшими свечами.

Один из проезжих посетителей был невысок ростом и тучен, как Лаблаш⁴²... но нет, по росту его и нельзя с Лаблашом сравнить... вернее будет, если мы назовем его паном Копычинским.⁴³ Это был пожилой мужчина, лет за пятьдесят, с челом, простиравшимся от рыжеватых бровей до самого затылка. Реденькие, рыженькие клочки волос гладко и плотно причесаны были к вискам. Лохматая бородашка торчала щетиной; коротенький нос гордо поднимался несколько кверху над толстой верхней губой. Неуклюжий светло-коричневый пиджак, фантастически широкие шальвары, кожаный егерский картуз, коротенькая трубка на шелковых снурках, повешенная через плечо, огромный кисет с табаком, прицепленный к пуговице, наконец, технические

⁴² Луиджи Лаблаш (1794–1858) — итальянский оперный певец (бас); в 1852 г. приехал в Петербург и выступал нескольких лет в императорской итальянской опере. Современники отмечали, что его мощный голос вполне соответствовал его облику.

⁴³ Пан Копычинский — герой романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский или Русские в 1612 году» (1829).

термины, которыми этот господин пестрил свой изящный разговор, — всё обличало в нем охотника.

Другой господин был не толст и не тонок, однако ж не то чтоб плотный мужчина, но всё же не кощей какой-нибудь. Ни в наряде его, ни в выражении лица, ни в ухватках не было ничего ни изысканного, ни поразительного для глаза; только матовая бледность, покрывавшая его лицо, осененное темными бакенбардами, да еще какая-то мутность в глазах и безжизненность взгляда производили на меня какое-то отталкивающее действие.

Оба господина играли в «легонькую», как называли они гальбцвёлвер, переименовывая его иногда, по-русски, в «гальбик»,⁴⁴ курили и пили; но всё это делали они, как из слов их оказывалось, не по страсти к картежной игре, а собственно из желания как-нибудь провести праздные минуты в ожидании закладки лошадей в экипаж.

Бледный господин сдавал карты, говоря по временам «лопнула», но чаще всего молча проводил мелом на зеленом сукне черточку под черточкой: собрание этих черточек составляло собою порядочную колонну. Толстый господин пыхтел и отдувался, по временам сильно тер себя по лбу, по временам подергивал себя за виски, по временам чесал затылок, по временам приговаривал то «еще одну», то «довольно», но эта перестрелка отдельных восклицаний несколько не препятствовала свободному течению давно начатого и интересного разговора.

— Тенеты-с? Нет, уж увольте-с! Кто же тенетами лисиц ловит! — замечал толстяк.

— Да ведь тенетами-то крестьяне облаву и делают! — возражал бледнолицый.

— Крестьяне! Но ведь то мужики, люди, лишенные эстетического чувства!

— Да тенетами же и вернее ловить зверя!.. Лопнула!

— Вернее-то оно точно вернее, — говорил бочкообразный егерь, записывая что-то мелком на столе. — Тенетами оно действительно вернее... но, знаете, тут нет того, что этак, знаете, возбуждает дух, этак... волнует... Пожалуйте еще карту. Волнует, знаете, чувства... Тут кипит... кипит в груди... я несусь, мчусь на лихом коне... собака преследует зверя... там звук рогов... Еще карту!.. Я становлюсь героем и с триумфом вонзаю свой меч в затравленного зверя... Читайте!..

⁴⁴ Гальбик — азартная игра, в которой высшая сумма очков в картах игрока — $11\frac{1}{2}$ (нем. Halb — половина; Halbzwölf, onze et demi — одиннадцать с половиной).

Ну что за радость тенетами? Ничего такого нет... да и что за отрада смотреть, как мужики бьют зверя палками!

— Вы с гончими охотитесь?

— Напрасно вы так полагаете! У меня настоящая псовая охота! Свора богатая! Я с борзыми... лопнула... Но ведь борзые нежного сложения: за ними нужен присмотр да присмотр. У меня на пятерых один человек... Недавно выписал из Петербурга пять дюжин труб серебряных; отличный тон; у меня Спирька на них наострился — из «Фрейшюца»⁴⁵ играет! Моей охоте все завидуют; у меня на своре больше трехсот... Ухаживаю за ними... Особенно по первой пороше из стаи много выбывает, при азартной травле... Ну, медик-ветеринар... псарям и доезжачему особые костюмы... много, много моя свора заедает денег... Нет! не везет сегодня... забастуем!..

— Люблю я сельскую жизнь, не прочь от деревенских удовольствий, но не знаю, долго ли бы я просуществовал, если б скорей комическое, чем горестное, стечение обстоятельств не заставило мою деревеньку выскользнуть у меня из рук и если б судьба обрекла меня безвыездной жизни в сфере озимей и яровых.

Это замечание сделал я Валерию Ивановичу, когда мы снова уселись в экипаж и уж неслись по гладкому шоссе. Валерий Иванович, погруженный весь в чтение Борисова описания Кабула,⁴⁶ не отводя от книги глаз, спросил:

— Почему вы так думаете?

— Я бы с тоски умер! Главное дело — обленился бы.

— Вот уж этому я не поверю! Помещику постоянно круглый год предстоят самые утешительные, самые сладкие занятия.

— Так оно так; но ведь всё это хорошо на короткое время, как забава, как развлечение от тех забот, которыми обременен человек в большом городе в течение целых восьми месяцев. А то что за радость круглый год возиться с приказчиками да со старостами, перекочевывать со скуки от одного соседа к другому, беспрестанно слушать унылые, но все-таки несносные звуки расстроенных фортепьян, сплетничать о добрых знакомых и по целым часам сидеть в шалашике, подстерегая куропатку... Никаких эстетических наслаждений!.. Нет, жизнь овинная не по мне: умрешь с тоски!

---

⁴⁵ «Фрейшюц» («Вольный стрелок») — опера К. М. Вебера (1821).

⁴⁶ Возможно, имеется в виду изд.: Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана, также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России, с присовокуплением описания похода персиян против России в 1826, 1827 и 1828 гг.: в 3 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1829.

— Не умрете! Правда, и в деревнях, как и в больших городах, вы найдете «всякого жита по лопате», но деревня представляет вам не одни материальные наслаждения. Итальянской оперы вы здесь не услышите, но вы услышите превосходных певиц-любительниц, дивных виртуозок; встретитесь с просвещенными людьми, посвятившими себя прекрасной цели — устройству судьбы своих подчиненных. Место есть всему: и труду и забавам, и псовой охоте и агрономии, и мочке льну и литературе; журналы и газеты вы найдете всюду, чего, согласитесь, вы не во всяком городе ожидаете достать.

— Уж не заниматься ли в деревне политикой?

— Отчего не прочесть и современные политические новости? Отчего же не знать, что в настоящую минуту занимает весь образованный мир... Но, поверьте мне, можно и без политики прожить весь век счастливо, да еще как счастливо-то! Ну вот я, например: я изъездил всю Европу не один раз, от Берлина и до Рима, от Лондона до Константинополя; я привык к европейским политическим фантазиям, не чужд событий нового полушария, где тоже поскитался... Но скажите, может ли меня как русского, всего пропитанного русской жизнью, глубоко интересовать нота сент-джеймского кабинета⁴⁷ венскому или притязания французов к бельгийцам?⁴⁸ Бог с ними! Я тещу ими свое праздное любопытство, и только. Неужели вы думаете, что мое внимание увлечет политика, когда у меня на плечах жена и дети да вдобавок еще пятьсот душ, за которых я должен отдать отчет самому себе, целому обществу и Богу. Есть отчаянные дипломаты и из нашей братьи, но, право, вспомнив о них, нельзя удержаться, чтоб не повторить вместе с Крыловым:

Иному до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего;
Что будет с Индией, когда и отчего,
Так ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глаз сгорела!⁴⁹

⁴⁷ Сент-джеймский кабинет — принятое в XIX в. название правительства Англии, заседавшего в Сент-Джеймском дворце в Лондоне.

⁴⁸ Очевидно, речь идет о событиях 1848—1849 гг.: Французской революции и последовавших за ней волнениях в Австрийской империи, отставке министра иностранных дел К. Меттерниха и его бегстве в Англию.

⁴⁹ Крылов И. А. Три мужика // Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1946. Т. 3. С. 194.

— Ах, Боже мой! Да я вам все-таки не про то говорю. Я вам говорю, что...

— Что надо следить за политикой?... Не мешает, не мешает, когда у меня от дневных трудов, понесенных для исполнения гражданских своих обязанностей, остается свободное время. Но поверьте мне, когда образованный человек, как следует, занят своим делом, своим хозяйством, право, забудет он и политику!

Миновала и третья ночь благополучного нашего путешествия. Утром десятого апреля нам начали встречаться поярковые гречневики подмосковных поселян.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ

[1856]

Островский Александр Николаевич (31.01.1823, Москва — 2.06.1886, Щельково Костромской губ.), драматург, начальник репертуара Императорского Московского театра и директор Московского театрального училища. После публикации в журнале «Москвитянин» комедии «Свои люди — сочтемся» (1850) Островский сблизился с членами «молодой редакции» журнала, носителями неославянофильской идеологии: А.А. Григорьевым, П.М. Садовским, И.Ф. Горбуновым, А.Ф. Писемским, С.В. Максимовым, П.И. Мельниковым (Печерским), А.А. Потехиным, Л.А. Меем, Т.И. Филипповым. Но во второй половине 1850-х гг. Островский отходит от неославянофильства. Большую роль в этом сыграло его путешествие по Волге летом 1856 г., которое он предпринял по поручению морского министерства для сбора сведений о занятиях населения рыбными промыслами и судоходством на реках и озерах. Островский посетил Тверь, Городню, Торжок, Осташков, Ржев, Зубцов, Старицу, Корчеву, Кимры. Когда 7 или 8 июля он выезжал из Калязина, лошади взбесились, и его тарантас перевернулся. 21 июля Островский писал: «Теперь я в Калязине, и вот уже две недели живу не по охоте, а вследствие крайней необходимости. Тарантасом ушибло ногу, и этот ушиб буквально пригвоздил меня к постели. В Калязине только и есть что одни пиявки да аптека, а за доктором извольте посылать за двадцать верст в город Кашин. О книгах и говорить нечего — бедно то разбедно; во всем городе получают один „Русский вестник“ — и только! Как-то на днях дошла до меня вторая июньская книжка „Вестника“ 1856 года, и я с удовольствием прочел статью о рыболовстве на Чудском озере. Меня чрезвычайно интересует, точно ли такой порядок бывает при ловле на Селигере и те ли самые технические слова употребляются осташевскими рыбопромышленниками». Только 30 августа 1856 г. Островский «с великими страданиями» приехал из Калязина в Москву. На этом путешествие вынужденно прекратилось, но результатом его стала статья «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» (Морской сборник. 1859. Кн. 2). Островский основывался на личных наблюдениях, но подкреплял их официальными статистическими данными. Он не упускал

и примечательные стороны местности: исторические предания, экономические условия, промышленная жизнь края, частный и семейный быт. В основу статьи лег дневник, который Островский вел во время путешествия. Те части его, которые находят соответствие в статье, публикуются в примечаниях к тексту статьи. Но, начиная с Осташкова, Островский не оформил материалы путешествия в виде статьи, и мы печатаем эту часть дневника в качестве приложения. Вставки на полях печатаются в угловых скобках. Второе приложение составляет первая черновая редакция статьи. Тексты печатаются по изд.: Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 322–347, 360–374, 533–537. В приложении печатается текст анонимного автора «Поездка в город Осташков», опубликованный в изд.: Журнал для чтения военно-учебных заведений. 1853. Т. 101. № 402. С. 195–204. Поскольку реалии Осташкова практически все повторяются, мы оставляем их без комментария.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ ОТ ИСТОКОВ ДО НИЖНЕГО НОВГОРОДА

1. ТВЕРЬ

Апрель 1856 года

В Тверь я приехал еще до открытия навигации.¹ Это было на Святой неделе, погода стояла прелестная. Толпы народа в праздничных нарядах гуляли по набережной;² Волга была в полном разливе

¹ Ср. дневник:

18 апреля. 7 часов вечера

В 5 часов мы благополучно и без особой скуки прибыли на тверскую станцию. Простившись с князем Оболенским и Иваном Федоровичем Горбуновым, мы отправились в почтовой карете в Тверь, куда и приехали в 6 часов без четверти. <Едут вместе, зная очень хорошо все протыри и убытки, все проести и волокиты.> Остановились на Миллионной, в гостинице купца Барсукова (50 коп. серебром в день). Погода прекрасная, совсем летняя.

² Ср. дневник:

19-е апреля. 10 часов утра

Вчера, напившись чаю, мы пошли на набережную, посмотреть Волгу. Волга в полном разливе, солнце садилось и освещало реку так ярко, что больно было смотреть. Тверца вливалась в Волгу такой полной рекой, что казалось, две Волги соединяются вместе. Отрочь монастырь как будто на острове. Всё лучшее тверское общество гуляло по набережной. Много красивых женских лиц, впрочем половина подкрашены. Несколько дам катались в колясках. Офицера три ездили верхом на хороших лошадях, только плохо; двое пьяных офицеров катались в пролетке, непростительно качаясь в разные стороны. Барышни купчихи одеты по моде, большею частию в богатых бурнусах, маменьки их в теплых салопах

и, сливаясь с Твердой, представляла огромное пространство мутной, пенистой воды, взволнованной низовым ветром; с набережной Отрочь монастырь³ казался стоящим на острове. Но пусто и безжизненно было всё это пространство; ни одно судно не оживляло реки, и только черные плашкоуты, приготовленные для моста, виднелись на той стороне да мокрые щепки и грязная пена прибоя лежали полосами по берегам, свидетельствуя о прибыли или убыли воды.

Несколько свободных дней до прихода весеннего каравана и неделя, которую я провел в Твери по отплытии его, дали мне возможность ознакомиться с жизнью города, так красиво построенного и так счастливо поставленного на перекрестке путей железного и водных.⁴ Все местные условия, как кажется с первого взгляда, должны бы

и темных платях и в ярко-розовых платках на голове, заколотых стразовыми булавками, что неприятно режет глаза и совсем нейдет к их сморщенным, старческим лицам, напоминающим ростопчинских бульдогов. В 10 часов мы поужинали и легли. Ночь я провел беспокойно. Сегодня чувствую себя довольно хорошо. Теперь приводим всё в порядок, и я собираюсь ехать к губернатору.

Тверской губернатор А. П. Бакунин.

³ Этот бедный монастырь, основанный великим князем Ярославом Ярославичем Тверским (княж. 1263—1272), замечателен в нашей истории двумя жертвами. Там провел в заточении 26 лет жертвой невежества Максим Грек; там же убит Малютой Скуратовым Филипп митрополит. — *Прим. Островского.*

⁴ Ср. дневник:

9 часов вечера

Губернатор принял меня довольно важно, но вместе с тем и ласково. Губернатор, седенький старичок с черными глазами, с порывистыми движениями и разговором, постоянно курит жуков табак из черешневого чубука. Я ему представился, заговорил о поручении, на это он мне сказал прямо: «Ничего не увидите, да и нечего здесь смотреть; рыболовства здесь нет, потому что рыбы нет, да и никогда не было, мы получаем рыбу из Городни и из Кимр, судостроение в жалком состоянии». Я ему сказал о своем намерении отправиться в Осташков. «Источников Волги искать? Не найдете!» Я упомянул про Ржев и Зубцов. «Да, в Зубцове было капитала три, была и значительная стройка судов, а теперь по случаю войны всё упало, по всей губернии промышленность упала от войны». Водил в библиотеку и показывал мне составленную им книгу «Историческо-статистическое описание Тверской губернии в 1846 г.» для того, по его словам, чтобы было что показать, если спросит кто из высших особ о достопримечательном в Тверской губернии. А высшие особы за неимением железной дороги тогда очень часто ездили через Тверь и останавливались в Твери. «Я имел счастье поднести экземпляры Ольге Николаевне и получил благодарность».

Он советовал мне обратиться за сведениями в статистический комитет, находящийся при его канцелярии, и еще обратиться к Глазенапу, заведывающему пароходством. На прощание ласково пожал мне руку и просил за всеми све-

дениями без церемонии обращаться к нему, а если обращусь к кому-нибудь другому, так меня непременно обманут.

20 апреля (пятница). 9 часов утра

Приехав от губернатора, я с Гурием Николаевичем отправился для разных покупок. Купили масла чухонского, спирту, колбасы и рыбы. Стерлядь 8 вершков стоит 50 коп. серебром, не дешевле московского. Изготовили стерлядь в паровой кастрюле и поели с большим вкусом. Вечером опять ходили на набережную; всё то же, что и вчера, только розовых платков больше. Вода сбыва с лишком на сажень и близ набережной стояли два изящных парохода. Ночь провел еще беспокойнее, чем вчера; теперь чувствую себя довольно хорошо.

21 апреля. Суббота. 9 часов утра

Вчера поутру был у купца Н. Я. Ворошилова, который обещал сообщить разные сведения о судостроении и судоходстве. Заходил к чудаку купцу Лаврову, который может быть полезен по охоте и рыбной ловле. Потом изготовили для себя бифштекс с картофелем и пообедали. После обеда ходили за Тьмаку удить рыбу. Охотников довольно, и, как видно, очень ловких, но берет только уклейка, потому мы, не ловивши и очень уставши, вернулись домой довольно рано. Отдохнули, поужинали и легли спать. Ночь провел несколько покойнее. Я догадался, отчего у меня по ночам бывает волнение: я после сидячей жизни вдруг начал делать очень много движения. Вчера я ходил в одном сюртуке, и то было жарко, вечером слышали первый гром и шел небольшой дождь. На улицах народной жизни совершенно незаметно, песен вовсе не слышать. Сегодня поутру должен был отправиться первый пароход из Твери с пассажирами; мы встали в 7-м часу и пошли на набережную; но пароход почему-то не пошел. Рядом с двумя первыми стоит третий пароход точно такой же величины и изящества, так что их трудно отличить один от другого. Пришли домой и занялись чаем, явился купец Лавров и между прочими рассказами уведомил нас, что в Твери страшные грабежи. Когда я спросил, отчего не слышать песен, он отвечал, что полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи.

Пятница. 27 апреля. 12 часов. Полдень

В среду Кольшклина не застал. Пообедали в трактире. В 5-м часу поехал на железную дорогу в надежде встретить Григорьева, Григорьев не приехал. На станции встретил Д. Г. Ржевского, о котором совсем было забыл. Виделся с Краевским, который ехал в Петербург. Вечером был у Ржевского, там возобновил знакомство с Уньковским, с которым познакомился в прошлый приезд в Тверь. Он теперь судьей <Анекдот о сумасшедшем и о 4 разбойниках.>; человек веселый, открытый и очень умный. В четверг утром был у Кольшклина и нашел в нем весьма дельного и милого человека. Он обещал сообщить мне все сведения, какие может. Обедал дома. Вечером играли с Лавровым в карты. Сегодня сижу дома, жду визитов. Вот уже четвертый день ненастная погода мешает мне ловить рыбу, а сегодня даже очень холодно.

Воскресенье. 29-го. 10 часов утра

Среди дня был Кольшкин, привез описание Тверской губернии и обещал доставить в понедельник сведения. Вечером был у Ржевского. Там был Уньковский и учитель Гарусов (чудак естественный); провели время очень приятно. Вчера поутру был дома. Заезжал Уньковский. Обедал у него. Были Ржевский,

способствовать промышленному процветанию Твери: железная дорога соединяет ее с Петербургом и Москвою; верхние и нижние волжские караваны пристают под самым городом; Тверца как начало Вышневолоцкой системы представляет другой путь соединения с Петербургом — путь дешевый для тяжелых грузов. Но мне довелось убедиться, что, несмотря на благоприятную местность, Тверь в промышленном отношении никак не может считаться городом *процветающим*. Разбирать подробно причины слабого промышленного развития при таких счастливых условиях я предоставляю специалистам; я скажу от себя только то, что видел и что удалось узнать, насколько дозволяли мне и краткость времени, и непривычка к наблюдениям подобного рода. Я наперед оговариваюсь, что главным моим делом было добросовестное собирание фактов; что же касается до выводов, которые могут встретиться как в этой, так и в последующих статьях, то я им, как личным соображениям, не придаю большой важности. Всякий, более меня знакомый с экономическими науками, может сделать это дело лучше, и я только потому даю место в своих статьях моим соображениям, что в них, как сделанных на месте, может быть своя доля правды.

Первое, что поражает наблюдателя в Твери, — это бедность промышленного класса (мещан) и ничтожность заработной платы и выручки. Приведу несколько фактов. Главный промысел бедных тверских мещан составляет перевозка через Волгу; этой работой занимаются около ста человек. Такого количества перевозчиков для Твери много, и выручка держится только между 15 и 20 коп. сереб. в день на человека. Да и эта работа только весной; по сбытии воды наводятся два моста через Волгу и один через Тверцу; тогда ищи рукам какой-

---

Гарусов и Козаков, человек замечательный, хотя тоже чудак. Ездил на дорогу встречать Ганю. Часов в 7 гуляли, показывал ей Тверь. Вечером был Лавров. Сегодня поутру ходили на рынок, купили сморчков, отличные удилица, каких нет в Москве, по 2 копейки серебром. <Кислица — щавель.>

Среда. 2-е мая. 10 часов утра

(Продолжение). Пообедали дома, потом ходили рыбу ловить. Поймали только двух окуней. Вечером был Лавров, играли в карты. В понедельник до вечера просидел с Ганей дома. Был Уньковский. Вечером ходил ненадолго к Кольшкину. Там познакомился с Преображенским. Поужинали дома, ночь не спал. Ездил провожать Ганю на дорогу, видели превосходное утро и восход солнца. Поутру гуляли по набережной. После обеда был Преображенский, наговорил много хорошего. <Председатель г<ражданской> п<алаты>. Амфитеатр, кавалькада, ордонанс-гауз.> Вечером был у Ржевских.

Чухонское масло — масло коровье, сливочное.

Ганя — Агафья Ивановна, гражданская жена Островского.

нибудь новой работы. А зима? Взгляните только на углую *глинковку*,⁵ в которой вас повезут за Волгу, и вы ясно убедитесь, что перевозчики — народ бедный, очень бедный. Глинковки делаются из тесу и так тонко — того гляди, что продавишь ногой, что и бывало. Много тонет народу на этих глинковках, особенно при сплаве вниз, когда пассажиров набивается полная лодка. Был один случай: кто-то захотел переправить корову за Волгу, корова на середине реки продавила копытом лодку, и все потонули. Да и взыскать нельзя с перевозчиков; даже четыре руб. серебром — обыкновенная цена за эту *посудину*⁶ — для них уж великая сумма. В межень по недостатку работы занимаются перевозкой не более двадцати человек, а остальные или ходят на *вязках*⁷ вверх или возят вниз, иногда до самого Рыбинска, бедных пассажиров, которым дорого съехать на пароходе. На пароходе надобно заплатить до Рыбинска за место на открытой палубе 2 р. 50 к., а на лодке 75 к., конечно с условием гресть по очереди: но такой труд ничего не значит для рабочего человека. По приезде в Рыбинск хозяин лодки продает ее за бесценок и отправляется домой пешком или остается там работать. Другой промысел — разгрузка; эта работа в Твери временная и непродолжительная, не то что в Рыбинске, и притом нужно иметь лошадь, а кто имеет лошадь, тот уж не так беден. В 1855 г. разгружено в Твери барок 148, лодок⁸ 512, связок 138, с платою с каждого куля, или берковца, от двух до трех копеек серебром. Разгрузкою занимаются около двухсот пятидесяти человек с таким же количеством лошадей.⁹ Судостроение в Твери в последнее время в совершенном упадке. В 1855 году выстроена 31 барка указанной меры, постройкой занимались тверские мещане в числе 45 человек. За всю эту работу

⁵ Глинковки — перевозные лодки — название свое получили от деревни Глинки, где они строятся. Видом похожи на общеупотребительные в верхних частях Волги ржевки, только меньше и легче. Деревня Глинки на левом берегу Тверцы, в 25 верстах от впадения в Волгу. — *Прим. Островского.*

⁶ Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 469).

Посудиной, или посудой, называется вообще всякое судно на Волге. — *Прим. Островского.*

⁷ Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 469).

Две лодки счаливаются вместе бортами, принимают какую-нибудь кладь и тянутся двумя лошадьми до места. Называются также и связками. — *Прим. Островского.*

Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 469).

⁸ Вышневолоцких. См. ниже. — *Прим. Островского.*

⁹ В 1856 г. с открытия навигации по 1 сентября разгружено: барок 126, лодок 578, связок 138. — *Прим. Островского.*

придется около двадцати рублей на человека. В зимнее время весь бедный класс судопромышленников занимается кузнечным мастерством: ковкою гвоздей, барочных принадлежностей и других мелких изделий. Работа изнурительная и малоприбыльная: работники спят не более трех часов в сутки и вырабатывают не более полтинника в неделю. Сам я зимой в Твери не был и за верность этого показания ручаться не могу; но я его слышал по крайней мере от двадцати человек в разное время слово в слово, поэтому предполагать обман трудно.¹⁰ Здесь, я думаю, будет кстати привести одну характеристическую черту тверских мещан, ярко выказывающую их бедность. Самое лакомое кушанье, о котором они мечтают, это жареный лук в конопляном масле. Мяса не видят почти круглый год.

Женский промысел, повсеместно распространенный в Твери и почти единственный, — вязанье простых чулок в одну иглу из самой грубой шерсти. Их вырабатывается весьма большое количество и развозится по ярмаркам; но заработная плата так ничтожна, что фунт вязаной шерсти и фунт невязаной немногим разнится в цене. Вот главные промыслы бедных тверских мещан. Те, которые побогаче, имеют *черные*, или вышневолоцкие, лодки, на которых доставляют из Рыбинска до Твери и других городов по Волге и Тверце хлебный товар, соль, железо и прочее.

Скажем теперь несколько слов о наружном виде Твери.¹¹ Внешностию своею Тверь заметно отличается от других городов, ле-

¹⁰ Кузнечным мастерством занимаются не только в Твери, но и в уезде. Особенно замечательна выделка гвоздей в селах Васильевском и Михайловском, графини Лаваль. В городе и в уезде выковывается, по официальным известиям, до 100 т. пуд. в год. Ковкою гвоздей занимаются даже женщины. — *Прим. Островского.*

С. Васильевское Калининского р-на, в 18 км к северу от Твери, на берегу р. Ведемья (вблизи поселка Васильевский мох). Сохранились церковь Василия Великого (1802), действует с 1990 г., и здание трактира (начало XIX в.). Известный центр гвоздарного промысла. В 1882 г. была 61 кузница, в которых работало 488 кузнецов, 1 маслобойня, 1 тележная и 4 сапожных мастерских, 4 мясных, 7 молочных, 1 рыбная, 4 скобяных лавки, 3 постоялых двора, двухклассное училище. С. Михайловское Калининского р-на, в 15 км к северу от Твери. Сохранилась церковь Михаила Архангела с живописью (1787). Оба села принадлежали графине Софии Ивановне Борх (урожд. Лаваль). Ей же принадлежало и само торфяное болото при с. Васильевском, в количестве 5 629 дес. 722 с. с заводом для изготовления кокса, парафина и прочих продуктов из торфа.

¹¹ Ср. дневник:

Суббота. 5 мая (продолжение)

жащих на Волге. Особенная чистота главных улиц приметна даже и для приезжих из столиц. По всему видно, что Тверь играла роль коридора между Петербургом и Москвой, который беспрестанно мели и чистили и, по памяти и привычке, метут и чистят до сих пор. Петербургско-московское шоссе пролегает в центре города по Миллионной улице и площадям, обстроенным красивыми зданиями, и на эту лицевую сторону обращено было всё старание обывателей и начальства и мимолетное внимание путешественников. Обыватели строили гостиницы на Миллионной, украшали их по возможности,

---

Вчера по дороге из Городни заезжали в Кошелево к священнику, у которого думали найти документы о Городне, но нашли только то, что уже видел Преображенский. Часа в 2 приехали в Тверь. Вечером был у Уньковского и познакомился там с Потуловым, назначенным губернатором в Оренбург. Сегодня были Уньковский и Лавров, просидел дома. Начал статью о Городне.

Воскресенье. 6 мая

Получил «Русскую беседу» и письмо Дрианского с приложением «Городского листка», где подлецы, воспользовавшись моим отсутствием, избили новую гадость. Напишу об этом в «Московские ведомости». Был очень огорчен и не мог ни за что приняться.

Вторник. 8 мая. 10 часов

Вчера читал «Русскую беседу» и немного успокоился. Вечером был Кольшкин. Сегодня еду в статистический комитет и к губернатору.

9-ое мая. 8 часов вечера

Вчера у губернатора не был, нельзя было ехать Кольшкину. Сегодня был у Кольшкина, поздравил его с ангелом. Ездили с ним к губернатору, который принял нас очень хорошо. Обедал у Уньковского, там были Ржевский, инспектор Оренбургской губернии и Козаков; читал «Свои люди — сочтемся».

С. Кошелево Конаковского р-на, Городенского сельского поселения, на левой стороне в 1 км от тракта Москва — Петербург, в 3 км к востоку — с. Городня, в 25 км к юго-востоку Тверь. Василий Киндырев в 1568 г. пожертвовал Кошелево с принадлежащими деревнями Ведерня, Новое, Межево, Лукино и пустошами Троице-Сергиеву монастырю. Во время литовского нашествия оно было разорено, в 1710 г. с. Кошелево состояло из монастырских скотного и конюшенного дворов, церковь деревянная Преображения Господня, перестроена (1719), каменная (1779—1802), придел Сергия Радонежского (1799). Около этого времени село перешло к Александро-Невскому монастырю, после 1764 г. передано Коллегии экономии. В 1851 г. церковь обнесена каменной оградой. В церкви находились древние иконы и старинные церковные книги. В 1859 г. в селе было 49 дворов, 349 жителей. См. описание: Тверские епархиальные ведомости. 1884.

В связи с началом сотрудничества Островского в журнале «Современник» усилилась его травля в печати Москвы и Петербурга. Его обвиняли в том, что он скрыл участие Горева-Тарасенкова в написании пьесы «Свои люди — сочтемся».

пекли пряники, изображающие стерлядей, свернутых кольцом, и коврижки с губернским гербом. Проездный город, чтобы его помнили, непременно должен иметь какую-нибудь съестную особенность. Торжок известен пожарскими котлетами, Валдай — баранками,¹² Тверь когда-то, по словам Пушкина, славилась — макаронами,¹³ а теперь пряниками. Для путешественника любо, когда он проезжает чистым, веселым городом, в котором можно остановиться в удобной гостинице и поесть хорошо, и потолковать с ловким прислужником о местных достопримечательностях. Такой город непременно покажется ему цветущим в торговом и промышленном отношении, так он его и занесет в свои записки. Вот что говорит о Твери барон Гакстгаузен:¹³

«L'aspect de Twer est admirable. Rebatie en entier, apres l'incendie de 1763, cette ville peut etre mise au nombre de plus belles de la Russie; du moins aux yeux de ceux, qui font consister la beaute d'une ville dans de larges rues, tirees au cordeau; dans de belles maisons en pierre, ornees de colonnes et de balcons; de vastes places, entourees de batisses, semblables a des palais et une multitude d'eglises, surmontees de coupoles et de clochers. Dans quelques rues on voit de jolies allees de tilleuls. Des points, d'ou la vue s'etend sur le fleuve, on apercoit un mouvement extraordinaire: il est couvert d'une foule de barques, dont le nombre s'eleve par an a environ 4 000».¹⁴

Но почтенный барон ничего не говорит о том, что на эти 4 000 судов тверские жители только поглядят. Они постоят да и уйдут

¹² У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони
Да яичницу свари. — *Прим. Островского.*

Из стихотворения Пушкина из письма к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г.

¹³ *Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie.* 1 v., Hanovre, 1847. — *Прим. Островского.*

Очерки внутреннего состояния, национальной жизни и сельского устройства России. Т. I, Ганновер, 1847.

¹⁴ Внешний вид Твери восхитительный. Перестроенный заново после пожара 1763 года, этот город может считаться в числе самых красивых в России, по крайней мере в глазах тех, которые полагают красоту города в широких прямых улицах, в прекрасных каменных домах, украшенных колоннами и балконами, в просторных площадях, окруженных строениями, подобными дворцам, и во множестве церквей с куполами и колокольнями. Некоторые улицы красиво обсажены липами. С того места, откуда открывается вид на реку, заметно чрезвычайно большое движение: река покрыта множеством барок, число которых доходит до 4 000.

в Петербург, не доставив никакой работы, а следовательно и выгоды, тверитянам. Перегрузки в Твери нет, а разгрузка, как я уже упомянул, незначительна. Далее Гакстгаузен говорит:

«Le mouvement des rues atteste la situation florissante du commerce et l'état prospère des habitants. Les russes disent, en parlant de cette ville: Twer gorodok — Moskvi ougolok».¹⁵

Всё это, может быть, и было, да теперь прошло. Безжизненное тверских улиц я не видал во всей Великороссии; а Москвы уголок называется и Ярославль, и Тула, и Казань, и даже Ростов.¹⁶ Впрочем, физиономия проездных городов всегда обманчива, и легко принять суету от проезда за промышленное движение, а праздничную веселость за довольство.

Бедному классу обывателей тверских весьма естественно было обратиться от вечной кормилицы их Волги, которая, впрочем, без усиленного труда ничего не дает, к легкому приобретению, доставляемому огромным проездом. Что за охота трудиться, когда каждая девочка за мелкую тарелку малины и земляники, набранной в полчаса, получала столько же, сколько большой человек за тяжелую работу целого

¹⁵ Уличное движение доказывает цветущее состояние торговли и благосостояние жителей. Русские говорят об этом городе: Тверь городок — Москвы уголок.

¹⁶ Ср.: «Тула городок — Москвы уголок» (*Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л., 1989. Т. I. С. 244); «Ярославль городок — Москвы уголок (это говорится о многих других городах)» (*Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: сборник: в 2 т. СПб., 1997. Т. I. С. 276); «Пенза-городок Москвы уголок!» (*Загоскин М. Н.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 283); «Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок» (*Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 119); «Шенкурск-городок — Москвы уголок», «Погорелец — Питеру урывок, Москвы уголок» (*Дранникова Н. В.* Образ архангелогородца в микротопонимах-прозвищах // Мастер и народная художественная культура русского Севера: доклады III международной научной конференции «Рябиновские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 70); «О Кашин, Кашин городок, Царь-града уголок!» (*А. Е. Измайлов; Тверские поэты.* С. 52); «...наш городок-с чего другого нет, а насчет гостеприимства — Москвы уголок-с!» (*Герцен И. А.* Кто виноват? Петрозаводск, 1980. С. 110); «„Тверь-городок, Москвы уголок“ — говорят коренные тверяки, подобно жителям многих других городов, составляющих широкое плечье нашей древней столицы. И недаром живет здесь эта пословица: в самом деле, Тверь — городок чистенький, весьма опрятный, древний, как немногие города наши после Москвы, и красивый своим местоположением — тоже, как очень немногие губернские города у нас на Руси» (*В. К.* Городская хроника // ТВГВ. 1854. 28 августа. № 35. Часть неофициальная. С. 111–112).

дня. Но так как всё, что легко приобретается, легко и проживается, то обыкновенно на местах проездных и так называемых бойких бывает много веселья и мало довольства, много пьянства и плохое хозяйство. Легкое приобретение, приучая к праздности, всегда мешает промыслам развиваться до той степени мастерства, где труд получает большее вознаграждение. Если бы проезд по петербургскому шоссе не прекратился, Тверь и до сих пор была бы веселым городом, но замечательно промышленным — едва ли! Теперь на главных улицах в Твери безлюдно и безжизненно, а по уголкам бедные люди, не приучившиеся к порядочной и прибыльной работе, занимаются утомительным, безвыгодным трудом: перевозкой, кузнечным мастерством, вязаньем шерстяных чулок. Едва ли я ошибусь, если скажу, что обстоятельства, поставившие Тверь на большом торном пути, немало способствовали настоящей бедности ее мещан. Конечно, это не главная и не единственная причина; главною причиною бедности промышленного класса наших городов средней полосы все-таки останется недостаток значительных капиталов и излишество рабочих рук, а для Твери, вероятно, есть и другие, местные, причины, которых мне не удалось подсмотреть.

Недавно возникла за р. Тьмакой в огромных размерах бумагопрядильня московских купцов Залогина и Каулина в 44 тысячи веретен.¹⁷ Кругом фабрики строится целый город: красильни, ткац-

¹⁷ Ср. дневник:

Понедельник. 23 апреля (Юрьев день). 10 часов утра

В субботу вместе с Лавровым ходили за Тьмаку. Смотрели суконную фабрику, выстроенную компанией московских купцов в огромных размерах. Берега Тьмаки усеяны рыболовами, которые ловят на удочку уклейку. Один рыбак (вероятно, охотник) ловил рыбу, стоя в маленьком челноке, который имел не более вершка запаса над водой и менее 2 сажень длины. Управляя одним веслом, он закидывал небольшую сеть, узкую и длинную, с поплавками, чтобы она одной стороной держалась на воде, собирал ее, выбирал и бросал в челнок, и всё это с невероятным соблюдением баланса, иначе он непременно должен был опрокинуться и с челноком. Вечер провели дома в разных занятиях. В воскресенье ездили смотреть заводские кварталы. Вечером был Лавров, наболтал с три короба, — впрочем, говорил и дело, — о злоупотреблениях градских голов. Сегодня за дело, довольно гулять. Еду к разным должностным лицам.

Фабрика была основана в 1853 г. московским купцом Каулиным на земле, арендованной у крестьян Рождественской слободы, принадлежавшей ранее Христорождественскому монастырю, и называлась Рождественской мануфактурой; в 1865 г. преобразована в Товарищество Рождественской мануфактуры, в 1878 г. куплена П. В. Бергом и стала называться бумагопрядильной и ткацкой фабрикой Товарищества Рождественской мануфактуры П. В. Берга. Ныне Тверская прядильно-ткацкая фабрика им. А. П. Вагжанова концерна «Ростекстиль» (ул. Спартака, 47).

кие, дома для помещения директора и машинистов, длинные корпуса для рабочих и прочее. Хозяева, как говорят, хотят провести железную дорогу от фабрики до соединения с Николаевской. Фабрика заложена в 1853 г. и теперь уже действует, хотя еще не полными силами. Такое мануфактурное заведение сущеe благодеяние для тверского края, где так много готовых рук и так мало работы. Устье Тьмаки, в берегах которой видны следы каких-то водных сооружений, теперь запущенных, очень удобно для стройки и починки судов, надобно только приложить уменье и капитал. Компания пароходства «Самолет»¹⁸ торгует это место у города и хочет устроить безопасную гавань для своих пароходов. Говорят, что тверское городское общество находит какие-то препятствия этому полезному делу.¹⁹ Жаль! Если это предприятие

---

¹⁸ Пароходное общество пассажирских перевозок «Самолет» было учреждено в 1853 г., правление в Петербурге. Его основатели В. А. Глазенап и Адлерскрон предполагали соединить Николаевскую железную дорогу при пересечении ее с Волгой в Твери пароходным сообщением с Ярославем и прилегающими районами. На Волге были устроены пароходные пристани в Твери, Корчеве, Угличе, Рыбинске и Ярославле. Первые три колесные парохода «Тверь», «Рыбинск» и «Ярославль» были куплены в 1853 г. в Бельгии; регулярное пассажирское сообщение от Твери до Ярославля открылось в 1854 г. В 1856 г. пассажирское сообщение было продлено до Нижнего Новгорода (в 1857 г. до Казани, в 1858 г. по Каме до Перми). К концу 1850-х гг. общество «Самолет» владело 21 пароходом.

¹⁹ Теперь уж это дело кончено. В 131 № «Московских ведомостей» 1857 г. я прочел следующее известие из Твери от 14 октября: «На днях жители города Твери присутствовали при освящении вновь устроенной обществом „Самолет“ пароходной гавани, и при нас были введены в несколько часов семь пароходов того общества, которые по спуске искусственно поднятой воды остались на суше на нарочно устроенных платформах на несколько аршин выше настоящего горизонта Волги. Это простое, но практически придуманное устройство дает возможность ежегодно после навигации осматривать подводные части пароходов, исправлять и красить их, что, как известно, для сохранения железных судов необходимо, и всё это делается в несколько часов, без издержек, а что еще важнее — без ломки этих весьма легко построенных пароходов. Гавань, построенная обществом, возникла в глазах наших в несколько месяцев и в настоящее время окончена для помещения в ней семи пароходов; как слышно, она стоила обществу значительных издержек, но зато пароходы его, составляющие весь капитал общества, совершенно обеспечены от случайностей внезапного вскрытия реки зимою, как то случилось в декабре прошлого года, и от ежегодного весеннего разлива реки и ледохода, часто весьма опасных для зимующих судов. Этот док вырыт в горе близ устья Тьмаки и обнесен земляным валом вышиною более шести сажен, то есть выше самых весенних вод. Строители воспользовались весьма искусно небольшим притоком вод речки Тьмаки и наполняют ею гавань до необходимой высоты посредством весьма простой шлюзной системы.

удастся компании, то при настоящем упадке судостроения в Твери много народу будет кормиться от этой работы.

II. ВЕСЕННИЙ КАРАВАН

Через несколько дней после полного разлива Волга значительно сбывла, но зато воды ее ожили. У паровой пристани стояли рядом три парохода, чистенькие, как будто только вчера сделанные: «Тверь», «Рыбинск» и «Ярославль» (общества «Самолет»);²⁰ противополож-

Гг. директора общества выговорили себе право увеличить со временем гавань эту до таких размеров, чтобы в ней могло поместиться до сорока судов, и тогда не только извлекут из этого значительный доход для общества, но окажут благодеяние тем судовладельцам, которые до сего не знали, где и как спастись от льда. Утешительно видеть, как наша Тверь ежедневно более и более принимает вид благоустроенного портового города, имея свои верфи, где строятся железные пароходы. Разукрашенные разноцветными флагами пароходы и щегольски одетые в форменную одежду капитаны и экипаж пароходов оживляли в продолжение целого дня местность около новой гавани; а рабочие, строившие гавань, вместе с матросами пировали чинно за сытным обедом и за неизбежною чаркою прославляли щедрость строителей, радуясь о благополучно оконченной навигации». — *Прим. Островского.*

Тверские судоремонтные мастерские Тверского порта основаны в 1855 г. паровым обществом «Самолет» в устье Тьмаки, на ее левом берегу. В 1855—1857 гг. на средства общества сооружена Тверская искусственная гавань с 2 котлованами («ковшами»), стапелями и соединительным каналом (общая площадь св. 7 тыс. кв. м). Гавань была обнесена земляным валом высотой до 12 м, при входе в ковш устроена шлюзовая перемычка 13 м, по левому берегу Тьмаки построены 3 деревянные платформы для ремонта и осмотра корпусов судов, в устье Тьмаки — деревянный шлюз шириной 13,16 м, позволявший поднимать уровень воды в реке на 2,9 м, ставить суда на платформы, заводить их в ковши на стапель. В 213 м от нижнего шлюза вверх по Тьмаке была сооружена так называемая Никольская перемычка (полушлюз), при помощи которой создавался подпор воды, дававший возможность осенью заводить суда для специального ремонта на площадки, находившиеся по обоим берегам Тьмаки выше перемычки. В ковши и на платформы ставились только металлические суда и пароходы, за перемычкой — деревянные унжаки, тихвинки, соминки, третники и другие суда. Сборка и ремонт пароходов общества «Самолет» и других владельцев производился до 1900 г., когда арочный мост через Волгу затруднил проход больших судов. В 1968 г. мастерские в устье Тьмаки ликвидированы.

²⁰ Ср. дневник:

25 апреля. Середа. 10 часов утра

В понедельник утром был у Кольшкина. Он еще в Москве. По случаю табельного дня должностные лица были у обедни. Просидел весь день дома. Вчера поутру часов в 6 ходили смотреть, как отходят пароходы, был у Кольшкина, он всё еще не приезжал. По случаю дурной погоды просидел вечер дома. Сегодня еду опять к Кольшкину. Что-то бог даст?

ный берег был окаймлен новенькими барками верхнего каравана; черные лодки, управляемые девятисаженными *потесями*, сплавались вниз за кладью; рыбаки причалили к берегу свои плавучие садки и торговали рыбой; перевозные лодки сновали поперек Волги.

В это время главный интерес представляет Затверечье:²¹ там на крутом берегу, близ каменных хлебных лавок (на которых прошлогоднее наводнение²² озаменовано черной чертой и оригинальной надписью: «4 апреля 1855 года был потоп до сих пор»), как на бирже, толпятся всякого рода рабочие артели, ожидая дела. Но прежде, нежели будем говорить о рабочих, я считаю нужным сказать несколько слов о судоходстве по Волге и о том караване, который теперь был в Тверь.

Судоходство по Волге с притоками и по всем трем системам²³ бывает или *подъемное* (*взводное*) — против течения, или *сплавное* — по течению. Подъемное судоходство производится тягою лошадей или людей,²⁴ а сплавляют посредством потесей и весел. Подъемом, или взводом, приходят суда в Тверь во всё продолжение навигации из всех пристаней, лежащих между Тверью и Рыбинском, а также и из Твери до Вышнего Волочка по Тверце; сплавляется же в Тверь только один караван ранней весной из верхневолжских и гжатских пристаней. Летом по причине мелководья в верхних частях Волги от Ржева до Твери могут ходить только малые, легко нагруженные суда. Всех караванов, приходящих в Тверь и отправляющихся по Вышневолоцкой системе, бывает в лето три: *весенний*, *меженный* (летний) и *осенний*. Весенний караван, о котором мы

---

²¹ Часть города за Волгой на левом берегу Тверцы. — *Прим. Островского.*

²² Залиты были обе части города, лежащие за Волгой (Заволжье, Затверечье); часть, лежащая за Тьмакой (Затьмачье), была затоплена совершенно. Опасность угрожала даже Миллионной улице, если бы не насыпь, наскоро сделанная бывшими в то время в Твери ратниками. — *Прим. Островского.*

Практически ежегодные затопления территории Затьмачья паводковыми водами привели к сооружению в 1866 г. по инициативе городского головы А. Ф. Головинского земляной дамбы, на которую он выделил 12 тыс. рублей. Головинский вал проходит по левому берегу Тьмаки от Беляковского пер. до ее устья и далее по правому берегу Волги (Краснофлотская наб. и ул. К. Маркса), замыкаясь на берегу Тьмаки. Высота вала 1–7 м, длина около 5 км. В память об этом на средства горожан на валу была сооружена гранитная колонна (ныне находится на берегу Тьмаки напротив церкви Покрова Богородицы), 4-гранный верх которой, увенчанный медным шаром, не сохранился.

²³ Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской. — *Прим. Островского.*

²⁴ Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 502).

теперь и будем говорить, составляет: а) из судов, грузящихся на верхневолжских и гжатских пристанях,²⁵ и частью б) из судов, нагруженных на рогачевских и других пристанях между Тверью и Рыбинском. Этот караван, как и все прочие, от Твери до Вышнего Волочка доводится лошадьми в две недели; на каждую барку полагается 10 лошадей и 4 коновода. В Вышнем Волочке стоянка, а не главное складочное место, как говорит г. Бабст в статье своей «Речная область Волги».²⁶ Из Вышнего Волочка выступает в половине мая и доходит до С.-Петербурга в семь недель, то есть около Петрова дня. От Волочка идет уже судоходство сплавное, коноводы возвращаются в Тверь, а барки переснащаются, то есть снимается *дерево* (мачта) и *губа* (руль), устраиваются *полати* (четыре помоста), на которые становятся лоцман и рабочие, и по концам для управления кладутся *потеси*²⁷ (девятисаженные еловые бревна, обтесанные в виде весел).

Главные, типические суда Вышневолоцкой системы: *барки* и *полубарки*; устройство их, как мы увидим, вызвано необходимостью. *Барки*, составляющие весенний караван, строятся на верхних частях Волги и ее притоков, в уездах: Гжатском, Сычевском, Ржевском, Зубцовском, Старицком, Новоторжском, Вышневолоцком, Тверском, а также и в уездах, лежащих ниже Твери: Корчевском, Кашинском, Калязинском, Углицком и прочее. Конструкция их определена законами (XII т. Св. <од> зак. <онов Российской империи>, изд. 1842 г. Уст. <ройство> пут. <ей> сооб. <щения>, ст. 122 и 123). Длина барки 17 сажень, ширина 4 сажени, высота бортов 2 аршина. Дно имеют совершенно плоское, борта прямые. В длину борта прямые на 14 сажень, нос и корма закругляются на три сажени — зна-

²⁵ От Зубцова до Твери сгоняются в неделю. — Прим. Островского.

²⁶ Магазин землевладений и путешествий. Географический сборник, издаваемый Н. Фроловым, Москва 1852 г., т. I, стр. 392. Эта статья до сих пор представляет самое лучшее описание Волги и ее притоков. Некоторые значительные ошибки, встречаемые в описании верхних частей Волги, извиняются тем, что, как видно из самой статьи, автор там не был, а писал с чужих слов. — Прим. Островского.

²⁷ Слово «потеси» встречается в указе Петра I, октября 31 1720 г. «Всех купеческих людей товары и прочих людей припасы от гжатской пристани и из других городов в С.-Петербург, как на судах, так и на возах, не задерживать и остановки не чинить и до С.-Петербурга привального, отвального и прикольного и в мостах на реках и чрез канал (Тверецкий) пропускного и от свидетельства отписей и с потесей, с весел никаких поборов нигде не имать». — Прим. Островского.

чит, по полторы сажени. Оснастка барки различна, глядя по тому, для какого судоходства она назначается: для подъемного или сплавного. Для подъемного ставится *дерево* (мачта) и навешивается *губа* (руль); при сплаве — то и другое снимается, а устраиваются, как мы уже сказали, *полати* и кладутся потеси. Барка сидит в воде, при 6—6½ тыс. пуд. груза — 12 вершков, при 7—7½ тыс. — 14 вершков, при грузе от 7500 до 8000 пуд. — 15 вершков. Барки, совершив одну *путину*, никогда не возвращаются, а продаются в Петербурге на дрова и отчасти на постройки. *Полубарки* конструкцией своей сходны с барками, размеры их также определены законами (Уст. пут. сообщ., ст. 128). Длина не более двенадцати, а ширина четыре сажени, высота стен от одного до полуторых аршин. Грузу поднимают от 4500 до 6500 пудов при осадке от двенадцати до пятнадцати вершков.²⁸

Такое устройство судов обуславливается самим Вышневолоцким путем. Суда возвращаться не могут, следовательно должны стоить хозяину как можно дешевле. Потом в Боровицких порогах от неровности дна и от сильного волнения подвергаются перегибу, а по мелкости фарватера не могут глубоко сидеть в воде. Всё это заставляет строить суда, во 1-х, совершенно плоскодонными, чтобы при малой осадке поднимали как можно более грузу, во 2-х, из тонко распиленного елового лесу (днище два дюйма, бока один дюйм) для гибкости, в 3-х, топорной работы для избежания лишних издержек.

К типу вышневолоцких судов можно причислить *вышневолоцкие* лодки, хотя они не входят в канал Вышневолоцкий, а доходят только до Торжка и Вышнего Волочка и возвращаются назад в Тверь. Они строятся в Вышневолоцком и Осташковском уездах и в Твери. Длина от двенадцати до шестнадцати сажень, ширина четыре сажени. Вышневолоцкие лодки называются также *огибежными*, потому что днищевые доски выходят из подводной части, загибаются и прикрепляются к бортам. Эти лодки осмаливаются и поэтому большею частью на Волге носят название *черных* лодок. Управляются так же, как и барки. Грузу поднимают от четырех с половиной до семи тысяч пудов при осадке от двенадцати до пятнадцати вершков; служат до пяти лет.²⁹

---

²⁸ В материалы для словаря русского народного языка Островский включил большую статью «Барка» (указ. изд. С. 464—466), более подробно описывающую устройство и части судна.

²⁹ Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 468).

Ходят по Тверце и другие суда, как-то: тихвинки,³⁰ соминки³¹ и прочее, но так как они принадлежат к типу Тихвинской системы, то будем говорить о них впоследствии.

Главный груз весеннего каравана составляют на судах, пришедших с верхневолжских и гжатских пристаней, то есть из Ржева, Зубцова, Гжатска и Старицы: пенька, сало, зерновой хлеб (преимущественно яровой), льняное семя, конопляное масло; а на судах, пришедших с пристаней, лежащих между Тверью и Рыбинском, то есть из сел Рогачева и Кимры и городов Корчевы, Калязина, Кашина, Углича, Мышкина: сало, зерновой хлеб, пшеничная мука, а из Углича, сверх того, колбасы, ветчина, тряпье и сальные свечи очень хорошего качества. Этот товар частью отправляется по железной дороге.

Как этот караван сплавился до Твери, мы поговорим впоследствии, при описании ржевских и зубцовских пристаней, а теперь скажем, какие рабочие нужны ему для дальнейшего пути. Во-первых — лоцман, который действует рулем, чтобы управлять ходом барки и распорядиться рабочими; во-вторых — коренные, или водоливы, которые смотрят за чистотой судна и за целостью товара; в-третьих, наконец, коноводы с лошадьми, чтобы тянуть барку вверх по Тверце.

Лоцманá. По пространству своих занятий лоцмана делятся на три рода: 1) низовые лоцмана, которые ведут суда из низовых пристаней до Твери, между ними есть и ярославцы, например копринские; 2) тверские лоцмана (крестьяне Тверского уезда), проводят суда от Твери до Вышнего Волочка; 3) вышневолоцкие (крестьяне Вышневолоцкого уезда), сплавляют суда от Вышнего Волочка до Новгорода и С.-Петербурга. Все эти лоцмана проводят барки от места до места и называются сквозными, в отличие от других, которые ведут только по опасным местам и сдают опять прежним. Таковы в Тверской губернии в Вышневолоцком уезде ножкинские лоцмана. Их обязанность проводить суда по р. Мсте через пороги от дерев-

³⁰ Ср. в материалах для словаря русского народного языка Островского: «Тихвинка, ж. Большая лодка верхней Волги, устройством совершенно схожая с соминкою, но большего размера: длина ее доходит до 16, а ширина до 4 саж. Типическое судно Тихвинской системы; ходит и по Мариинской» (указ. изд. С. 518).

³¹ Ср. в материалах для словаря русского народного языка Островского: «Соминка, ж. Судно верхней Волги, лодка, схожая устройством с вышневолоцкой, с тою разницей, что у соминки нос острее, а конец кормы плоский, как бы срезанный. Размер ее от 9 до 12 саж. длины и от 2 1/2 до 3 саж. ширины. Молоцкая соминка меньше, шехонская больше. Грузу поднимает до 3 т. пудов» (указ. изд. С. 515).

ни Ножкиной до города Борович. Они составляют особую артель и состоят в казенной службе. Жалованья получают 1 руб. 50 коп. с каждой барки и по окончании навигации делят поровну. Они же нанимаются у купцов на верхневолжских и гжатских пристанях и ведут суда насквозь до Вышнего Волочка.

Лоцмана все на хозяйских харчах и жалованье получают следующее:³²

	Плата в один конец	Сколько употребляется времени	Сколько делает концов в течение лета
Низовому лоцману	9 руб. сер.	В 2 недели	Всего 5 раз
Тверскому	12 “ “	“ 3 “	“ 4 “
Вышневолоцкому:			
До С.-Петербурга	30 “ “	“ 7 1/2 “	Один и тот же лоцман до С.- Петербурга 1, до Новгорода 1
“ Новгорода	14 “ “	“ 3 “	
Ножкинскому			
От Зубцова до Волочка	17 “ “	С проходом из дому 4 недели	Один раз
За сгон барки чрез Ножкинские пороги:			
Казенная плата 1 р. 50 к.	2 р. 50 к.	3 дня	Два раза
Частные подарки 1 р.			

Коренные. Коренные нанимаются на всю путину, то есть от места и до Петербурга или Новгорода. Этим промыслом занимаются крестьяне и мещане всех уездов, начиная от Твери и до Ярославской губернии, а также старицкие и новоторы. Коренные делают в лето одну путину. Самый большой путь и самая большая плата — это от Рыбинска до С.-Петербурга, от 30 рублей и более, на хозяйских харчах.

³²Сведения получены чрез статистический комитет из тверской пал.<аты> госуд.<арственных> имуществ. — Прим. Островского.

Коноводы. Коноводы нанимаются лоцманами: тянут барки от Твери до Вышнего Волочка. Коноводы обыкновенно торгуются на пару лошадей, но приходят на работу — кто с одной, кто с двумя, кто с тремя и т. д. и потом складываются для одной барки (10 лошадей). Средняя цена на пару от Твери до Волочка 15 руб. сереб.; харчи держат артельные, а корм для лошадей обыкновенно покупают у хозяев барок по цене, разумеется, высшей. В каждый караван коноводы делают одну путину (от Твери до Вышнего Волочка), итого три путины в лето. Из Вышнего Волочка возвращаются по шоссе на телегах, в которые запрягут и кругом которых увяжут свои десять лошадей, и гонят очень скоро, чтобы даром не проедаться на дороге. На каждую барку требуется десять лошадей при четырех коноводах: двое больших и два мальчика. Ранней весной коноводы тянут только по левому берегу Тверцы, на котором сделан искусственный бичевник, а когда обсохнет — то по обоим берегам, разделив пополам и лошадей и рабочих. Промысел этот доставляет занятие крестьянам Тверского, Корчевского и Новоторжского уездов. Коноводы часто из тех же деревень, откуда и лоцмана, а иногда и из одной семьи; бывает и так, что отец коновод, а сын лоцман. Об этом ходит следующий анекдот по Волге. Когда произойдет такой случай, что на одной и той же барке лоцман и коновод в ближайшем родстве, то выходят некоторые затруднения, впрочем не очень важные и легко устранимые. Лоцмана, по должности старшего, имеют привычку ругать подчиненных, и надобно заметить, что никто на всей Волге, а может быть и во всей вселенной, не ругается так, как лоцмана, хотя сами по себе они, без исключения, честнее и нравственнее всех прочих судорбочих. Должность такая! Да и притом же вся ответственность за целостность судна лежит на них одних. Но как же обругать ближайшего родственника? А не обругать иногда никак нельзя! Лоцман в таком случае поступает следующим оригинальным образом: он сначала крикнет на коновода: «Эй ты, шуба!» да и потом уж шубу и ругает. И не обидно, и должное не упущено!

III. СЕЛО ГОРОДНЬ

3 мая

В Твери, на Волге, рыбных садков немного, рыба незавидная, а цены почти московские. Как-то раз я разговорился на набережной с одним стариком, как видно хорошо знающим Тверь, и между разговором спросил у него: отчего так дорога рыба?

— Нет у нас хорошей рыбы, оттого и дорога. Сколько я запомню, и всегда у нас, в Твери, было бедно рыбы-то, а теперь уж и вовсе мало. Волга мелеет год от году, ну, да и пароходов пугается, так уходит. Вот в Городне хорошую рыбу ловят, так надо ее там купить

торговцам-то да 30 верст везти кверху, а еще которая поснет; как же дешево-то продавать?

— А разве, кроме Городни, нигде не ловят? — спросил я.

— Ловят, как не ловить! Ловят и повыше Твери, тоже есть ловли, да всё бедно! Не то что уж куда продавать, и нам-то на продовольствие не хватает. Так как же ей дешевой-то быть.

Я поехал в Городню в надежде найти там значительные рыбные промыслы.³³

³³ Ср. дневник:

Пятница. 4-го мая. 8 часов утра. Городня

Вчера, собравшись и уложившись, мы поехали в Городню на почтовых. Первую станцию 15 верст до Еммауса проехали в 1 час 5 минут. В Еммаусе нам заложил тройку прекрасных серых лошадей и сел ямщик, малый лет 25, красавец собой. Я ему заметил, что его, должно быть, девушки любят, он промолчал. Повез нас с такой быстротой, что дух захватывало. Отъехав верст 5, он остановился отпустить постромки правой пристяжной. Я курил сигару. «Дайте, барин, сигарочки». Гурий Николаевич предложил ему трубку. «Пожалуйста — вот кабы водочки стаканчик опохмелиться». Я ему налил из фляжки, он выпил и поблагодарил. «Я, барин, перед вами скрываться не хочу, я маленько... тово... *празицкой*. А вы, барин, давеча сразу угадали; это точно, меня девушки очень любят. (Совершенно теми же словами, как Вася в драме „Не так живи, как хочешь“.) Я всё наше деревенское пиво пил. Только уж это пиво...» — А что? — «Беда. Как голова болит на другой день, не накажи господи! Стыдно народу-то, особенно баб. К другой приставал либо обругал. А что ломается-то! О, дура-жид! Кому ж и дать-то как не ямщику, — солдат нет. Страшно делается. Смотрителя боишься, старосты боишься. Ах!» — Тут он раза четыре неистово затыкнулся и сел на козлы. — «Вот спасибо, что охмелили человека. А это бабы, это девки — всё наше. Ну, вы!» И со свистом, с гиком полетел как угорелый. 14 верст мы ехали $\frac{3}{4}$ часа. В 3-м часу приехали в Городню и остановились в почтовой гостинице. Умывшись и напившись чаю, пошли к священнику. Отец Василий, седой старичок с красным лицом и пунцовым носом, благословил нас вслух и принял нас даже несколько подобострастно, только с какими-то судорожными движениями. Легко можно было заметить, что он и с похмелья, и пьян. Когда он сообщил нам некоторые нужные для нас сведения (которые Гурий Николаевич тут же записал), я попросил его указать мне рыбаков, у которых можно купить рыбы. Он сейчас послал пономаря, и тот привел рыбака с рыбой. Мы купили у него налима 10 вершков (с молоками) и двух окуней, одного 8 вершков, другого 5 вершков за 50 копеек серебром. Батюшка предложил нам водки и принес из другой комнаты большой графин и дикой утки на закуску. Мы выпили по рюмке, и он с нами, потом он попросил по другой — выпили; посидев немного и помигав глазами, он сказал, что мы веруем в Троицу, и налил по 3-й; выпили — и он видимо захмелел. Мы его звали к себе на уху, но он отговорился, что ему надобно ехать. От него мы пошли гулять кругом церкви, которая стоит на крутом, обрывистом берегу Волги и, сверх того, окружена рвом. Нас сопровождали пономарь и дьячок

На правом, высоком и крутом берегу Волги, в 30 верстах ниже Твери по московской дороге лежит село Городня. Прежде, до литовского разорения, это был город и назывался Вертязин. В нем было три церкви: одна каменная, бывшая соборною, построенная в XIII веке во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, существует и доселе. Строение ее предание приписывает Тверскому князю Борису Александровичу.³⁴

и сообщили нам много хорошего о рыбной ловле. Под ногами текла Волга, синяя от пасмурной погоды и подернутая рябью, несколько рыбаков, стоя в своих маленьких, вертяльвых челноках, поднимали баграми верши, сверху шли черные лодки, которые, несмотря на усилия лоцманов, прислуги, находящейся на них, прибывало береговым ветром к противоположному берегу и наконец посадило на мель. Легкая двухвесельная глинка с простонародными пассажирами пристала к берегу, и народ веревочкой потянулся по горе в село подкрепить себя для дальнейшего пути. За рекой зеленел поёмный луг, его замыкал высокий сосновый лес, справа и слева изгибы и плесы Волги и несколько сел по берегам. Прекрасная картина! Пришли домой, поели ухи и легли спать. Сегодня поутру занялись писаньем, пришел священник, и мы отправились в церковь. Церковь старая, с новой пристройкой. Особенно замечательны в ней царские врата, вероятно современные постройке, и подземный храм. Церковь так стара, говорит народ, что ушла в землю. <От сохи да от косы не будешь богат, а будешь горбат.>

С. Эммаус в 16 км от Твери в сторону Москвы. Каменная церковь Воскресения Христова (1798) с приделами архистратига Михаила и св. пророка Илии. С XVI в. здесь находилась Спасо-Яминская (Спасо-Ямницкая) пустынь на правом берегу небольшой речки (ныне ручья) Белеутовки. Монастырь и прилегающие к нему деревни с угодьями принадлежали тверскому епископу. В Смутное время монастырь стал приходить в упадок. В 1628 г. в писцовых книгах была впервые отмечена Спасо-Яминская пустынь и слобода Яминково (1 двор крестьянский и 2 двора бобыльских). В 1750 г. Тверской епископ Митрофан Слотвинский перенес монастырь на место, не подвергавшееся половодью, построил деревянную церковь и загородный дом против слободы. Поскольку евангельский Эммаус находится в 15 верстах от Иерусалима, он назвал монастырь и село Эммаусом. В 1763 г. Эммаус был упомянут в ревизских сказках. К концу XIX в. село представляло собой поселение (70 дворов, население 444 человека).

Праздничкой. Ср. в материалах для словаря русского народного языка Островского: «*Праздничкий*, м. Прихожанин того прихода, в котором храмовый праздник, преимущественно хозяин дома. Праздничкий обязан принимать и угощать своих родных и знакомых до трех дней. Этот обычай ведется в деревнях по всей Великороссии, в городах и даже в Москве. — *Завтра мне некогда, я праздничкий*» (указ. изд. С. 507).

³⁴ С. Городня расположено на месте древнерусского города Вертязина (упоминается с 1312). Островский останавливался в почтовой гостинице, построенной в конце XVIII в. по проекту П. Р. Никитина. Островский считал, что камен-

— Церковь у нас так стара, — говорили мне в Городне крестьяне, — что уж ушла в землю. — Но она не ушла в землю, а внизу, под сводами, был устроен храм, на стенах которого еще и теперь видны старинные фрески. В этом храме особенно замечательны царские врата <От сохи (да от косы) не будешь богат, а будешь горбат.>, вероятно современные постройке. Две другие церкви: во имя Воскресения Христова и святых мучеников Бориса и Глеба, были деревянные, и о давнем существовании их свидетельствуют только надгробные камни без всяких надписей. В Вертязине и кругом его было много монастырей, что видно из старинных межевых и дозорных книг, копии с которых я сам видел в церкви села Кошелева. Монастырей в Вертязине и вблизи его было пять: Петровский в городе, Златоустов на правом берегу Волги, против нынешней гостиницы, Троицкий в двух с половиною верстах, Александровский в 1½ верстах от церкви по дороге к Твери, на правой стороне шоссе, и Николаевский песочный (Видогодский тож) против церкви на другой стороне Волги. Все монастыри и церкви, исключая одной, разорены в литовское нашествие, и самый город даже потерял свое имя.

В Городне жили царские рыболовы, которые вместо оброка обязаны были поставлять ко двору рыбу. Теперь село Городня ям, который, впрочем, с открытием Николаевской железной дороги потерял свое значение.

Долго любовался я живописным видом с обрывистого берега от церкви. Под ногами Волга, синяя от пасмурной погоды и подернутая рябью; несколько рыбаков, стоя в своих маленьких вертлявых челноках, поднимали баграми верши; сверху шли черные лодки, которые, несмотря на усилия лоцманов и прислуги, находящейся на них, прибывало береговым ветром к противоположному берегу и, наконец, посадило на мель. Легкая двухвесельная глинкавка, сплошь набитая народом, пристала к берегу, и пассажиры веревочкой потянулись по горе в село подкрепить себя для дальнейшего пути. За рекой зеленел поемный луг, который расстился ковром вплоть до высокого, темного соснового лесу. Справа и слева между кустарниками кой-где блестели изгибы и плесы Волги; по крутым берегам далеко виднелись белые каменные церкви сел. Между селами вам непременно укажут Едимонову, замечательное как своею древностью, так и тем, что в нем родилась мать великого князя Михаила Ярославича.

ная церковь Рождества Богородицы (1391) построена великим князем тверским (1425) Борисом Александровичем (нач. XV в. — 1461), но она лишь возобновлена им после пожара 1412 г.

Рыболовство в Городне оказалось очень незавидное, и во всём селе нет ни одного невода. Вообще на всём в Городне заметен упадок, железная дорога лишила это село всех выгод. Прежде, когда тут был проезд, все крестьяне по своим занятиям разделялись на три рода: держателей постоянных дворов, ямщиков и рыболовов, и все имели выгоды, даже с излишком. Тут гремели дилижансы; поминутно то с той, то с другой стороны подлетали к почтовой гостинице лихие тройки; добрые господа и купцы щедрой рукой давали на водку; разжиревшие дворники брали деньги не только за харчи да за сено и овес лошадям; брали за то, что лошадь только на дворе постояла, брали даже за тепло.³⁵ Бывало, счеты не выходили из рук у дворника и то и дело щелкали под его толстыми пальцами. Бывало, ямщик отпряжет своих взмысленных лошадей, у которых животы ходнем ходят, — оттого, что очень уважал господ, — сходит в гостиницу — получит с барина на водку, сдвинет маленькую шляпу на самое ухо, возьмет в повод свою тройку, закинет связанные узлом разноцветные вожжи на плечо и отправляется прямо на постоянный двор выпить стакан-другой водки да посидеть часа полтора за чаем. А подъедет дилижанс, и в огромной кухне почтовой гостиницы поднимется всякого рода стук и шипенье; тут и рыбак находил выгодный сбыт своему товару. Как, например, москвичу не попробовать рыбки при первой встрече с Волгой? Как не съесть ушку или соляночку из стерлядей?

— Да, было времечко, да прошло. Пожили в свое удовольствие. Теперь вся наша привилегия отошла. Больно нас чугулька приобидела! — сказал со вздохом мой ямщик.

— Что ж, принимайтесь за землю, — отвечал я ему.

— От косы да от сохи не будешь богат, а будешь горбат.

— Да и прежде, чай, богаты не были, а только гуляли вдоволь?

— Это точно. Это уж что толковать! Гульба большая была.

Не потому им тяжело приниматься за соху, что самый труд тяжел, а потому, что избаловались, как они сами называют, городскими слабостями. У иного соли нет, а не напиться двух раз чаю в день нельзя. Такая привычка! Ну, и тащит последнее.

В настоящее время в Городне рыболовством занимаются человек десять, сбывают свой товар приезжим торговцам по различной цене, глядя по рыбе и по времени, но только весьма по дешевой (от 4 копеек серебром за фунт). Мы, жители столиц, и вообразить не можем тех ничтожных цен, по которым покупают рыбу купцы-рыболовладельцы у крестьян-рыболовов, особенно в июле месяце,

³⁵ Брать за тепло значит брать за то, что вошел в избу погреться. — Прим. Островского.

когда от теплой воды рыба снет в садках! Да и во всякое время. Количества улова и годовой выручки в Городне определить невозможно, верно только то, что прибыль от промысла не превышает издержек на бедные, плохие снаряды, на повинности и вообще на все крестьянские нужды. Только что концы с концами кое-как сходятся. В образе жизни рыболовы ничем не отличаются от прочих жителей Городни.

В бытность мою в Городне рыболовы ловили рыбу двумя способами, исключительно употребляемыми при летнем рыболовстве: *поездом* и *вершами* или *вятелями*.

Поездом ловят непременно двое. Стоя в челноках на расстоянии сети друг от друга, они тихо, плавая по воде, тянут по дну сеть, которая бывает обыкновенно не более трех сажен длины и полуторых аршин ширины и вязана, как частый невод.³⁶ Нижняя половина сети немного загибается посредством привязанных к нижним концам веревок, которые они держат в руках и по сотрясению которых узнают о попавшейся рыбе. Тогда выбирают сеть, вынимают рыбу в один из челноков и продолжают далее свой поезд.

Верши разных величин (от 1 1/2 аршин и более) и *вятели* опускают на дно с грузом и в продолжение дня два или три ездят в челноках для осмотра, поднимают их баграми, выбирают рыбу в челн и опять опускают на дно.

Верши и вятели по различным местностям имеют и различное устройство, а также и наоборот, одного и того же устройства снаряд в различных местах разно называется. Верша отличается от вятеля тем, что плетется из ивовых прутьев, а вятель — из пряжи. Верша имеет вид кувшина, низ ее закругляется и плотно завязывается, а верх широко раскрыт, посередине делается перехват, внутрь верши вплетается горло в виде воронки, для того, чтобы вошедшая рыба не могла выйти.³⁷ Сверх того, вершею, как родовым названием, называются все снаряды, плетенные из ивняка, которые по местности и по устройству имеют и свои видовые названия, например: *морда*, *мережа*, *ванда*, *рукав*, *кувшин*, *нерот*, *кошель*, *хвостуша* и прочее.

---

³⁶ Замечательно, что эти сети совсем не имеют ни грузил, ни поплавков. — *Прим. Островского.*

Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 503).

³⁷ С. Т. Аксаков в книге своей «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (Москва 1855 г., стр. 23) смешивает морду, вершу и нерот, между тем как в некоторых местностях Московской и Тверской губерний они различаются. Нерот имеет четверугольное отверстие, а верша — круглое; в некоторых местах — наоборот (Подольский уезд), но не смешиваются. — *Прим. Островского.*

Об этих видоизменениях верши мы будем говорить при описании местностей, где они употребляются, здесь скажем только о *хвостуше*, потому что едва ли придется упомянуть о ней. Хвостуша длиннее обыкновенной верши и плетется в виде конуса без перехвата и без горла. Она ставится обыкновенно в самых быстрых местах, например при спуске плотин, отверстием против воды, тогда как другие верши ставятся наоборот. Это самый простой снаряд; рыба забивается в него просто стремлением воды, которое и мешает ей выйти назад.³⁸ *Вятель* есть вязанный из пряжи мешок, натянутый на несколько обручей (3—10), в него из той же пряжи ввязывается горло, а иногда два. Видов вятелей также очень много (*вентур*, *кужа*, *крылена*, *мережа*, однокрылая и двукрылая и прочее), и употребление их особенно значительно в озерных ловлях, при описании которых и будем говорить о них подробно.

Рыболовы в этих местах на Волге исключительно употребляют для ловли *челноки*, то есть долбленные из одного дерева лодки от 6 до 7 аршин длины и не более аршина ширины, с приподнятым острым носом. Ездят большею частью стоя и правят одним веслом. Для дальних переездов употребляют челноки с устроенными посередине для рыбы садками в виде ящика и крытыми носами (*волк*), где сохраняются от дождя пища и одежда.

Зимой забивают *езы* (в других местах *заезки*, *заколы* и *забои*). Это один из самых древнейших способов рыбной ловли в Великороссии, рано встречается в наших старинных актах.³⁹ Для этой ловли забивают поперек реки по дну колья и загораживают щитами из хвои, оставляя между ними небольшие промежутки, и в эти промежутки вкрепляют верши. Такой способ хлопотлив, портит фарватер да и, по словам самих рыболовов, приносит немного выгоды, так что в простую *прорубную вершу*⁴⁰ попадает рыбы не менее, если не более.

Ловят и удочкой, но только мелкую рыбу, и то большею частью ребятишки или те, которые не имеют других снастей. Во время вскрытия рек здесь, как и везде, ловят *наметками*, или *саками*. Снаряд этот устраивается очень просто. Глубокий мешок, вязанный

³⁸ Я видал хвостуши до сажени величиной. — Прим. Островского.

³⁹ Грамота воеводы кн. Пожарского с товарищами о постройке нового города на Беле-озере и проч.: Акты Арх.<еографической> экспед.<иции>, т. II, стр. 260. — Прим. Островского.

⁴⁰ Маленькая, в аршин, плетенная из ивовых сучьев верша, которая опускается с грузом в прорубь. — Прим. Островского.

Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 509).

часто (корма), натягивается на обруч и прикрепляется к длинному шесту, на котором его и опускают в воду с берега.

Рыба ловится из крупной: щуки, налимы, окуни, головли, язи, лещи, подлещики и шерешпера (жереха); из мелкой: пискари, ерши, ельцы, плотва, уклейка и прочее. Когда я был в Городне, стерлядь еще не ловилась, ход ее начинается около 10 мая.

Как *редкие случаи* иногда попадается белорыбица; старики рассказывали, что на их памяти раз пять или шесть заходили осетры значительной величины. Самый замечательный случай был в марте 1849 г.; была поймана огромной величины стерлядь, которую содержатель гостиницы купец Воронов представил ко двору, за что получил высочайший подарок.

Из обычаев, о которых я имел известия от почтенного священника села Городни отца Василия, замечательно уважение тамошних и окрестных жителей к Ильину дню. Начиная от Троицына до Ильина дня не работают по пятницам, и пятницы называются ильинскими. Далее по берегам Волги всю неделю перед Ильиным днем постятся и называют ильинским постом. В пожары смежные с загоревшимся строением дома обходят с образами. Был случай: одна *простенькая* (малоумная) девушка Прасковья, когда пожар уже подходил к той избе, где она жила, несмотря ни на какие просьбы и увещания не лезла с печи, уверяя, что их дом не сгорит. Так и случилось. Она умерла два года тому назад.

IV. Дорога к истокам Волги от Твери до Осташкова

Май 1856 года

Когда проселочные дороги достаточно обсохли и переезд через ручьи и овраги сделался возможным, я решил ехать в страну болот и озер, к истокам Волги. От Твери до истоков Волги можно проехать тремя путями: на Вышний Волочек, Торжок и на Ржев. Я избрал менее торную и, следовательно, более интересную дорогу на Торжок, а возвратиться предполагал на Ржев, чтобы уже, не разлучаясь с Волгой, проследить, по возможности, развитие этой могущественной реки со всей ее береговой обстановкой от самого зародыша вплоть до впадения в нее Оки. Дорога же на Вышний Волочек — до Волочка железная, а от Волочка почтовая — не представляет никакого интереса, кроме самого города, в котором можно побывать во всякое время благодаря чугунке.

От Твери до Торжка идет старое шоссе, которое до сих пор прекрасно содержится, но проезду очень мало, и мне попадались на-

встречу почти только одни коноводы, скачущие во всю мочь своих плохих лошадей из Волочка обратно. На половине дороги на правом берегу Тверцы лежит богатое село Медное, прежде бывший ям. В Медном пристань, на которой для отправки в Петербург прежде грузилось до 50 судов, теперь менее. В особой слободе живут лоцмана и коноводы; впрочем, этим промыслом занимаются, начиная от Твери и до Торжка, крестьяне всех деревень и сел, лежащих по обоим берегам Тверцы.⁴¹

Я приехал в Медное 10 мая и застал там Никольскую ярмарку. Посреди села стояло несколько небольших палаток: в одних пряники, а в других платки и ситцы, *красный товар* в полном смысле слова, да ящика два с медными серьгами, оловянными кольцами и разноцветными тесемками — вот и всё.⁴² Незначительность ярмарки, вероятно, происходит от близости городов Твери и Торжка, где каждый крестьянин может купить во всякое время всё, что ему нужно, были бы только деньги.

Торжок бесспорно один из красивейших городов Тверской губернии.⁴³ Расположенный по крутым берегам Тверцы, он представляет много живописных видов. Замечательнее других — вид с левого берега, с бульвара, на противоположную сторону, на старый город, который возвышается кругом городской площади в виде амфитеатра. Хорош также вид с правой стороны, с старинного земляного вала; впрочем, лезть туда найдется немного охотников. Собственно старый город был на правом берегу: там и соборы, и гостинный двор,

⁴¹ Деревни: Киселева, Глазкова, Новая, Городище, Рылово, Павловский перекат, Мельникова, Устье, село Пречистый Бор, дер. Чопорова, Щокотова, Глинки, Навогильцы, село Медное, дер. Мухина, Крупышево, Осилки, Буянцова, Горки, село Спас, дер. Бречково, Голенщицево, село Семеновское. — *Прим. Островского.*

⁴² В 1847 г. на ярмарке в с. Медном привозу было на 880 р. сер., сбыту на 740 р. сер. Описание Тверс.<кой> губ.<ернии> в сельскохозяйственном отношении В. Преображенского. СПб., 1854. С. 535. — *Прим. Островского.*

⁴³ Ср. дневник:

10-ое мая. 12 часов. Полночь. Торжок

Сегодня поутру собирались. Пообедали, взяли Лаврова с собой и поехали в Торжок.

11 мая

Ходили по городу, который расположен на горах. Вид с бульвара на ту сторону Тверцы выше всякой похвалы. Был городничий. Потом был винный пристав Развадовский (рыболов). Рекомендовался так: честь имею представиться,

и площадь, а левый берег обстроился и украсился только благодаря петербургскому шоссе.

Торжок известен с начала XI столетия и тогда еще снабжал Новгород в случае неурожая хлебом, который доставлялся тем же водным путем, как и теперь, то есть Тверцою и Мстою, между которыми был волок. Вот что находим мы в первой Новгородской летописи под 6790 (1282) годом:⁴⁴ «И прииде Семен Михайлович⁴⁵ в Торжок и седе в Торжку засадою, не дадеше внити во Торжок наместникам Дмитриевым, а *обилие попроводи все в Новгород в лодиях, а в Новгороде хлеб бяше дорог*». Торжок, как пограничный город Новгородской области, подвергался от соседей частым разорениям, а впоследствии, по присоединении к Москве, был разорен в смутное время поляками. Между жителями Торжка, и особенно между раскольниками, ходит предание, что их город есть древний

человек с большими усами и малыми способностями. Замечателен костюм здешних женщин и гулянье девушек по вечерам на бульваре.

<1. Волшебник — Пронзительный мужик. Плут нарядный.

2. Рыболовство ничтожное. Мещане бедны — занимаются на барках. Крестьяне держат город в осадном положении. Девки все с зонтиками. Мещане не пользуются репутацией в городе и очень грубы.

3. Крючки — поток. Волга — мачеха.>

12 мая. Суббота. 11 часов вечера

Сегодня познакомился у Развадовского с учителем здешним И. И.; он хотел меня познакомить с каким-то интересным купцом. Ходили к нему, но не застали. Учитель сказывал мне, что здешние мещане очень богомольны, но говеют через год от бедности. Ужасно! Вечером ходили по бульвару и наслаждались запахом черемухи. Теперь идет дождь. Через улицу, в квартире полковника, офицер играет на флейте. Девочки играют на улице в мячик. Полковничий сын лет 6, одетый по-солдатски, бьет в барабан зурю и колотит девочек и мальчиков.

15 мая. 4 часа пополудни

Воскресенье сидел дома, отделявал статью о Городне, вечером ходили на бульвар. Вчера поутру отделявал ту же статью. Как трудно еще писать для меня. <1. Костюм новый и старый. 2. Нищий. Почтеннейший! Хотя на мне и синь кафтан, но кто имеет чувствие, тот подаст.> Вечером ездили с учителем к купцу Елизарову Ефрему Матвеевичу. Законник и собиратель разных древних рукописей о Торжке. Там были городничий и два тверских чиновника.

Сегодня всё утро писал статью о Городне и ответ Правдову, теперь собираюсь к учителю и с ним к Елизарову.

Нарядный плут. Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 490).

⁴⁴ Когда князь Андрей Александрович, выйдя из Новгорода, взял с собою старейших мужей новгородских. — *Прим. Островского.*

⁴⁵ Один из новгородцев. — *Прим. Островского.*

Коростень; но это очевидная выдумка, и весьма позднего происхождения, основанием для нее послужили голуби, помещенные в городской гербе. Голуби попали в герб совсем по другой причине: императрица Екатерина II, проезжая через Торжок, заметила в нем много голубей и велела поместить их в уездный герб. Такие легенды, основанные на гербах, существуют и в других городах, например в Ярославле про медведицу...

В Торжке я познакомился с тамошним старожилом, почтенным купцом Ефремом Матвеевичем Елизаровым, собирателем древних рукописей о Торжке. У него я видел между прочим «Описание г. Торжку, учиненное по указу царя Михаила Феодоровича в 1625 году». ⁴⁶ Привожу несколько интересных сведений из этого описания: «Монастыри деревянные: 1) Рождественский на посаде; 2) Василия Кесарийского; 3) Никитский; 4) Троицкий — в конце посада вверх по Тверце; 5) Пустынской; в нем: триодь постная, в десть, печать литовская, часовник в полдесть, печать литовская, устав и прочие книги письменные; 6) Девицкий во имя воскресенья господня; 7) Борисоглебский, — евангелие литовской печати». ⁴⁷ Церквей на посаде 20⁴⁸. Название мест: «Вознесенский конец, Воскресенский, Благовещенский, Пятницкий, Богоявленский, Егорьевский, Знаменский, Успенский, Козмодемьянский, Климентовский, Мироносицкий, Ивановский, Ипатицкий, Ильинский, Воздвиженский, Цареконстантиновский, Дмитровский, Власьевский, Никольский». Ряды: «Сапожной, Серебряной, Калашной, Хлебной, Горшечной, Овощной, Молодежной, ⁴⁹ Рыбной и Соляной, Мясной, Москотильной; всех лавочных мест восемьдесят и полшеста (85 1/2), да пустых триста одно место с четвертью, да пустых четырнадцать мест, полковых, да пустых сто семь мест, анбарных, да пустых восемьдесят пять мест, запустели до разоренья, ⁵⁰ а иные и в разоренье, а кто на тех местах поставитца и ему давать оброк потому ж по два алтына и по две деньги».

⁴⁶ Писцовая книга города Торжка и посада, составленная дьяком Потапом Нарбековым и подьячим Богданом Фадеевым. 1625—1626 гг. Опубл.: Памятная книжка по Тверской губернии за 1865 год / Тверской губернский статистический комитет. Тверь: Тип. Губерн. правления, 1865.

⁴⁷ Теперь существуют только два последние монастыря. — Прим. Островского.

⁴⁸ Теперь 27 каменных и 2 деревянных, из которых одна замечательна древностью и изяществом постройки. — Прим. Островского.

⁴⁹ Вероятно, нынешний скобяной (молоточной). — Прим. Островского.

⁵⁰ Теперь лавок: 181 каменных, 193 деревянных. — Прим. Островского.

Из этого видно, что Торжок до разоренья (литовского) был городом богатым. Некоторые происшествия означаются в описании не годами, а эпохами, вероятно очень памятными для жителей, например: было в *литовское разоренье*, в *зяблый год*,⁵¹ в *лихолетье*.⁵²

Из Торжка отправляется свой караван, которого я уже не застал. О числе отправляемых судов можно судить по количеству постройки. В 1855 году в Торжке выстроено было 6 барок указной меры, а в уезде 74; постройкою их занимались крестьяне государственных имуществ и помещичьи Новоторжского и частью Вышневолоцкого уездов. Новоторжский уезд составляет центр судопромышленности в губернии, кроме того что каждая деревня по Тверце доставляет коноводов и иногда лоцманов. Крестьяне Новоторжского уезда преимущественно пред другими занимаются судостроением не только дома, но и ходят для этой работы на верхневолжские, то есть ржевские и зубцовские пристани, от сего и самые барки называются *новоторками*.⁵³ Груз, отправляемый из Торжка в Петербург, состоит большею частью из местных продуктов (например: овес, покупаемый в Новоторжском и смежных уездах) или по крайней мере из продуктов, обделываемых в Торжке, как то: кожи, пшеничная мука и преимущественно солод.

Половина солодовенных заводов Тверской губернии, по расчету г. Преображенского,⁵⁴ находится в Торжке, где, по сведениям 1845 г., показано 19 заводов, а по сведениям 1848 г. числится 25, на которых выделяется солоду на 120 тысяч рублей сер., значит, эта промышленность значительно усилилась. Другую важную отрасль промышленности Торжка составляет выделка кож. На 16 заводах выделяется: белая и черная юфть, полувал, опоек, красная юфть, козел и сафьян, всего приблизительно на 70 тысяч руб. сер. Торжок исстари славится производством козлов и сафьянов и в этом отношении уступает только Казани и Москве. Особенно известна в Торжке красная юфть купца Климушина, при гостинице которого (бывшей купчихи Пожарской, но переведенной теперь по причине малого проезда в другой дом) есть небольшой магазинчик, где продаются торж-

---

⁵¹ Вероятно, 1602 г., при Борисе Годунове, когда «бысть мраз и хлеб побило, отчего бысть глад чрез три года и от того глада множество людей измроша, и ядыху тогда псину и мертвечину и ино скаредное». — *Прим. Островского*.

⁵² Время самозванцев. — *Прим. Островского*.

⁵³ Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 492).

⁵⁴ Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении В. Преображенского. СПб., 1854. — *Прим. Островского*.

ковские сапоги и туфли. Работа вещей прочна и красива, но цена, по незначительности требования, невысока: я заплатил за две пары туфель, одни из разноцветного сафьяна, другие из бархата, шитые золотом, 3 руб. сер.

Прежде золотошвейное мастерство процветало в Торжке; в 1848 году вышивкою туфель и сапогов занималось до 500 мастериц. Теперь эта промышленность совершенно упала, и только в нынешнем году, по случаю коронации, несколько рук успели найти себе работу за хорошую цену — до 15 руб. сер. в месяц. Новоторжские крестьянки, большею частию девки, славятся по всей губернии искусною выделкою подпятного кирпича; и золотошвейки, за неимением своей работы, принуждены были заняться тем же ремеслом. От великого до смешного только один шаг! Летом для работы кирпича они расходятся по всей губернии, разнося с собой разврат и его следствия.⁵⁵

В Торжке бывает в год две ярмарки: крещенская и никитская; первая — с 6 по 12 января, а вторая — с 12 по 18 сентября. Ежегодный привоз простирается на сумму до 50 000 руб. сер.

Несмотря на то, что промышленность в Торжке развита значительно, в быте мещан довольства незаметно; значит, и здесь труд дешев и не всем рукам достает работы. Вот что я слышал от одного почтенного старожилы торжковского: «Мещане у нас очень богомольны, но говеют не каждый год, а через год и более, потому что не имеют денег на необходимые при этом расходы». Известно, как незначительны расходы простого человека на говенье, и если он отказывает себе за бедностью в такой важной душевной потребности,

⁵⁵ Ср. в поэме А. М. Бакунина «Торжок»: «Но не бойтесь, новоторы / От гибели спасут: / Зиждут счастье народно / Миллионы кирпичей, / Исходящих ежегодно / Из-под ног их дочерей. / Пчелы так из ульев тесных / В сотах нам дают чудесных / Сладсть утех и свет очей. / Как весной, завидев поле, / После зимней заперти, / Стадо радуется воле / И старается уйти, / Вдаль бегут из заключения / Городского, отошав / От излишества забав / И — потом — сухояденья / Мастерицы плинфоделья. / И веселье, / Сокращает их пути, / Эхо песням отвечает, / И котомка заключает / Весь их скарб и животы. / Но не тот богат, чей полон / Чашей дом — а кто доволен. / Бог им хлеб насущный дал, / Что не сладкой — трудовой, / И Апиций не вкушал / Сроду сласти таковой. / Вот пришли, перекрестясь, / И потеха началась. / Налегке — полувоздушны / <И подрядчику послушны>, / Будто мячики летая / У кирпичного станка / И кадансу не теряя, / Без волшебного мыгача / Часов шесть и больше с рядом / Веселся до упаду / Из насущного куска. / И танцовщица плохая / Больше выпляшет за час, / Чем кирпичница лихая, / Лето целое трудясь» (Бакунин. С. 110–112).

то сколько он должен отказывать себе в прочих жизненных потребностях, менее важных!

Рыболовство в Торжке и его уезде самое незначительное, потому что рыбы в Тверце вообще мало, а хорошей почти нет. В Торжке я видел только два садка, наполненные щуками и другой дешевой рыбой. Сверх того, весной, когда воды много, мешает ловле постоянный ход судов, а в межень, когда запираются шлюзы, река очень мелеет, и в это время вылавливается и вытравливается вся рыба дочиста. Хотя отравы или окормка рыбы запрещена законом⁵⁶ и виновных, кроме денежного штрафа, велено подвергать церковному покаянию, — но, к сожалению, это *баловство* водится по всей России, и в Торжке также не без греха. Распространение этого противозаконного способа ловли, по моему мнению, происходит оттого, что поймать и уличить виновного почти нет возможности. Долго ли с лодки или с берегу накидать в воду небольших шариков?⁵⁷ А когда рыба завертится на поверхности и все, и правые, и виноватые, кинутся ловить ее, чем ни попало, тогда вину сваливают обыкновенно на проходящих, что «вот, дескать, шли какие-то да чего-то набросали». Я думаю, что было бы очень полезно преследовать как можно строже продажу кукольвана, которым торгуют почти открыто.

Недолго нужно жить в Торжке, чтобы заметить в обычаях и костюме его жителей некоторую разницу против обитателей других городов. Девушки пользуются совершенной свободой; вечером на городском бульваре и по улицам гуляют одни или в сопровождении молодых людей, сидят с ними на лавочках у ворот, и не редкость встретить пару, которая сидит обнявшись и ведет сладкие разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется *предметом*. Этот предмет впоследствии времени делается большею частью мужем девушки. В Торжке еще до сей поры существует обычай *умыканья* невест. Считается особым молодечеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей. Молодые на другой день являются с повинной к разгневанным будто бы родителям, и тут уж начинается пир горой. Такой способ добывать себе жен

---

⁵⁶ Уложен. <ение> о наказаниях, ст. 1142.

⁵⁷ Из черного хлеба с кукольваном. — Прим. *Островского*.

Кукольван — «растение и семя *Socculus*, идет в аптеки, а более известно как отравы на рыбу, которая делается от нее бешеною, верхводкою» (*Даль*. 2, 214).

не только не считается предосудительным, но, напротив, пользуется почетом. «Значит, уж очень любит, коли увез потихоньку», — говорят в Торжке. Не иметь предмета считается неприличным для девушки; такая девушка легко может засидеться в девках.⁵⁸

Старый живописный наряд девушек (шубка или сарафан, кисейные рукава и душегрея, у которой одна пола вышита золотом) начинает выводиться; место его заступает пальто, а вместо повязки с рясками (поднизи из жемчуга) покрывают голову шелковым платочком.⁵⁹ Пальто, которые теперь пошли в моду, длинные и узкие, с перехватом на талии; они шьются из шелковой материи ярких цветов и большею частью бывают голубые и розовые. Сжимаемая грудь, они безобразят фигуру. Образ жизни замужних совершенно противоположен образу жизни девушек; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидят дома. Ни на бульваре, ни во время вечерних прогулок по улицам вы не встретите ни одной женщины. Когда они выходят из дому по какой-нибудь надобности, то закутываются с головы до ног, а голову покрывают, сверх обыкновенной повязки, большим платком, который завязывают кругом шеи. Богатые кокошники становятся редки.

Новоторжские крестьяне и мелкие городские торговцы ездят по деревням Тверской губернии с женскими нарядами и называются

⁵⁸ О шалованстве см. также в путешествиях Глушкова, Небольсина. Ср. материалы для словаря русского народного языка Островского: «Шалованцы, мн. Молодые парни, шеголя в Торжке (местн. назв.)» (указ. изд. С. 521).

⁵⁹ Ср. в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом»: «Вот статная, красивая девушка из Торжка, с жемчужным венцом, наподобие отсеченной сахарной головы; он слегка прикрыт платком из тончайшей кисеи, которого концы, подвязав шею, прячутся на груди. На лоб спускаются, как три виноградные кисти, ряски из крупного жемчуга, переливающего свою млечно-розовую белизну по каштановым волосам, слегка обрисованным; искусно заплетенная коса, роскошь юной девы, с блестящим бантом и лентою из золотой биты, едва не касается до земли. Ловко накинула девушка на плеча свой парчовый полушубок, от которого левый рукав, по туместной моде, висит небрежно; из-под его выказывается круглое зеркальце, неотъемлемая принадлежность новоторжской красоты. Богатая фреза ее, как жар, горит. Легко ступает она в цветных сафьянных черевичках, шитых золотом. Рядом с нею ее ччисбей — вы смеетесь? Да, таки ччисбей: горе тамошней девушке, если она его не имеет! Это знак, что она очень дурна: мать сгонит ее с белого света, подруги засмеют. Раз избранный, он неотлучен от нее на вечерних и ночных прогулках. Какой молодец! Удалство кипит в его глазах: зато он и слывет первым кулачным бойцом на поголовном новоторжском побоище» (Лажечников И. И. Ледяной дом. Басурман: Романы. Киев, 1988. С. 12–13).

новоторами.⁶⁰ Это название присвоено всем торгашам мелкими товарами, хотя бы они были и из других уездов. Новоторы не пользуются в губернии хорошей репутацией; о честности их ходит поговорка: *новоторы-воры*⁶¹...

16 мая, ранним утром, да еще в дождик, приехала за мной подвода на плохих обывательских лошадях, чтобы везти меня к Осташкову. Между Торжком и Осташковым почта не ходит, а есть так называемый торговый тракт, по которому проезд бывает почти только зимой. Невесело влезал я в полуразвалившуюся телегу; дождик более и более расходился, ямщик мой говорит на каком-то едва понятном наречии,⁶² а впереди 130 верст незнакомой, почти необитаемой проселочной дороги, это хоть кого заставит призадуматься. И я, вероятно, просидел бы надувшись верст 30, если бы не встреча, которая меня надолго развеселила. У самой гостиницы подошел ко мне господин мрачной наружности, но одетый весьма прилично; придав своему лицу таинственное выражение, он обратился ко мне с следующими словами: «Почтеннейший! хотя на мне и синь кафтан, но кто имеет чувство, тот подаст».

Первый переезд от Торжка до Рудникова, в 22 версты, я проехал часов шесть.⁶³ Я не предполагал, чтобы в нескольких верстах от шоссе, в середине России, в 60 верстах от Твери, могла существовать такая глушь! Дорога идет местами совершенно безлюдными, — то заросши-

---

⁶⁰Товар новоторов: серебряные, медные и оловянные кресты, пуговицы, серьги, кольца, иглы, наперстки, ножницы, ножички, роговые гребни, ситцы, нанки, кумач, китайка, выбойка, коленкор, миткаль, кушаки, платки, плис, позументы, ленточки, шнуры, тесемки, бусы, бисер, пояса и прочее. — *Прим. Островского.*

⁶¹Ср. у Даля: «Новоторы воры (говорят осташки, которым отвечают:) и осташки хороши» (*Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Т. I. С. 275*).

⁶²Об наречиях в Тверской губернии будет особая статья. — *Прим. Островского.*

⁶³Дорога из Торжка в Осташков во времена Островского шла совершенно иным путем, чем теперь. Первая перемена лошадей была в д. Рудниково, в 24 км от Торжка, где было 38 дворов и 139 жителей (1859). В середине XIX в. относилось к Михайло-Архангельскому приходу Пречисто-Каменской волости Новоторжского у.; промыслы: камнетесы, маляры, слесари, чернорабочие, прислуга. Далее в пределах Новоторжского уезда он менял лошадей в с. Кузнечикове; ныне с. Большое Кузнечково Кувшиновского р-на, в 13 км к северо-востоку от Кувшинова, 164 жителя (1989). Известно с XVI в. В XVIII—XIX вв. жители занимались каменотесным отхожим промыслом (строили набережные в Петербурге, Кронштадте).

ми кустарником болотами, то голыми холмами, и всё это — и дорога, и болото, и поля — усеяно различной величины камнями, точно несколько дней сряду шел каменный дождь. Телега то и дело прыгает по камням, и поминутно ждешь, что переломится ось либо рассыплется колесо. Поля по холмам и большею частью по выжженному лесу (лядины) возделаны кое-как, потому что камни и корни мешают вспахать и взборновать порядочно. Здесь я в первый раз видел бороны особого устройства, приспособленные к местности, называемые *смычевыми*, или *смыком*. Устройство ее очень просто: она делается из нескольких еловых плашек, расколотых вдоль и сплошь приколоченных к двум перекладам так, чтобы сучья были вниз; потом сучья обрубают на поларшина и заостривают. Таким образом, зубья у этой бороны не вставные, а натуральные и имеют ту выгоду, что свободно гнутся над камнями и довольно упруги, чтобы разбивать комья.

«Едет он день до вечера, перекусить ему нечего», — говорится в русской сказке про Ивана-царевича; то же случилось и со мной. В Рудникове я полчаса пробежал по деревне, чтобы достать несколько яиц, да и то баба, у которой я купил яйца, не бралась сделать яичницу, а послала меня к живущей на другом конце деревни солдатке, которая, как женщина бывалая, по ее мнению, должна была знать эту премудрость.

В Кузнечикове (другая станция, в 11 верстах от первой) мужиков совсем не оказалось, и десятский — баба. — А где ж ваши мужья? — спросил я у десятского. — «Которы ушли у каматесы (*каменотесы*), а которы дорогу циня» (чинят), — отвечала она. Скудость земли заставляет здешних крестьян отходить на целый год на заработки, иначе им негде достать оброка, а недостаток оборотливости и ловкости, недостаток, без сомнения, обуславливаемый печальной обстановкой их жизни, запрягает их на веки вечные в тяжелую каменотесную работу.

В Качанове (третья станция) нашелся постоянный двор и самовар; но зато не нашлось грамотных. Долго пришлось мне ждать, пока бегали куда-то за версту с моим открытым листом, чтобы узнать, что в нем написано. Но и тот, к кому бегали, оказался плохим чтецом и о содержании открытого листа не мог ничего им сказать наверное.

На 8-й версте за Качановым начинаются горы, называемые *Свиные хребты*, в виде длинных узких гряд;⁶⁴ они тянутся на не-

⁶⁴ После Качанова начались холмы Вышневолоцко-Новоторжской гряды (часть Валдайской возвышенности), которые здесь назывались Свиными хребтами. До Островского это название запечатлел в своей поэме «Осуга» (1820-е) А. М. Бакунин: «В пустынный из жилого края / На Столобное из Торжка / Прошла дорога столбовая / Свиного поверху хребта. / Под сим название ста-

сколько верст по одному направлению и представляют большое сходство с хребтами животных. Дорога идет частью параллельно хребтам, по их откосам, но длиннейшее ее протяжение занимает гребень большого хребта, так что от самой дороги по обе стороны начинаются скаты. Пять верст наслаждаешься живописным видом с этого гребня. Ребра гор изрезаны оврагами и покрыты лесом, и за лесом тянутся мхи.⁶⁵ Профессор Московского университета г. Щуровский проезжал в этом году из Твери в Рыбинск и описал попавшиеся ему на дороге валуны.⁶⁶ Очень жаль, что он не был в Новоторжском и Осташковском уездах; здешние эрратические явления гораздо замечательнее тех, которые он видел. Одно уже название Свиных хребтов указывает на сходство формы этих гор с *Лошадиными хребтами* в Америке, о которых пишет г. Щуровский в своей статье.

Два остальные переезда, от Жилина до Крапивны и от Крапивны до Осташкова, не представляют ничего замечательного; болото, лес — и только. Не доезжая озера, ямщик мой свернул на вышневолоцкую дорогу для удобнейшей переправы через Рудинское плёсо⁶⁷ Селигера, потому что перевозки на почтовых трактах всегда несравненно лучше. Наконец, после утомительного суточного странствования

ринным, / Не тратьа понапрасну слов, / Поросший ельником щетинным / Ряд узких тянется горбов» (Бакунин. С. 68).

⁶⁵ Так называются болота. — *Прим. Островского.*

Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 488).

⁶⁶ Эрратические явления. Русский вестник. 1856. Октябрь, кн. I. — *Прим. Островского.*

⁶⁷ Плёсами здесь называются заливы Селигера или целые озера, соединенные с Селигером проливами, которые называют реками. — *Прим. Островского.*

Д. Жилино в 6 км к юго-востоку от Жданово, в 200 м от асфальтовой межрайонной магистрали с автобусным сообщением Осташков — Кувшиново — Торжок. Расстояние до Осташкова 31 км. В 1859 г. в д. Жилино Ждановской волости Куковревского прихода проживало 409 помещичьих крестьян в 62 дворах. В 1889 г. население составило 629 человек в 91 дворе. Постоянное население 5 человек (2008).

Д. Крапивня между Жилином, Ждановом (с одной стороны) и Рогожей (с другой) на р. Крапивенке, впадающей в Селижаровский плес; в настоящее время несколько в стороне от магистрали с автобусным сообщением.

Рудинское плёсо, часть Осташковского, Большого (XIX в.), Городского плеса (середина XX в.). Иногда выделяют Средний (Чертовы ворота), Слободской, Рудинский. В XIX в. юго-западную часть озера называли Емской лукой.

Ср. материалы для словаря русского народного языка (указ. изд. С. 500).

я приехал на берег Селигера. Новые невиданные картины открылись предо мной. На берегу вся увешанная сетями деревня, через пролив Рудинского плеса тянется непрерывная цепь мезей, безгранично протянулось синее озеро с своими островами, вдали колокольни и дома почти утонувшего в воде Осташкова, покрытый дремучим лесом остров Городомля и почти на горизонте окруженные водой белые стены обители Нила преподобного...⁶⁸

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОЛГЕ 1856 г.

18 мая. Пятница. 9 часов утра. Осташков⁶⁹

Во вторник вечером ездил с учителем прощаться к Елизарову. Елизаров наговорил много хорошего про разных чиновников. <Председатель гражданской палаты>, амфитеатр, кавалькада, ордонанс-гауз.> Собрались, поужинали и легли спать. Поутру поехали в дождик по скверной дороге, на скверных лошадях, в Осташков. На дороге только я убедился, до какого безобразия доходит новоторжский⁷¹ язык. Дорога замечательна всюду рассыпанными камнями, точно шел каменный дождь, лесами и возвышенностями грядообразными, вероятно каменными. Мы проезжали по гребню таких гряд, называемых Свиными хребтами. К Осташкову местность большею частью болотистая, покрытая мелким лесом. Вчера в 8-м часу утра приехали в Осташков.⁷² Почти весь день спали,

⁶⁸ Этот пейзаж имеет умозрительный характер, так как трудно найти точку, с которой всё это можно было бы увидеть глазами.

⁶⁹ Сохранились два варианта начала очерка Островского об Осташкове, который планировался в качестве четвертой части «Путешествия...». Приведем из них первый:

«Осташков с первого взгляда не производит приятного впечатления. Бедный, чистенький городок, правильно построенный на низменном мысу Селигера, окруженный с трех сторон песками да болотом, Осташков много проигрывает перед другими уездными городами, замечательными или по красоте местоположения, или по воспоминаниям и памятникам старины. Ни того, ни другого нет в Осташкове; надо несколько обжиться, приглядеться к нему, чтобы заметить в нем такие особенности, которые невольно заставили бы уважать его трудолюбивых граждан.

[Отдохнув с дороги, я пошел бродить по городу.]» (указ. изд. С. 537).

⁷⁰ Председателем палаты гражданского суда с 1852 г. был ротмистр П. П. Орлов.

⁷¹ В рукописи: новоторжский.

⁷² В 1861 г. в Осташкове проживало 10 100 тыс. человек, в том числе (включая членов семей) 2 427 купцов, 6 722 мещан, 115 дворян, 250 духовных. За год

вечером бродили по городу. Мы остановились в гостинице Кошелева. Молодые хозяйки сами нам прислуживают — из которых одна очень хорошенькая женщина не старше 18 лет безо всякой церемонии услуживала нам за обедом, тогда как мы сидели в халатах, небритые, невытые, нечесанные.⁷³ В первый раз после трактирного кушанья мы едим серые щи⁷⁴ и кашу с молоком. Сегодня идем в западную часть города.

19 мая. Суббота. 10 часов утра

Вчера ходили по городу,⁷⁵ прошли длинную улицу, обстроенную по обеим сторонам кузницами, и вышли к фабрике и дому

в нем родилось 427, умерло 432 человека, заключено 63 брака.

⁷³ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова (1862—1863): «Началось с того, что сижу я в своей комнате и думаю: „Куда бы мне пойти?“ Вдруг вбегают Нил Алексеевич (хозяйский брат, он же и слуга. — Прим. Слепцова.) и говорит:

- Ваше благородие, позвольте вас побеспокоить?
- Что вам нужно?
- Не будет ли у вас на рубль мелочи: с постояльцем нужно расчесться.
- Нету. Четвертак есть.
- Ну, так позвольте хоть четвертак.

Рубля я ему не дал потому, что на другой день по приезде моем в Осташков он сделал со мной точно такую же штуку, и потом сестры его, хозяйки постоялого двора, убедительно просили не давать ему денег. И эту хитрость он употреблял со всеми почти неопытными постояльцами: вдруг прибежит с озабоченным видом, возьмет на рубль мелочи и потом пропадет дня на два» (Слепцов. С. 81).

⁷⁴ Серые щи приготавливались из верхних, зеленых листьев капусты.

⁷⁵ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Если смотреть на Осташков с севера (правильно: с юга. — Ред.), то есть с материка, так, как он является каждому въезжающему в город, то увидим, что правую и левую сторону его берегов заняли рыбаки; южная (правильно: северная. — Ред.) оконечность полуострова, вдавшаяся в озеро, застроена кожевенными заводами; в центре находится торговая площадь, присутственные места и кузницы; сапожники же разбросаны по всем остальным улицам и переулкам, идущим во все направления. Такая сортировка по занятиям вполне соответствует и потребностям каждого ремесла или промысла, взятого отдельно. Так, например, рыболовный промысел, по существу своему естественно связанный с озером и требующий простора, занял две трети всех берегов, но так как и этого оказалось недостаточно, то невода и сети повисли над водой, потому что дома их вешать негде. Кожевенники же удовлетворялись одной третьей берега, доставшейся им от дележа с рыбаками, которые составляли первоначальное население города, — и так как воды им нужно гораздо меньше, только бы она была под руками, то они и настроили себе разных амбарчиков и клееварен на самой воде, на сваях, и мочат кожи, почти не выходя из дому, только отворят двери и прямо в озеро.

Савиных.⁷⁶ Вечером ходили с хозяином Ильёй Демидовичем Кошелевым к монастырю,⁷⁷ который соединен с городом посредством плоти-

Для кузнецов отведено открытое место внутри города, что, впрочем, нисколько не мешает им замазывать сажей и углем соседние улицы, отчего самая грязь на этих улицах имеет свойство чернить сапоги даже без помощи ваксы. Близость кожевенных заводов тоже легко узнается, во-первых, по кислому запаху и, во-вторых, по кучам старого и уже негодного корья (дубильная кора, которая использовалась для выделки кож. — *Ред.*), разбросанного по этим улицам. <...> Что же касается сапожников, то, я полагаю, всем известна невзыскательность ремесленников, промышленяющих сапожным изделием; это особенно заметно в Осташкове, где сапожничеством занимаются почти в каждом доме, в особенности женщины, и где это ремесло дает только что насущный хлеб, следовательно, об удобствах тут и разговора быть не может. Если есть $\frac{1}{2}$ аршина места для скамейки, так будут и сапоги, или *осташи*, как их называют» (*Слецов*. С. 18–19).

⁷⁶ В доме К. Савина останавливался в 1820 г. Александр I, с балкона этого дома император приветствовал осташей, интерьер его запечатлен на одной старой картине, но неизвестно, где он находился. Считается, что дом Ф. К. Савина находился на территории кожевенного завода. Один сохранился до наших дней (клубное здание); фотографию см.: http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=2456.

⁷⁷ Мужской Житенный Осташковский монастырь, расположенный в южной части Житного острова на Селигере к северу от Осташкова. Монастырь был основан в 1716 г., в 1853 г. по инициативе Ф. К. Савина сооружена земляная дамба, соединившая остров с городом. Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слецова: «Подхожу к Житному острову — при входе опять ерши! Да когда же это кончится? Впрочем, на столбах, кроме ершей, надписи. На правом написано:

„Покорнейше просят цветов и деревьев не ломать и собак не водить“.

„Кто нарушает правила, установленные для общего блага, тот есть общий враг всех“.

А на левой стороне:

„Кто умеет уважать себя, тот умеет дорожить благоустройством общественным“.

Часть острова, ближайшую к городу, занимает монастырь с огородом и памятником потомственного почетного гражданина и коммерции советника Кондратия Алексеевича Савина, отца нынешнего градского главы. В монастыре только и есть замечательного, что этот памятник, устроенный в виде часовни; перед иконой, как видно, прежде горел газ, проведенный с фабрики братьев Савиных; но газовый рожок в настоящее время, кажется, испорчен. Другую половину острова занимает сад, разбитый необыкновенно затейливо, с павильонами и мостиками в виде колеса, до такой степени красивыми и крутыми, что по ним даже и ходить нельзя, с прудами величиною с порядочную лоханку, башенками и проч. Есть даже домик для пустытника, оклеенный берестой, в котором живет сторож или даже, кажется, никто не живет, хотя

ны. За монастырем разводится сад с разными затеями. Всё это выдумки Савина. Савина самого в Осташкове нет, он уехал в Петербург. Собираюсь сегодня съездить к брату его. <Осташков: общественные заведения: банк,⁷⁸ библиотека,⁷⁹ женское училище 200 дев.> <ушек>

домик и заперт на замок. Я зашел в одну беседку, стоящую на самом мысу, а из нее по лесенке взобрался в павильон, — и опять вид на город и окрестные острова, и еще лучше, нежели с моста. Белые стены павильона все исписаны разными стихотворениями и акrostихами, в которых туземное остроумие, сколько я мог заметить, всё больше проходится насчет одного известного лица. Монастырская братия, заботясь, как видно, о чистоте нравов и павильона, изглаживала по мере сил и возможности хулы и дерзостные писания; но чья-то неукротимая рука и тут-таки не унялась и начертала перочинным ножом неизгладимые сквернословия.

— Кто так искусно устроил всё это? — спросил я гулявшего по саду монаха.

— Это все Федор Кондратьевич занимаются, дай бог им здоровья, — отвечал монах. — Здесь у нас прежде рощица была, самая жалкая рощица; признаться, не так чтобы *горазно* было. По праздникам *чернять* гулять к нам ходила, да больше всё пьяные, — безобразно. Ну, а Федор Кондратьич нам садик развели, будочек понастроили, деревца насадили, кусточки: ишь ты как *горазже* пригляднее стало, как можно. Гулять теперь к нам всё больше господя ходят, особливо летом» (Слепцов. С. 23—24).

⁷⁸Осташковский общественный банк создан в 1819 г. по инициативе К. А. Савина, который пожертвовал 25 000 руб. Получая банковские кредиты, ремесленники становились зависимыми от заводчиков. Однако за счет доходов банка были учреждены Дом призрения (1838), женское училище (1839), построен дом благотворительных учреждений (1838), Дом призрения инвалидов (1838). Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «...я пошел по главной улице, в этом месте почему-то высыпанной песком, и вдруг завидел большое каменное здание, красного цвета, с палисадником; на главном фасаде две вывески: на одной, побольше и повыше, написано золотыми буквами: *Дом благотворительных заведений общественного банка Савина*, а на другой, поменьше и пониже: *Училище для девиц* (основанное Ворониным, — как я узнал впоследствии). Я обошел здание с двух сторон и заглянул на двор: и там всё очень удобно устроено, чистота изумительная, двор вымощен; для дров даже сделано особое помещение. У самых ворот стоит ящик вроде бюро; я полюбопытствовал взглянуть внутрь его и нашел там солому. Какая-то девочка, выходявшая в это время из дома благотворительных заведений, объяснила мне, что ящик этот выставляется на ночь за ворота для подкидышей, для этой же цели и колокольчик проведен от ворот в неприемное отделение» (Слепцов. С. 21).

⁷⁹Осташковская гражданская библиотека для чтения создана в 1833 г. членами местного Общества любителей словесности и литературы, управлявшаяся выборным комитетом из трех человек. В первый год существования

(курс).⁸⁰ Сад,⁸¹ бульвар,⁸² сад на Житном. Постройки,⁸³ обществен-

она имела 237 томов, 22 члена-основателя и 24 подписчика, через 10 лет — 2 200 томов и 55 подписчиков. Фонд пополнялся за счет пожертвований. В 1856 г. библиотека перешла в ведение города и стала называться Общественной публичной.

⁸⁰ В 1805 г. в Осташкове работали уездное, два приходских, духовное училище. В 1839 г. было открыто училище для девочек. В 1853 г. появилось третье приходское училище.

⁸¹ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «...рядом с собором — так называемый „публичный сад“. Я было сунулся ко входу — опять капкан! и опять ерши! В саду оказалось дерев больше, нежели на бульваре, есть и скамейки, павильон, в котором играет иногда доморощенная музыка, и еще какие-то особенного устройства длинные скамейки для *простого народа*, на которых можно очень весело проводить время, покачиваясь, как на рессорах. Тут же, в саду, я встретил одиноко гуляющую козу, которая, вероятно, не затруднилась входом и просто-напросто перескочила через перегородку, из чего я вывел уже положительное заключение, что козы не входили в расчет при устройстве лабиринтов, которые исключительно предназначены для коров» (Слепцов. С. 21).

⁸² Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Бульвар устроен действительно очень мило (он тянется от торговой площади по направлению дома городского головы — Савина) и содержится в большом порядке: березки все подстрижены и с подпорками, дорожки усыпаны песком; даже сбоку приделан небольшой пруд с крошечным островочком, и на островочке березка. На самой середине бульвара по одну и по другую сторону стоят по два столбика, выкрашенные белой краской; на столбиках очень искусно сделаны ерши, по три ерша на каждом, всего: трижды четыре — двенадцать ершей на бульваре; на самой же верхушке каждого столбика сделана деревянная же урна с красным пламенем, очень натурально. Резчики в Осташкове свои, так оно и не удивительно. Одно только меня несколько затруднило: при входе на бульвар, в маленьких воротцах устроено что-то вроде капкана, или лабиринта, таким образом, что прежде нежели попасть на бульвар, необходимо пройти между барьером направо, потом налево, потом назад, а потом уж можно выбраться и на бульвар; так что если человек с нетерпеливым характером случайно встретится в этих термопилах с другим нетерпеливым человеком и ни один не захочет уступить другому, то, по всей вероятности, должен произойти скандал; но бульварных капканов в Осташкове никто еще не ломал, и о таких случаях здесь не слышно, из чего прямо можно заключить, что нетерпеливых людей в городе нет, а если и есть, то они на бульвар не ходят, так же как и осташковские коровы, для которых, собственно, и назначены эти лабиринты» (Слепцов. С. 20).

⁸³ В 1805 г. учитель Михаил Савич при поддержке К. А. Савина создал театр, который работал 20 лет и был возобновлен в 1836 г. Театр располагался в 1836—1880 гг. в каменном здании бывшего кожевенного завода Савиных на Береговой ул. (ныне ул. Орловского). В 1849 г. создан оркестр (12 музы-

ный дом,⁸⁴ острог, фабрика Савина, пароход.⁸⁵ Общественная жизнь...

кантов). В 1850—1860-х гг. на сцене театра играли А. Я. и М. Я. Колокольниковы, бывшая актриса столичных театров П. И. Орлова-Савина, О. Петрова (Запутряева), П. К. Стременаев, брандмейстер И. П. Нечкин (старейший артист, сыграл за 50 лет более 100 ролей), Н. Ф. Елещкий, М. П. Проскурякова и др. В театре шли оперы, водевили, комедии, пьесы Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. В. Сухова-Кобылина. В 1859 г. в театре поставлено без цензурных купюр «Горе от ума» А. С. Грибоедова. См.: *Токмаков И. Д.* Театр в городе Осташкове Тверской губернии. М., 1905. Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Недалеко от главной площади, на берегу, видел я театр — большое, но неуклюжее здание, переделанное из кожевенного завода» (Слепцов. С. 21). Из других общественных построек следует назвать Дом ратуши (1720). К числу специфических общественных заведений следует отнести также пожарную команду, для которой И. И. Лажечников написал стихотворение, ставшее гимном города: «Славься, город наш Осташков, / Славься, город наш родной! / Славься не своим богатством, / Не торговлею своей, / А любовью, крепким братством / Ты своей семьи детей. / От конца в конец России / Ты отмечен уж молвой: / Из уездных городов России / Ты слышишь передовой. / Славься, город наш Осташков, / Славься, город наш родной! // Лишь забудет тревогу / Колокола звон, / Помоляся Богу, / Мы стремглав в огонь. // Хор: Гей, дружина славная! / Есть ли на Руси где равная? / Дайте нам ответ! / Нет! нет! нет! // Каменны ль палаты, / Иль в гнилушках хаты — / Показался дым — / Мы равно туда летим. // Хор: Гей, дружина и проч.» (Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд: сборник историко-статистических и археологических сведений. М.: Гор. тип., 1906. С. 313).

⁸⁴Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Немного не доезжая сада, вы снова видите здание совершенно такое же, как и казармы; на здании красуется огромная вывеска: „Дом благотворительных заведений общественного банка Савина“.

— Что здесь, в этом доме?

— Воспитательный дом, богадельня для престарелых и увечных, уездное училище, женское училище, воскресные классы» (Слепцов. С. 29).

⁸⁵Первый пароход на Селигере «Осташ» был построен в Осташкове и введен в действие 12 мая 1847 г., предназначался для буксировки по Селигеру судов и барок из Петербурга через с. Полново вниз по Волге. Деревянный корпус сооружен под руководством архангельского крестьянина М. А. Голенищева, паровая машина низкого давления мощностью 40 лошадиных сил изготовлена на заводе купцов Савиных. Ср. стихотворение «Пароход на Селигере» П. К. Стременаева, повара у купца С. К. Савина, игравшего на осташковском театре. В. А. Слепцов упоминает его в «Письмах об Осташкове» (Слепцов. С. 101—103). Вот текст стихотворения: «Селигер! В наш век спокойный, / На раздольи своих вод / Вот и ты увидел стройный / И могучий пароход / Вот шумит он и дымится / Без весел и парусов / И, послушный пару, мчится / Против ветра и валов. / Подавляя зыбь крылами, / Он летит с огнем в груди, / Пена

Обычай — без приданого. Монастырь.⁸⁶ Острова>.

высится холмами / По бокам и назад. / Селигер! Таких событий / Не бывало
здесь в твой век, / Но на поприще открытий / То ли сделал человек! / Само-
властно он отводит / Гром небесный от себя / И давно вкруг света ходит, /
Свет познаний полюбя. / Солнцем пишем мы картины, / За луну нам светит
газ, / Через безмерные пучины / Морякам вождем компас. / Вихрем носимся
по свету / Вдоль по рельсам на парах, / Вот и новую планету / Отыскали
в небесах. / И прядем, и ткем парами, / Возлетаем к облакам, / За полярными
морями / Все вперед идем по льдам. / Города в земле отрыли, / В Темзе
тоннель провели. / Мало ль в свете что открыли, / Только счастья не нашли. /
Селигер! Прими участие / В начинаньях наших сам. / Да приносит весть о сча-
стье / Пароход к твоим брегам».

⁸⁶Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «Этот пароход в свое кратковременное служение фабрике Савиных наделал в городе много шума и служил вначале немалым поводом к самохвальству всего города. Но, к несчастью, скоро кончил он свое поприще скандалом, по случаю которого не замедлил появиться ядовитейший, хотя и безграмотный, пасквиаль. Как видно из рассказов и из пасквиля, дело происходило таким образом: пароход был предложен одному прибывшему из губернии значительному лицу для проезда в Нилову пустынь. Отправление гостя сопровождалось, разумеется, подобающими почестями и торжественностью.хлопот было много. Больше всего старались о том, чтобы торжество вышло как можно торжественнее; но на всякий час не уберешься. И на этот раз, как часто в подобных случаях бывает, самое ничтожное, самое пустое, непредвиденное обстоятельство вдруг совершенно разрушает всю торжественность обстановки и все хитро и задого обдуманное приготовления. Гость взошел на пароход и отчалил от берега. Ну, слава богу! Но увы! ничто не прочно под луною. Однако я буду лучше продолжать словами туземного юмориста.

Осташ-пароход
Насмешил весь народ...
Лишь от пристани пустился,
За угол бани зацепился,
Угол бани затрепал,
Людей в бане испужал.
Стена стала валиться —
Люди бросили и мыться;
Испужались, закричали,
Вон из бани побежали.
Не успели смыть и мыло
(Это, верно, так и было).
Бежали все нагие...
Слушатели дорогие!.. и т. д.» (Слепцов. С. 101—102).

Знаменский женский Осташковский монастырь, на берегу Селигера (Рабочий городок, 1), основан в 1673 г. на пустыре Старое Струговище, или Убогом, к югу от стен осташковской крепости. С середины XVIII в. началось каменное

Вторник. 22 мая. 10 часов утра

В субботу ездил к Савину. Он очень переконфузился и сказал, что без брата ничего не может мне сообщить.⁸⁷ Оставил карточку городничему. Вечером ходили смотреть озеро, взволнованное и покрытое по валам белой пеной. Холод ужасный. В воскресенье ходили на пристань,⁸⁸ хотели ехать к Нилу преподобному, но нас не повезли по случаю сильного ветра и волнения. Были у обедни у Преображения.⁸⁹ Был городничий. Вечером гуляли по городу. К нам подошел смотритель училищ Павел Фортунатович Лукин и познакомился. Затащил к себе, у него видели исправника. Вчера поутру в 9-м часу вместе с смотрителем поехали к преподобному Нилу. Погода была прекрасная. Воротились в 7 часов. Сегодня

строительство. В 1868 г. во время большого городского пожара монастырь весь выгорел, но вскоре был восстановлен. Упразднен в 1920-х гг. Сохранились Вознесенский собор (1730—1748, перестроен в псевдорусском стиле в 1887 г. по проекту осташковского техника Демидова), ограда (1760, первоначально имела 4 башни, северо-западная часть перестроена в 1864 г., одновременно сооружены 5-я башня и Святые ворота), настоятельский корпус (XVIII в.), трапезный корпус (1840-е гг.), 3-этажная гостиница, кельи (XIX в.). Ансамбль монастыря хорошо просматривается с озера и играет большую роль в формировании силуэта города. От названия монастыря происходит наименование Знаменская ул. (Ленинский просп.).

⁸⁷ Ситуация очень напоминает «Письма об Осташкове» В. А. Слепцова: «Я поблагодарил и тут же, кстати, обратился с просьбою к служащему в думе гостю. Мне хотелось добыть городской бюджет за минувший год. <...> Гость подумал немного и сказал:

— Это всё так-с. Только вот Федор Кондратьич уехали, а то бы они вам всё это разъяснили в лучшем виде.

— Так, стало быть, без Федор Кондратьевича ничего сделать нельзя?

— Вот извольте видеть, что-с...» (Слепцов. С. 60).

⁸⁸ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «С бульвара или, лучше сказать, с площади,— потому что бульвар на площади,— по прямому направлению идет улица на строящуюся пристань; тут же в базарные дни производится торговля на лодках деревянной посудой, корзинами и овощами, привозимыми крестьянами прибрежных деревень. Пристань с маленьким молот строится из булыжника и известняка, которым изобилует осташковский уезд, но строится, как видно, очень медленно по недостатку средств или не знаю почему. Кроме этой пристани, в городе есть еще несколько малых пристаней с деревянными плотами для причала» (Слепцов. С. 20).

⁸⁹ Преображенская церковь заложена в 1760 г. на месте захоронения защитников города, погибших во время польско-литовской интервенции; колокольня построена в 1787—1789 гг. мастерами Иваном и Петром Парфеновыми-Фомкиными.

собираемся к верховьям Волги. Исправник обещал послать с нами рассыльного.

Пятница. 25. 11 часов утра

Во вторник в 12-м часу дня мы отправились по Старорусской дороге с рассыльным из земского суда на козлах, на котором была надета для страсти форменная сумка. До Звягина⁹⁰ большая дорога, кругом плес Селигера 23 версты. От Звягина дорога огибает с левой стороны Сабро, на 17-й версте поворот на проселок. Проселком версты 3 дорога очень плоха, далее выезжают на дорогу, устроенную кн. Шаховским в свое имение⁹¹. Вторая станция Куковкино⁹² на берегу озера Стержа, которое там называют Волгой. В Куковкине мы прождали лошадей до 9-го часу. По дороге из Куковкина по горам кругом озера до Погоста верст 5.⁹³ На половине дороги переезжали Волгу по мосту. Волга тут не шире 2 сажень. От Погоста до Волги-Верховья верст 7 дорога ужасная, лесами, горами, болотами; почти половину шли пешком. В Волгу-Верховье приехали в 12-м часу ночи.

⁹⁰ Д. Звягино на оз. Сабро от Осташкова 22 км около дороги на Волговерховье. В 1859 г. 17 дворов, 163 человека; помещики Зуровы.

⁹¹ Шаховской Иван Яковлевич, князь, подпоручик, предводитель Осташковского уездного дворянства. Речь идет о с. Покровском при д. Свапуца.

⁹² С. Коковкино, крупнейший населенный пункт на северо-восточном берегу озера Стерж. Расстояние до д. Свапуци 8 км, до Осташкова — 60 км. Первые поселения на этой территории возникли в начале II тыс. н. э. (вероятно, их основали жители городища Стерж). В конце XV — начале XVI в. здесь существовала д. Брюхово, относящаяся к Деревской пятине Великого Новгорода. В 1859 г. Коковкино принадлежало шести помещикам, в нем проживали 271 крестьянин в 32 дворах. Село располагается недалеко от автотрассы Осташков — Свапуце — Волговерховье.

⁹³ С. Стерженский Погост (д. Новинка) принадлежало князю И. Я. Шаховскому. Стерженское городище — место древнейшей стоянки людей в этом крае (2-я половина I тыс. до н. э., дьяковская культура). На городище стоял каменный Стерженский крест, поставленный новгородским посадником Иванком Павловичем (1133), видимо, перед началом работ по углублению русла какой-то реки (хранится в Тверском государственном объединенном музее). В 1495 г. северной частью оз. Стерж владел новгородский Аркажский монастырь. Погост постепенно слился с д. Новинки. На погосте находилась деревянная церковь Петра и Павла, дворы притча и крестьян. Каменная церковь (1807—1822) небольшая, с отголосками стиля барокко, хотя декор почти классический. Завершен храм ротондой, перекрытой полусферическим куполом, но развитые ризалиты с фасадов по сторонам света придают ему форму восьмерика. Апсиды трапезной расположены так, что с двух сторон как бы охватывают западную часть храма и воспринимаются снаружи его продолжением.

Поели молока и ночевали. Поутру в сильный дождь по мокрому и вязкому болоту ходили в часовню, называемую Иорданом, построенную над источником Волги. Ходили и дальше с большим трудом к самому истоку (сажен 12 от часовни на запад). Из-под упавшей и уже сгнившей березы Волга вытекает едва заметным ручьем. Я нарвал у самого истока цветов на память... Часу в 10-м в проливной дождь поехали обратно. В Куковкине купили леща за 6 копеек серебром и закусили, между тем перестал дождь. В Осташков приехали в 8 часов вечера. Получил письма из Москвы и из Петербурга, что мне доставило большое утешение. Вчера окончил ответ Правдову,⁹⁴ сделал визиты. Вечером были у Павла Фортунатовича и ходили с ним на гулянье к девичьему монастырю, смотрели осташковские наряды, особенно замечательны кокошники обилем жемчуга. Сегодня поутру пишем.

Понедельник. 28 мая. 8 часов вечера

В пятницу вечером ходили к известному рыбаку А. З. Жидкову. Не застали его, рассматривали разные снасти и печи, где сушат снетков. <Здесьние жит<ели> первые рыбаки в губернии и в России.> В субботу за дурной погодой сидели дома, ужинали у Павла Фортунатовича. В воскресенье встали в 5 часов, в 8 часов отправились на барже, которую буксировали лодки, с образами и с певчими (3 хора) в Нилову пустынь <Спросить у Фил<иппова> жит<ие> препод<обного> Нила>. День прекрасный. Картина восхитительная — пролил несколько слез. В монастыре познакомился с Ф. К. Савиным⁹⁵ и с ним ехал на американской гичке домой (гребцы). Вечером были у Жидкова. Он хотя был и пьян, но сообщил нам много полезного.⁹⁶ Сегодня поутру у Павла Фортунатовича мы

⁹⁴ «Литературное объяснение», ответ на клеветническое обвинение в связи с пьесой «Свои люди — сочтемся» (Московские ведомости. 1856. № 80).

⁹⁵ Ф. К. Савин был городским головой в 1850—1872 гг.

⁹⁶ Ср. в «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова: «На днях познакомился я с одним рыбаком. Случилось это следующим образом: на той неделе, часов в 10 утра, по заведенному мною обычаю, не дождавшись Ф<окина>, прихожу я к нему; вижу, он собирается.

— Куда вы?

— К одному гражданину в гости. Пойдемте со мною.

— Как же я пойду? Ведь я с ним незнаком.

— Ну, так что же? Познакомьтесь.

— А и то правда.

Пошли. Рыбак, как и следует рыбаку, живет у самого почти озера, в грязной прибрежной улице, в беленьком каменном домике с высокими воротами на старинный манер. Гражданин рыбак, к которому мы отправились, — один из крупных промышленников и ведет большую торговлю соленою и вяленою

рыбою; кроме того, занимается изготовлением рыболовных снарядов на продажу. Встретил он нас в халате и повел в залу.

— Прошу покорно садиться.

Ф<окин> сделал обо мне свою обычную рекомендацию:

— Как они очень любопытны и проч., — и сейчас же прибавил: — Ты им насчет рыбки-то порасскажи. Кто же и может разъяснить это дело, кроме тебя?

Хозяин задумался.

— Да, уж разумеется, кроме меня разъяснить этого дела никому, — сказал он наконец, обращаясь к Ф<окину>.

— Еще бы. Ведь ты у нас... известно...

— Так, так, так, так. Что и говорить. Все дело в наших руках. Ну, как же теперь? С чего же начинать?

— Уж это как сам знаешь.

— Так, так, так. Знаю, знаю. Я и начать-то с чего, знаю.

— Мне тебя не учить.

— Так, так. Где тебе меня учить? Да. Знаю, знаю, — говорил он, как бы соображая что-то. — Да не прикажете ли кофею? А то, может, водочки не угодно ли?

— Какая теперь водка? Что ты? Давай нам кофею.

— Это можно. Велю кофею заварить.

Он вышел.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я между тем у Ф<окина>, — отчего же этот не ломается и не скрытничает?

— Уж такой человек, — отвечал Ф<окин>. — Характер имеет легкий и никого не боится. <...>

— Зачем вы пришли?

— Ах, чудак! А о рыбе-то?

— О! Да что ж об ней рассказывать? Известно, рыба. Вот ежели солить, это другой расчет. Сейчас заготовим посуду, рассол сделаем и солим. Такие мастера у нас есть.

Хозяин, видимо, не знал, с чего начать.

— Ну, а сушить? — спросил его Ф<окин>.

— Сушить? Сушить, я тебе скажу, тоже надо уметь. Ежели теперь ты не досушишь, а как, значит, свалил ты ее в воров, то она сейчас должна паром изойти.

Мы все трое затруднились. Он не знал, что нам нужно, а мы не знали, как спросить, и потому все трое замолчали, томительно ожидая чего-то друг от друга.

— И опять-таки, — начал снова хозяин, по-прежнему обращаясь к Ф<окину>, — опять-таки и сушить без соли нельзя — сгноишь.

— Ну, это так, — сказал Ф<окин>, — а как же теперь это?

— Что?

— Как ее ловить — рыбу?

— Ну, и ловить можно всячески. Какая рыба? на всякую рыбу свой особый припас. Потому нам без припасу никак невозможно.

Мы опять затруднились. Ф<окин> посмотрел на меня, желая, вероятно, спросить: „Какую же рыбу тебе нужно?“ Я вдруг догадался об этом, и в голове

у меня завертелись слова: „Какую рыбу? Никакой мне рыбы не нужно“. Хозяин тоже смотрел на меня, ожидая вопроса. Я сделал над собою усилие и совершенно неожиданно для самого себя спросил:

— Какие же у вас припасы?

Сделав этот вопрос наобум, я нечаянно попал с точку. Хозяин сейчас же оживился и начал:

— Невода есть, *сшивка* есть, *одинок плавной*, летний; *одинок сетковый*, в полторы сети; тянем бойчее и пужаем. *Мережи межточные* (*Межток* — пролив. — *Прим. Слепцова*) о двух крыльях и о трех крыльях, глядя по месту; бывают о двух горлах и о трех горлах; *мережа хвоявая*, то бескрылая, ставим для плотвы и уклей, во время *нароста* между свежей ели; ну, еще *редуха*, для крупной рыбы; *норот*, без крыльев, плетется из прутьев; *обор*, *оберез*, у берега, значит, пужаем *болтком*. Ну, вот я вам всё сказал, что же еще? спрашивайте!

Я подумал-подумал и опять спросил наудачу:

— Где вы берете невода?

— Гм. Невода нам брать негде. Невода и всякий припас мы сами сряжаем. Вяжут сети в уезде мелкими частями и разной длины, а сшиваем и смолим уж мы сами. Вот я вам как скажу: есть у нас такая книга. Нужен вам теперь хоть бы, к примеру, невод; вот вы и пишете мне: так и так, чтобы, значит, изготовить невод — такой длины, такой ширины! И мы ту ж минуту в книгу все это и вносим. И уж что там написано, то верно. Через десять лет, через двадцать лет, а уж вы получите свое. Я вам ее покажу.

Хозяин вышел, а нам между тем принесли кофе. Через несколько минут он вернулся, неся записную книгу <...>

— Можно и о рыбке, — самодовольно сказал хозяин, усаживаясь на диван. — Рыбка-то, она, я вам скажу, вот какая вещь. Самое пустое дело.

Мы принялись слушать. Хозяин помолчал немного и продолжал:

— Будем так говорить. Кто ее не знает — рыбу? Что такое есть рыба? Ну, однако, мудреней этого дела нет. Теперь хоть бы вас взять. Спрошу я вас: где рыба живет? В воде. Так. Карась в воде, налим в воде, уклей там, что ли, опять-таки в воде. Верно. Так, стало быть, все они там в куче сбимши и лежат? Понадобился мне ну хоть налим; сейчас закинул я в воду припас и тащи? Так, что ли? По-вашему, так, а я скажу, что нашему брату за это следует в глаза наплевать. Потому какой я рыбак, когда я не знаю, где какая рыба живет, в какую пору, в какую погоду, в каком месте жительство свое имеет и какое такое имеет себе продовольствие?.. Все это я должен знать, как *Отче*, и ошибиться ни под каким видом не могу. Опять, какая рыба строга и пужлива? какая глупа? какая прожора? И это должен я знать. Теперь вот, к примеру, надобен мне ерш. Хорошо. Знаю я: ходит ерш поверху, мошкой питается, комарём. Сейчас я *разлячил частицу* (*Раскинул. Частица* — частая льняная сеть. — *Прим. Слепцова*), опустил на самое дно, потянул ее кверху — нет ничего. Что за оказия?.. Опять опустил, потянул—опять нет. Худо. Как быть? Коли нет, стало быть, и искать его тут — в пустяках время проводить. Ну, нет, погоди! Я рассуждаю об этом деле не так. Погляжу я на нёбушко, попытаю: откуда ветерок? а и того лучше, навязал на палку коноплю; сейчас мне и видно: вон он куда потянул! Гребки к берегу! Там под бережком, под кусти-

ком, в затишье комара ветром страсть что нанесло. Рябью да холодом сбило его в кучу, и лететь ему некуда. Стой! Вот он где, ерш! Ну, это летняя пора. Летом пища у ней была скоромная: червяка, мошки всякой вволю. Лепесток она весной гложет, а летом травки там какой-нибудь и даром не надо. Ходит рыбка поверху, цельное лето шутя живет. А осень пришла, и совсем рыба стала не та. Пришло, видно, и ей поститься. Ни комаря, ни мухи и в заводе нет. Стужа пошла, ветра пали крепкие. Но и в эту пору всё еще ей не так трудно, потому как зерна всякого много ветром наносит. Ну, всё уж не летняя пища. Совсем другой расчет. И бойкости в ней этой уж нет: ходит как сонная, нехотя зернышки клюет. Выйдет, выйдет наверх, сиверкой-то ее хватит и сейчас опять вниз. А зима пришла, пала рыба на самое дно. Да. Ах, кофей-то я и забыл. Еще по чашечке?

— Нет, благодарю покорно.

Ф<окин> сидел рядом со мной на диване и заслушался.

— Ишь ты как расписывает! — сказал он наконец, — в какой это ты книжке вычитал?

— Эта книжка, брат, мудреная, я тебе скажу. По ней учиться — надо много мочиться. Вон оно — озеро-то! Книга любопытная и рассудку требует немало. Селигер называется. А вот про книжку-то ты мне напомнил. Что я в сочинении Карамзина вычитал? Ну, я так считаю, ошибка там у него есть.

— Какая ошибка? — спросил Ф<окин> и так удивился, как будто его это ужасно поразило, что у Карамзина ошибка нашлась.

— А вот какая. Сказано у него: Литва воевала Серегер. Смотри: степенная книга, часть вторая, страница... страницу забыл. Хорошо. Серегер — это озеро. Теперь спрашивается: как его можно воевать — озеро? Понятное дело, что воду воевать нельзя. Вот я и рассуждаю, что, значит, город был, или жители, то есть, по озеру.

— Да, — подтвердил рассеянно Ф<окин>.

— Так ведь?

— Так, так.

— Ну, и сейчас это пишет Карамзин... Вот, постойте, я принесу книгу.

По книге это дело видней будет.

Он пошел за книгою.

— А не пора ли нам? — спросил меня Ф<окин> по-видимому уже начинавший скучать. Но хозяин уже нес Карамзина и, помуслив палец, смотрел в книгу, говоря про себя:

— У меня тут это место заложено. Где оно? шут его возьми совсем! Да. Примечание сто второе, страница четыреста девяносто четвертая. Вот, вот: „В тысяча двести шестнадцатом году сам князь новгородский, Мстислав Мстиславич, шел с войском на ятя своего Ярослава Всеволодовича Новоторжского...“ Постой! постой! нет, не здесь. Том пятый, страница четыреста сорок четвертая. — Нет, ты послушай, любопытная, брат, вещь. Собираюсь я об этом написать, да всё некогда. Вот оно! Послушай-ка! „В исходе четырнадцатого столетия великий князь Василий Дмитриевич, из Кличенской волости...“ — Слышишь? из Кличенской волости... Вот ведь это истинная правда. „Дал в Симоновский монастырь, с некоторыми деревнями, озерами и угодиями, слободку Рожок, что после был монастырь“. Это тоже справедливо сказано: „деревнями, озерами

выспросили у него всё, что могли только спросить. Обедал у Савина. Там познакомился с губернским предводителем Озеровым. Уездный доктор боится, что со шлюзом здесь будет лихорадка (эндемическая), которой доселе не было (12 лет при нем и 14 при предшественнике). В нынешнем году была, он ее приписывает шлюзу. Местная болезнь — чахотка. Он основывает свои заключения на высоте Осташкова над уровнем моря.

<1. Ершей варят нечищенными.

2. Молоки — макса.

3. 1817. Озерецковск.<ий>. 26 девочек и 138 мальч<иков> <Далее запись рукой, видимо, Г. Н. Бурлакова>, а в настоящее время (май 1856 г.) первых до 250, а последних до 350.

4. Бредина — ива-ракетник. Бредовая кора уп<отребляется> для дубления.

5. Коромысло — водонос — матор.

6. Налим —мень.

7. Молоки — макса.>

Пятница. 1 июня. 11^{1/2} утра. Ржев

Во вторник в 10 часов утра мы выехали из Осташкова. Осташковским уездом ехали благополучно до Ельцов.⁹⁷ В Ельцах (удельная деревня) дали нам таких дурных лошадей, что мы приуждены были ехать шагом. Странствовали всю ночь. В Ситкове⁹⁸

и угодиями“. Рожок-то ведь и теперь *существует*, но только не слобода, а погост.

— Это так, — подтвердил Ф<окин>, задумываясь все больше и больше и отыскивая глазами картуз.

Хозяин прочел еще несколько мест из „Истории государства Российского“, но я все-таки никак не мог понять: в чем, собственно, заключается ошибка Карамзина. Дело шло, разумеется, об Осташкове» (Слепцов. С. 75–81).

⁹⁷С. Ельцы Селижаровского р-на, в 30 км к югу-востоку от Селижарова, на Волге, на шоссе Селижарово — Ржев. В середине XIX в. — крупное торговое село Ржевского у. В 1859 г. в Ельцах было 107 дворов, 704 жителя, в 1883 г. — 190 дворов, 905 жителей, земское училище, кожевенный завод, 2 красильни, сапожная и портняжная мастерские, кузница; 4 ярмарки в год. Через Ельцы проходил тракт Осташков — Ржев.

⁹⁸Очевидно, с-цо Сытьково, ныне центр сельского округа Ржевского р-на, в 35 км к северо-западу от Ржева, на Волге, на шоссе Ржев — Селижарово. Впервые упоминается в ржевских писцовых книгах 1624–1625 гг. как погост. В середине XIX в. относилось к Гриминской вол. Ржевского у., часто переходило из рук в руки. В 1855 г. подпоручица Анна Алексеевна Жеребцова про-

содержатель постоянного двора, толстый мужик с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять. Часа два мы соснули в бедной деревеньке Бочарове,⁹⁹ откуда на скверной телеге и таких же лошадях доехали с большим трудом до Бахмутова.¹⁰⁰ В Бахмутове нам не хотели давать лошадей, но человек станového помог нам. Мы доехали до Ржева на лихой тройке, в хорошей телеге. <Ржев поражает высоким местоположением, просаками.¹⁰¹ Костюм женщин.¹⁰²> Во Ржев приехали в 11 часов утра, в среду.¹⁰³ Аст<ерия> Ив<ановича Филиппова> не застали, — он ходил смотреть, как вступают ратники. Дождались его, пообедали и отдохнули часу до 8-го. Вечером ходили смотреть собор и бульвар. Вчера поутру была Л<изавета> Ник<олаевна Бастамова>, которая, как кажется, мне очень обрадовалась. Ходили за Волгу, смотрели ямы и всю заволжскую сторону. Вечером был у нас Дормидонт Никитин, после него были с А<стерием> Ив<ановичем Филипповым> у Лиз<аветы> Ник<олаевны>, где просидели до 11 часов. Сегодня поутру сходил к городничему, отдал карточку.

дала имение Никольское (Сытьково) ротмистрше Варваре Ивановне Лутковской (опись 1858). Впрочем, по другим сведениям, Никольским (Сытьковым) владел прапорщик Петр Аверкиевич Азарьев (опись 1858, ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1301).

⁹⁹ Д. Бочарово Селижаровского р-на, у истока р. Солодомли, правого притока Волги.

¹⁰⁰ С. Бахмутово Ржевского р-на, в 25 км к северо-западу от Ржева, на шоссе Ржев — Осташков, 345 жителей (1991).

¹⁰¹ Уже с конца XVIII в. 15 ржевских купцов содержали производство канатов и веревок. Часто кручение веревок и канатов на специальных станках — просаках осуществлялось прямо на улицах и затрудняло движение, откуда пошло выражение *попасть впросак*. Поэтому тверской «губернатор хотел уничтожить просаки».

¹⁰² Костюм ржевлянок отличался нагрудными украшениями и головным убором, которые были сделаны из речного жемчуга, добываемого в Волге.

¹⁰³ В отличие от других городов Тверской губернии Ржев был интересен Островскому тем, что там жили родные его друзей по редакции «Москвитянина»: сестра писателя Б. Н. Алмазова — Е. Н. Бастамова, а также мать, сестра и старший брат Т. И. Филиппова — Астерий Иванович, в доме которого Островский и жил с 30 мая по 9 июня 1856 г. На высоком левом берегу Волги сохранилось место, где находилась усадьба Филипповых; здесь в настоящее время установлен бюст Т. И. Филиппова.

Среда, 6-го июня

В пятницу вечером был у Д<ормидонта> Н<иколаевича Никитина>, где видел разные ржевские личности, играли в карты. В субботу поутру был у Евграфа Васильевича Берсеньева. Прекрасный, умный человек, старообрядец в лучшем смысле слова. Рассказывал, как губернатор хотел уничтожить просаки. — Кто же будет платить подати? — спросил Образцов. — Ваши имения будут отвечать, — сказал губернатор. Вечером мы были в Завидове, гуляли по саду. Ходили на берег, смотрели построенную барку и приготовленный материал. В воскресенье был у обедни, слушал проповедь отца Матвея о свете и тьме. После обедни заходила к нам Л<изавета> Н<иколаевна>, мать А. И. <Филиппова> и сестра. Был дождик и сильная гроза. Вечером сидели дома. В понедельник поутру ждал Е<вграфа Васильевича> — он не был, а приехал вечером и просидел до 9 часов. Потом были у Л<изаветы> Н<иколаевны>, где читал «Не так живи, как хочется» и «В чужом пиру похмелье». Во вторник поутру Е<вграф> В<асильевич> прислал за мной лошадь, ездил к нему на дачу смотреть канаву. (12 барок.) Оттуда к нему, у него закусил. Обедал дома, от вечерни заходила Л<изавета. Н<иколаевна> и говорила, что отец Матвей желает меня видеть. Вечером с А. И. <Филипповым> и Д. Н. <Никитиным> ездили в деревню к Худякову,¹⁰⁴ там весь вечер играли на бильярде, воротились в 3-м часу утра. Сегодня поутру были в бане, пообедали, теперь дожидаясь вечерни. Пойду в собор и оттуда к отцу Матвею. Что-то будет?

Вторник. 12 июня. 10 часов утра. Тверь

В среду был в соборе у вечерни и оттуда у отца Матвея. Говорил он об усилиях дьявола против него и о раскольниках. Вечером с Г<урием Николаевичем> был у Л<изаветы> Н<иколаевны>. В четверг ходили посмотреть прядильную фабрику Мыльникова, а вечером были с А<стерием Ивановичем> у В. В. Образцова на даче. Образцов говорил только о театре. В пятницу 8 июня купался в первый раз. В субботу простился с Завидовским и с Л<изаветой> Н<иколаевной> — и после обеда отправились в Зубцов, куда и прибыли в 7-м часу.

Зубцов. 9 июня

Походили по этому несчастному городу.¹⁰⁵ Здесь Волга под прямым углом поворачивает налево. На Вазузе запущенные приста-

¹⁰⁴ Д. Михирево В. И. Худякова.

¹⁰⁵ Зубцов, город на Волге при впадении в нее р. Вазузы (правый приток), известен с 1216 г., в XIV–XV вв. имел оборонительные сооружения. Зуб-

ни. Ночевали. В воскресенье 10 июня поутру был у городничего Добровольского, от которого и получил все нужные сведения. После обеда поехали дальше. В 5 часов приехали в Старицу.

Старица. 10 июня

Смотрели вал и устроенные в нем кузницы, говорили с стариком-кузнецом. В Волге стали попадаться белорыбицы. Каменоломни. Предание о Ив. Вас. Грозном. <Спросить.> Поехали в 9-м часу. В понедельник в 5 часов утра приехали в Тверь, отдохнули, завтракали у Лаврова, опять отдыхали, вечером был у Ржевских. Сегодня встали в 7 часов и ходили с Лавровым купаться.

Суббота. 16 июня. Москва. 11 часов утра

Поутру во вторник ездил в статистический комитет, видел Кольшкина, потом был у Уньковского. Вечером был у Ржевского, видел Щербину. Ночь просидели у Лаврова и вместе поехали на железную дорогу. Там встретил Ржевского и доехал вместе до Москвы. <...>

Пятница. 22 июня. Тверь. 11 часов утра

После обеда мы с Иваном Егоровичем ездил в Сокольники, заходили и к Пановым. В понедельник отправился в Тверь. Провожали меня Ганя и Иван Егорович <Турчанинов>. По дороге познакомился с московским купцом, каретником Рашковым. Чудак и пьющий. Вечером в Твери отдыхал. Во вторник был у Кольшкина <Работа.> и у Ржевского. С середины сию дома, приготавливаю разные материалы. Что-то нездоровится.

Понедельник. 25 июня. 11-й час утра

В пятницу и субботу не делал ничего, всё поправлялся. В воскресенье смотрел процессию: обносили кругом собора мощи Михаила благоверного.¹⁰⁶ Вечером заезжал к Преображенскому, потом гулял у Лаврова на даче. Сегодня за дело.

Среда. 4-е июля. Калязин. 9 часов утра

В эту неделю я проживал самые мучительные дни и теперь еще не совершенно оправился. Только было я принялся за дело и на-

---

цовский у. Тверской губ. образован в 1775 г. в составе Тверского наместничества. Площадь его во второй половине XIX в. была 2520 кв. верст, население (без Зубцова) в 1863 г. составляло 90 600 человек. Основными занятиями населения были земледелие, развитые промыслы и отходничество.

¹⁰⁶ Св. блг. князь Михаил Ярославич Тверской.

бросал сцену для комедии,¹⁰⁷ как получил от Григорьева письмо с приложением № «Полицейских ведомостей», исполненного гнусных клевет и ругательств против меня. Мне так сделалось грустно! Личность литератора, исполненного горячей любви к России, честно служащего литературе, ничем у нас не обеспечена. И притом же я удален от всех своих близких, мне не с кем посоветоваться, не с кем поделиться своим горем. Это навело на меня такую грусть, которой не дай бог испытать никому. Написал и разослал ответы; а между тем время уходит, душа растерзана. Старался развлечься, два дня ездили за город, но и это не помогло. Поездка за город была, впрочем, не без пользы, узнал устройство барки и название каждой ее части. 30 июня выехали из Твери и ночью приехали в Корчеву. На перевозе слышали перебранку перевозчика с кимряком. В Корчеве делать нечего.¹⁰⁸ 1 июля выехали и приехали вечером в Кимру.¹⁰⁹ Остановились у Танюхи Горбунихи. 2 июля ходили по селу: были на берегу Волги, были в соборе у вечерни,¹¹⁰ потом ходили к зарецкому попу, который сообщил нам некоторые сведения, потом ходили к зарецкому пономарю, единственному рыбаков в Кимре, он взял с нас за стерлядь 50 копеек серебром и рассказал про ловлю. Хозяин трактира, в котором готовили стерлядь, дал несколько сведений о сапожниках. 3 июля поутру выехали из Кимры и приехали в Калязин в 4 часа пополудни.¹¹¹ Ходили по городу,

¹⁰⁷ Речь идет о пьесе «Не сошлись характерами!» (см. письмо Островского к Н. А. Некрасову от 1 августа 1856 г.).

¹⁰⁸ Уездный город Корчева (до 1781 г. экономическое село) на правом берегу Волги, упразднен в 1796, восстановлен в 1803 г. Площадь уезда во второй половине XIX в. составляла 3 656 кв. верст, население (без Корчевы) в 1863 г. — 100 500 человек. Из-за неплодородия почв в Корчевском уезде были распространены промыслы и отходничество.

¹⁰⁹ С. Кимры (Кимра) на левом берегу Волги при впадении в нее реки Кимрки. Известно с 1546 г. как ремесленный и торговый центр. В XVIII—XIX вв. жители Кимр делали известную по всей России обувь, с конца XVIII в. в Кимрах проходили две ежегодные ярмарки и еженедельные субботние торги. В 1847 г. вся кимрская вотчина (свыше трех тысяч человек) выкупилась на волю у графини Ю. П. Самойловой.

¹¹⁰ Очевидно, церковь Вознесения (1813).

¹¹¹ Г. Калязин возник в 1775 г. при слиянии Никольской слободы и слободы Троицкого Калязинского Макарьева монастыря, основанного в 1434 г., на правом берегу Волги при впадении в нее р. Жабня. С монастырем связан памятник русской сатирической литературы второй половины XVII в. «Калязинская челобитная». Калязинский у. Тверской губ. образован в 1775 г. в составе Тверского наместничества, упразднен в 1796, восстановлен в 1803 г. Зани-

были на мельнице, там мужик на 3 удочки ловил очень хорошую рыбу. Поужинали в трактире, в котором очень чисто и всё чрезвычайно дешево. Сегодня пишу.

**1-я ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ
ТВЕРЬ. АПРЕЛЬ 1856 г.**

В нашем московском климате апрельские дни почти всегда лучше майских. Еще кой-где лежит снег по склонам гор да по оврагам, еще утром и вечером замерзает каждая лужица и лопается под ногой, как стекло, а уж солнце так печет, или, как говорят, сверху так жарко, хоть надевай летнюю одежду. Народ в праздничном расположении духа толпами ходит по улицам, потряхивая завязанными в красные бумажные платки орехами; везде выставляют окна; вот пара вороных жеребцов чистой крови мчит легкую, как пух, коляску, в ней сидит купчик в лоснящейся шляпе, вчера только купленной у Вандрага, и рядом с ним цветущая его супруга в воздушной шляпке, прилепленной каким-то чудом к самому затылку, и долго дробный стук колес раздается по улице; под Новинское, — замечает кто-то с тротуара; разносчик кричит: цветы, цветочки, цветы хороши, и в весеннем воздухе проносится запах резеды и левкоя.

Пора на Волгу. Наша смиренная Москва-река разгулялась на этот раз, выступила из берегов и затопила прибрежные кварталы Замоскворечья. Я получил известие, что лед на Волге прошел и разлив в Твери достиг высших пределов. Благодаря железной дороге от Москвы до Твери ехать недолго, в половине двенадцатого сел на машину, в 6-м часу в Твери. Прощай, Москва — золотые маковки.

Дорога от Москвы до Твери не представляет ничего замечательного, только весной разлив Шоши, и то при особенных условиях, может заинтересовать путешественника. Был прекрасный совсем летний день, когда мы выехали из Москвы; на Завидовской станции стал накрапывать дождик, и небольшое серое облако, которое со востом назвать тучей, плыло с севера навстречу поезду; стало довольно холодно. Точь-в-точь, как в печатных оракулах, где выходит вам совершенное полное удовольствие с маленькой неприятностью.

мал во второй половине XIX в. площадь 2 622 кв. версты, население уезда (без Калязина) в 1863 г. составляло 1 078 тысяч человек. К началу XIX в. Калязин стал крупным торговым перевалочным пунктом между Москвой и Петербургом; два раза в год в Калязине устраивались ярмарки. Главные занятия населения — земледелие, промыслы (в том числе кружевной), отходничество.

Закутавшись потеплее, я уселся в вагон и задремал. Вдруг общее движение разбудило меня; все встали и бросились к окнам. Я взглянул тоже, да и было на что посмотреть. Из окна вагона, под углом, полотна железной дороги совсем не видно, кругом, как только может окинуть глаз, бегут встречу мутные волны, и поезд мчится точно по морю, точно в разрез волнам. Вдали полуутопнувшие села и деревни; с севера к Москве пробежало небольшое облако с дождем, потом выглянуло солнце и покрыло розовым цветом и облака, и воду. Через несколько минут мы приехали на Тверскую станцию.

Со станции я отправился в Тверь в почтовой карете — удобно и дешево. Я три года не был в Твери; в эти три года она изменилась немного; только за Тьмакой выросла огромная бумагопрядильная фабрика купцов Залогина и Каулина. Кругом фабрики строится целый город, красильни, ткацкие, дома для помещения: директора, машинистов, рабочих и прочее. В Твери лучшая, аристократическая гостиница — гостиница Меллера; но, кроме дороговизны, она как будто особенно приспособлена для кавалерийских офицеров, которые здесь долго стояли. Так как я не кавалерист, то предпочел остановиться в смиренной гостинице купца Барсукова на Миллионной. Пообедав наскоро, я отправился на Волгу.

По набережной гулял народ, что в Твери большая редкость и можно видеть только в большой праздник. В будничные дни в Твери не заметите на улицах никакой жизни, как будто всё вымерло. Едва ли во всей Великодержаве найдется еще такой безжизненный город. Когда я был в Твери года три тому назад, один из обывателей объяснял мне эту безлюдность на улицах присутствием большого количества гусар и улан в городе; но вот уж гусары и уланы ушли давно, а народ всё прячется. Надобно искать какое-нибудь другое объяснение. Но благодаря празднику в этот раз можно было видеть тверских обывателей. Несколько дам, вероятно городские аристократки, катались в колясках. Купеческие семейства гуляли кучками; барышни одеты по моде, большею частью в бархатных бурнусах, маменьки их и вообще пожилые женщины в темных платьях и салопах, как и у нас в Москве, но зато в яркопунцовых и розовых платках на голове, повязанных гладко и заколотых большими стразовыми булавками, что очень нейдет к их старческим лицам и с непривычки режет глаза.

Волга была в полном разливе; но в нынешнем году, слава богу, благополучно; залила только Затьмачье¹¹² и наделала разве только хлопот, а не убытков и несчастий, как в прошлом году. В 1855 г.

¹¹² Квартал за рекой Тьмакой. — Прим. Островского.

Волга, затопив Заволжье, Затверечье и Затьмачье, переливалась через набережную и угрожала залить лучшую часть города, то есть Миллионную улицу, если бы не насыпь, наскоро сделанная бывшими в то время в Твери ратниками. Не знаю, как другим, а для меня картина половодья не представляет ничего привлекательного. Вот хоть и теперь — огромное пространство мутной пенистой воды, взволнованной, или лучше сказать взъерошенной, низовым ветром, всё было озарено заходящим солнцем; но как пусто и безжизненно на всём этом безграничном пространстве. Вместо земли, которою глаз наш привык окаймлять воду, мокрые щепки и грязная пена прибоя лежали полосами по берегам, свидетельствуя о прибыли или убыли воды. Клочки сена и соломы неслись по воде, ни одно судно не оживляло реки, и только черные плашкоуты, приготовленные для моста, виднелись на той стороне. Как-то неприятно смотреть в половодье на воду, холодом веет от нее, и боишься встретить в бешеных волнах или полуразрушенное жилище или даже и труп... Дня два я посвятил на осмотр Твери. Дня через два, пока я ходил по городу, Волга сбыва, но зато воды ее ожили. У пароходной пристани стояли рядом три чистенькие, как будто только вчера сделанные, парохода: «Тверь», «Рыбинск» и «Ярославль» общества «Самолет», противоположный берег был окаймлен новенькими барками верхнего каравана, черные лодки сплавлялись вниз, управляемые девятисаженными потесями, рыбак причалил к берегу свой плавучий садок и торговал рыбой, перевозные лодки сновали поперек Волги.

Теперь начались мои путешествия на тот берег. Меня особенно интересовала Затверецкая сторона, там, как на бирже, толпились всякого рода судорабочие. Я взял лодку и поехал. Перевозные лодки в Твери (голенковки, или глинковки) не могут похвалиться своей прочностью; они сделаны из тонкого тесу, того и гляди что продавишь ногой (что и бывало). Да и взыскать нельзя с перевозчика; они так бедны, что даже 4 рубля серебром, обыкновенная цена за эту утлую глинковку, для них уж великая сумма. Около ста человек беднейших мещан занимаются перевозкой, но много ли пассажиров придется на каждого? Обыкновенная выручка от 15 до 20 копеек серебром на человека в день. Да и эта работа ненадолго: по сбытии воды наводятся два моста через Волгу и один через Тверцу. В межень, по недостатку работы, занимаются перевозкой не более двадцати человек, а остальные или ходят на вязках вверх, или возят вниз, даже до Рыбинска, бедных пассажиров, которым дорого съехать на пароходе. Цену берут различную, глядя по тому, гресть или нет. Те, которые садятся с условием не гресть, платят около рубля полтора; но таких немного, большею частью подражаются с условием гресть самому и тогда пла-

тят копеек 75 и гребут по очереди. Зимой перевозчики и весь бедный класс жителей Твери занимаются ковкою гвоздей. Средняя выручка не более полтинника в неделю. Из-за этого полтинника они спят три часа в сутки: такова бедность мещан в Твери. Самое лакомое кушанье тверских мещан, о котором они мечтают, жаренный в конопляном масле лук. Можете по этому судить о их довольстве. Ковкою гвоздей занимаются не только в самой Твери, но и в уезде. В Твери более выделяются конские гвозди (10 фунтов 1 000) и одностес. В уезде главная выделка гвоздей в селах Васильевском и Михайловском, где выковываются гвозди всех сортов. Количество выделанных гвоздей, по официальным известиям, простирается до 100 тысяч пудов на сумму 500 тысяч рублей. Если вычесть из этой суммы цену железа, то не много придется за работу.

Другой промысел тверских мещан и преимущественно женщин — вязанье простых чулок и варежек; их вырабатывается весьма значительное количество, но заработная плата ничтожна.

Лодка причалила к мысу. По крутому глинистому берегу взойшли <...> При впадении Тверцы в Волгу на берегу выстроены три или четыре каменные лавки, в которых продают печеный хлеб; на этих лавках прошлогоднее наводнение ознаменовано черной чертой и следующей надписью: «4-го апреля 1855 года был потоп до сих пор». Недалеко от этих лавок обыкновенно собираются судорабочие. Но прежде, нежели будем говорить о них, я считаю нужным сказать несколько слов о судоходстве по Волге и о том караване, который теперь прибыл в Тверь.

<Далее следует текст «Путешествия...», раздел «Весенний караван», начиная с третьего абзаца и до конца>

На Волге пусто и холодно, на Тверцу еще ехать незачем; пойти погулять на Тьмаку, день же праздничный, погода хорошая. Чуть-чуть не сказал: «по дороге травка»; но травки еще не было. Пойдемте по Миллионной. Чистота необыкновенная. По всему заметно, что это был коридор между Петербургом и Москвой, который беспрестанно мели и чистили, и по памяти и привычке чистят и метут до сих пор. На всем протяжении Миллионной видна самая строгая деятельность полиции и почти никакой обывательской жизни. Пожарная команда часто ездит по этой улице и здесь смотрится, то есть смотрена бывает. Надобно отдать честь тверской пожарной команде относительно хорошего качества лошадей и чистоты упряжки и пожарных инструментов. Налево гостиный двор, чистый и красивый с лицевого фасада, а направо близ старого общественного сада разбит новый, еще не разросшийся и который, говорят, очень дорого стоил городу. Мимоходом можно зайти на базар посмотреть, нет ли чего новенько-

го? Повернемте налево за гостиный двор. На задней стороне гостиного двора, подле лавок, на каменных ступенях сидят торговки и вяжут одной иглой простые шерстяные чулки. Это самый бедный, но единственный промысел тверских мещанок. Вот мы и на базаре. Торговый день, народу много, но товару немного. Более всего вам бросаются в глаза: немудреные цветы в горшках, бабы с маслом, сморчки очень большого размера и длинные, гнуткие можжевеловые удилица для наступающей рыбной ловли. Мальчики уж первые успели закупить их по дешевой цене (2 копейки удилице) и снуют по базару, так что того и гляди выколуют кому-нибудь глаз. За базаром течет Тьмака, то есть теперь не течет, а стоит озером, подпертая водами Волги. Все огороды от мельницы до архиерейского дома и от нового шоссе до Тьмацкого моста залиты водой. Берега усеяны рыболовами большими и маленькими с удочками, хотя идет еще одна только уклейка, и то мелкая. Не думайте, что это праздная забава свободных людей в праздничное время! Нет! При бедности тверских мещан, если мальчик натаскает в день небольшой кувшинчик уклеики, и то уж в доме подспорье. У плотины, близ мельницы, поставлены нерота, по-тверски хвостуши,¹¹³ отверстием против течения, в которые рыба забивается стремлением воды. Самый простой инструмент. Иногда при быстрой воде эти хвостуши набиваются полны рыбой, о чем свидетельствует г. Преображенский в своей прекрасной книге.¹¹⁴ Пониже мельницы какой-то охотник ловит рыбу, стоя в маленьком челноке,¹¹⁵ который имеет не более вершка запаса над водой и менее 2 сажень длины. Он правит одним веслом, выкидывает небольшую сеть, узкую и длинную, собирает ее, выбирает рыбу и бросает в челнок, и опять закидывает сеть. Вам страшно за него; при малейшем несоблюдении баланса он опрокинется и с челноком; но не бойтесь, этого не бывает с рыбаками. Я видел, как плавают, стоя в челноках, по 30 верст не по Тьмаке, а по Волге, да еще в сильный ветер. Больше на Тьмаке смотреть нечего, да и скоро она сбудет и превратится в такую речонку, что куры через нее бродят. Прежде здесь было значительное судостроение, а теперь совершенно упало. В 1855 году в Твери была выстроена 31 барка указной меры.¹¹⁶ Постройкой занимались тверские мещане

¹¹³ Плетенные из ивовых прутьев верши, только без горла. — Прим. Островского.

¹¹⁴ Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854. С. 417. — Прим. Островского.

¹¹⁵ Долбленная из одного дерева лодка. — Прим. Островского.

¹¹⁶ 17 сажень длины и 4 ширины. — Прим. Островского.

в числе 45 человек. Лесной материал покупается в с. Селижарове (Осташковского уезда) и сплавляется до Твери по Волге. Цена готовой барки от 150 до 200 рублей серебром. Устье Тьмаки, в берегах которой видны следы каких-то водяных сооружений, теперь запущенных, очень удобно для стройки и починки судов; надобно только приложить уменье и капитал. Общество пароходства «Самолет» торгует это место у города и хочет устроить безопасную гавань для своих пароходов. Говорят, что тверское городское общество не оказывает расположения к этому полезному делу и находит какие-то препятствия! Очень жаль! Но выше мельницы отстраивается и обделывается великолепная бумагопрядильная московских купцов Каулина и Залогина в 44 тысячи веретен. Хозяева хотят провести железную дорогу от фабрики до соединения с Николаевской. Фабрика заложена в 1853 г. и теперь уже действует, хотя еще и не полными силами. Такое мануфактурное заведение — сущее благодеяние для Тверского края, где так много готовых рабочих рук и так мало работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЕЗДКА В ГОРОД ОСТАШКОВ

1853

Четыре года тому назад я сел в Кронштадте на прелестный почтовый пароход «Владимир», и чрез трое суток мы бросили якорь в прусском порте Свинемюнде; речной пароход передвинул барку с пассажирами в Штетин, там мы перепрыгнули на вагоны железной дороги, и к вечеру огромная пассажирская компания рассыпалась по берлинским улицам для отдохновения в прекрасных гостиницах прусской столицы. В три с половиною месяца я успел взять два курса вод в Аахене и Крейцнахе, отделив несколько свободного от лечения времени, чтоб насладиться обзорением любопытных мест. Волшебная быстрота езды по железным дорогам и на речных пароходах дала возможность взглянуть на Саксонскую Швейцарию, полюбоваться чудными берегами Рейна, прокатиться несколько раз из Аахена до Литтиха, побывать в Брюсселе и осмотреть многие другие места, лежащие по пути. В половине августа я воротился в Россию, занялся в остальное время отпуска деревенским хозяйством, прокатился в белокаменную Москву, поклонился святыне в Троицко-Сергиевской лавре и к сроку явился на службу. Такова удобность езды по железным дорогам и на пароходах; а если к тому прибавить, что все

прогоны заграничного путешествия обошлись с небольшим в двести рублей серебром, то как не сказать, что для короткой человеческой жизни, для всех наших житейских потребностей необходимы сообщения быстрые и дешевые: с этими только условиями можно выиграть время или, что то же, победить старинное верование, что на свете всё можно купить за деньги, кроме времени. Мы уже летаем из Петербурга в Москву, в немного часов перекатываемся чрез губернии Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и Московскую; а это почти половина поперечника нашей матушки-России, и многим придется сказать: да, прелестно ездить по железной дороге; и скоро, и дешево.

Сравнительно всё в мире хорошо или худо. Кто знаком с нашими проселочными дорогами, особенно зимою, тот с восторгом превозносит езду не только по железной дороге, но и по московскому шоссе, готов заплатить несколько лишних рублей, чтоб ехать не по ухабам, не изнурять лошадей, обедать и ночевать в чистых и светлых гостиницах. Я всё это испытал при поездке моей в Осташков. На небольшом расстоянии двухсот верст можно сделать все практические сравнения удобства езды по хорошей и по дурной дороге.

Кому незнакома деревенская жизнь и обязанности, лежащие на помещике, тот верно полагает, что стоит только приказать в любое время запрячь лошадей, сесть в экипаж с семьею и ехать куда угодно; но не так бывает на самом деле. В деревенской жизни каждый месяц имеет свое назначение, и если хозяйничать без упущения, если вполнину выполнять все обязанности, лежащие на попечении хозяина и отца семейства, то произволу останется не много места. Весною посев, потом хозяйские постройки, там сенокос, уборка хлеба, молотьба, опять постройки; а там и лето красное минуло, завевает осенний ветер, грязь по дорогам; короткий день весь мелькнет в хозяйских заботах, а вечер весь уделешь, чтобы прочесть, что делается на белом свете, побеседуешь с умною книгой. Скучная осень также летит быстро; запорошит снегом и настанет отрадная пора для помещика: продать плоды летних трудов, выручить денежку, умно рассчитать, как ее употребить и как припрятать копейку на черный день за удовлетворением необходимого. Итак, по-вашему, скажут мне, должно сидеть безвыездно в деревне?

Покорно благодарим!

Всё это пишу я, добираясь до первого слова о поездке моей в Осташков — город, отличающийся во многом от обыкновен-

ных наших уездных городов своею фабричною промышленностью. Не могу не повторить, что зимняя езда по проселочным дорогам — дело не легкое. По узкой, протертой обозами дорожке и с запряжкой в экипажах по три лошади, что называется гусем, приехал я в Тверь, а оттуда в Торжок.

В Торжке надо было проститься с удобствами езды, потому что мы свернули на проселочную дорогу. Сто тридцать верст переезда до Осташкова разделяются на три упряжки. Обедали мы в чистой крестьянской избе, разогревая привезенное с собою кушанье. Ночлег надо было иметь на постоялом дворе против Могилевского монастыря,¹¹⁷ в лесистой местности, очень, говорят, живописной летом; но суровая зима засыпала глубокими снегами долины и овраги, заковала ледяными покровами лазоревые ручейки, и мрачные гигантские ели печально опустили свои ветви под глыбами снега. Грязный, неудобный постоялый двор, благодаря Богу, еще не очень холодный — вот единственный приют для ночлега со всем семейством; выбирать не из чего. Дорожный погребец, корзины со съестным и хозяйский самовар антично-зеленого цвета усладили вечернее время, подкрепили наши силы после переезда сорока пяти верст по дороге тяжелой, изнуряющей лошадей. Ночь прошла для меня без сна. Поместивши свою семью в лучшую комнату, я раскинул мой бивуак почти в сених за перегородкою, на скамье, не гасил свечи, читая, что было с собою, и, покуривая сигару, сравнивал, что мне лежать на скамье гораздо мягче от подостланной дорожной шубы, чем соседу моему, разносчику с лубяным коробом: он просто на голом полу, головою чуть-чуть не в печке, наслаждался таким сном, которому нельзя было не позавидовать.

Но вот бессонная ночь миновалась; петухи громко прокричали, и в шестом часу монастырский колокол заблаговестил к заутрени. Я оделся, пошел в монастырскую церковь помолиться и узнал от доброго настоятеля, что в монастыре живут восемь монахов, что монастырь зовется Могилевским, по реке Могилевке, что г.<осподин>

---

¹¹⁷ С. Могилевка Кувшиновского р-на, в 26 км к западу от Кувшинова, на шоссе Кувшиново — Осташков, на р. Цне. Известно с XIII в. как место сражения с монголо-татарами. В 1634 г. в Могилевке иеромонах Иов основал Успенский мужской монастырь, которому в XVIII в. принадлежало свыше 13 800 десятин окрестных земель; в 1900 г. обращен в женский монастырь. В 1926 г. упразднен. Сохранились Успенский собор (1715—1720) с колокольней конца XVII — начала XVIII в., Троицкая церковь с трапезной, остатки ограды с башней, корпуса келий (XVIII в.).

Строев¹¹⁸ два года тому назад осматривал древности и соседние курганы. Вот и заря блеснула на восточном крае неба. Разбудив свою семью на постоялом дворе, я назначил в девятом часу отправиться в дальнейший путь к Осташкову. Чайная экспедиция кончена; кони запряжены, и мы в пути.

От нетерпения последняя станция казалась долгою; обозы, попутные и встречные, составляли истинное бедствие: надобно было сворачивать в глубокий снег при крике кучеров и извозчиков; всё это утомительно и скучно. Последние семь верст дорога идет по озеру Селигеру ровная и гладкая. Заблистали кресты осташковских храмов: сердце забилось от радости при взгляде на родное, и я с удовольствием остался неделю в Осташкове.

Этот уездный город Тверской губернии лежит на мысе, выдающемся в озеро Селигер; улицы прямые, широкие; старая деревянная постройка домов, почти без фундаментов, некрасива; дома по большей части двухэтажные, не обитые тесом, серые, мрачные, и многие покачнулись на бок; средняя часть города имеет прекрасную каменную постройку, дома чистые со светлыми большими окнами, множество лавок и заметное движение на торговых площадях.

Приходские церкви и собор каменные, хорошей архитектуры;¹¹⁹ внутренность отделана прекрасно. Я видел три церкви и любовался богатством образов и украшений; но что составляет особенность Осташкова — это прекрасное, гармоническое пение в церквях. Осташки — любители вокальной музыки: в церквях хоры охотников поют по нотам все лучшие духовные концерты, обучаясь у своих регентов и выписывая ноты из Петербурга.

Весьма примечательный предмет в Осташкове — бумагопрядильная фабрика купцов братьев Савиных.¹²⁰ Целая часть горо-

¹¹⁸ Строев Павел Михайлович (1796—1876), археограф, главный смотритель в комиссии печатания государственных договоров и грамот, возглавил ряд археографических экспедиций Академии наук, изучивших около 200 монастырских библиотек и губернских архивов (1828—1834); член Академии наук (1841). Однако экспедиционная деятельность Строева закончилась в 1834 г.

¹¹⁹ Крестовоздвиженская церковь (нач. XIX в.), Знаменский собор Знаменского монастыря (1748), Воскресенская церковь (1689), церковь свв. апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного (1768), Преображенская церковь (1760), Смоленский собор Житенного монастыря (1737), Троицкий собор (1697).

¹²⁰ Единственная в то время в Тверской губ. бумагопрядильная фабрика основана С. К. Савиным (1839), имела более 200 рабочих и до 30 разных машин, выпускала от 28 до 42 видов пряжи; в 1844 г. произведено 5 870 пудов пряжи

да на берегу озера застроена огромными каменными зданиями. Трехэтажный каменный корпус вмещает прядильню, устроенную со всеми новейшими машинами для этого производства. Движение производится паровыми машинами, и шестьсот рабочих, разделенных на смены, день и ночь заняты изготовлением пряжи. Скоро будет установлена новая паровая машина, которая заменит обе ныне действующие; главнейшие и то весьма немногие части выписаны из Англии; сборка и приготовление остальных частей произведены в мастерских Савина. Перед фабрикою выкопан широкий канал; в нем зимует пароход «Осташ», принадлежащий хозяевам фабрики.¹²¹ Летом пароход ходит по озеру Селигеру, буксирует суда с дровами и хлопчатую бумагой, которая доставляется чрез город Валдай из Петербурга. По словам механика-англичанина, человека весьма приветливого, фабрика изготовляет в сутки до ста пудов пряжи. В общем фабричном квартале принадлежит Савиным огромный кожевенный завод, выделяющий красную и черную юфть для продажи за границу. Все фабричные здания и прилежащие к ним улицы освещены гасом, добываемым из бересты; устройства газовой фабрики не удалось мне видеть, и вообще все подробности фабричного дела сообщены мне механиком-англичанином и служащими при фабрике.

Рядом с фабрикою Савиных тянутся длинной линией городские кузницы; на них горожане Осташкова выделяют большое количество кос, топоров и серпов. Я расспрашивал о достоинстве этих произведений: мастера жаловались на дешевизну русского товара в торговле, а заслуживающий доверия помещик рассказал другое: «В прошедшем году лучшему нашему кузнецу я заказал пятнадцать кос для моей подгородной деревни, заплатил ему по 80-ти коп. <еек> серебр.<ом> за каждую, что выше той цены, которую мы платим за иностранные косы; между нами был уговор в течение лета перемывать те косы, которые окажутся нехорошими; из пятнадцати шесть переломились весьма скоро, остальные я менял в продолжение всего лета и с сожалением должен сказать, что на будущий год куплю косы заграничные». Как жаль, что люди с капиталами не обратят внимания на такую важную отрасль фабричного дела, какова выделка кос, серпов и тому подобного! Мы имеем в России прекрасного качества дешевое железо: нужно искусство закалки и умение превращать его

на сумму 106 700 руб. сер. (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. С. 30).

¹²¹ См. путешествие Островского.

в сталь. Научить смышленного нашего русского мастера всему легко. Нельзя не пожалеть, что рядом со знаменитой прядильной фабрикою со всеми усовершенствованиями по механической части работает русский мужичок на своем горне и выделявает плохие косы и серпы, а орудия эти едва ли не столько же важны, как и тонкая бумажная пряжа.

В Осташкове есть городская публичная библиотека и городской театр, на котором играют любители, мещане.¹²²

В Осташкове есть Знаменский женский монастырь; в нем прекрасные две каменные церкви, а все монастырские строения обнесены каменной с башнями стеною. В монастыре воспитываются пятнадцать девочек-сирот из духовного звания: они помещены в новом просторном деревянном флигеле, учатся грамоте, рукодельям, духовному нотному пению и Закону Божию. Они одеты чисто, опрятно; здоровые, веселые лица детей служат добрым знаком попечительности о них. Здесь прекрасная благодетельная цель мудрого правительства достигает своего назначения: приличное образование девочек-сирот духовного звания обещает в будущем истинное благодение. Чистая нравственность, религиозное воспитание приготовят для грядущего поколения женщин, какими должны быть жены сельских священников. С особенным удовольствием бывал я в монастыре у обедни. Служба со всем подобающим благочинием и женское стройное, гармоническое пение располагают душу к религиозному умилению. За раннюю обедню поют девочки воспитанницы, у поздней обедни хор монахинь.

В семи верстах от города на острове Столобном воздвигнута обитель, известная у нас в России. Это мужской монастырь, в котором почивают мощи угодника Божия Нила, Столобенского чудотворца. Главный собор, где помещаются нетленные мощи, — великолепное здание новейшей архитектуры; богатство церковное удивительно, живопись прекрасная, главные царские врата из чеканного серебра весьма похожи на те, которые в Казанском соборе в Петербурге. В мае ежегодно 27-го числа, в день обретения мощей, бывает крестный ход. Картина этого торжества бесподобная: тысячи богомольцев на лодках следуют по озеру за главным судном, на котором высокопреосвященный со всем духовенством переплывает по озеру на монастырский остров.

Прожив неделю в Осташкове, я с удовольствием провел это время. В небольшом уездном городе, лежащем в углу губернии, в ста вось-

¹²² См. путешествие Островского.

мидесяти верстах от Твери, труд и капиталы вращаются деятельно; фабрики с новейшими усовершенствованиями по механической части облегчают выделку товаров и дают хлеб рабочим; дети фабричных учатся грамоте в заводской школе. Город имеет свой банк под названием Савинского;¹²³ дела его, как мне говорили, в весьма хорошем положении. Все эти особенности заслуживают внимания просвещенного человека.

---

¹²³ См. путешествие Островского.

ТВЕРЬ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XIX ВЕКОВ

**Издание подготовлено
Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым**

**Творческое объединение «Книжный клуб»
Тел. (4822) 41-71-55, 8-961-014-55-77
E-mail: tverbook@mail.ru, www.tverbook.ru**

Генеральный директор А. С. Полосков
Технический редактор Т. Ю. Саватеева
Компьютерная вёрстка А. Ю. Карасёва
Корректор Г. А. Веселова
Дизайнер И. Ю. Бодалёва

ISBN 978-5-903830-39-8

Подписано в печать 15.08.2012 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Объем 27 п. л. Тираж 300 экз. Заказ № 5057.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Тверская областная типография».
170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28.